

SciPress.ru

Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ
РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI SCOPUS COPYRIGHT

**Международный
научно-практический журнал**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

№02 (106) 2024

ISSN 2412-8953

<https://scipress.ru/philology/>

УДК 8

ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2024. №02 (106). 171 с.

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала <http://scipress.ru/philology/>

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

УДК 8

ББК 80/83

© Научно-издательский центр
«Открытое знание», 2024

© Коллектив авторов, 2024

Главный редактор:

Плесканюк Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ.

Редакционный совет:

Александрова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, РФ

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, г. Н. Новгород, РФ

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургская государственная консерватория им Н.А. Римского-Корсакова, г. Санкт-Петербург, РФ

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, РФ

Мирзоева Лейла Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкового образования, университет им. Сулеймана Демиреля, г. Алматы, Республика Казахстан

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай

Николаенко Сергей Владимирович – доктор педагогических наук, доцент, декан филологического факультета, Витебский государственный университет имени П.М.Машерова, г. Витебс, Республика Беларусь

Пацюкова Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н.Новгород, РФ

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ, г. Н.Новгород, РФ

Сметанина Ольга Михайловна – доктор культурологии, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков и профессионального лингвообразования Нижегородского института управления, филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Н.Новгород, РФ

Соснин Алексей Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Н.Новгород, РФ

Редакционная коллегия:

Андреева Людмила Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, Гуманитарный институт североведения, Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск, РФ

Аймагамбетова Малика Муратовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иностранной филологии и переводческого дела, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы, Республика Казахстан

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, Башкирский государственный университет, Бирский филиал, г. Бирск Республика Башкортостан, РФ

Белова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина, г. Н. Новгород, РФ

Воронцова Татьяна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой восточных и европейских языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Воропаев Николай Николаевич – кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел языков Восточной и Юго-Восточной Азии, Институт языкознания РАН, г. Москва, РФ

Дехтярева Елена Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврическая академия, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Жампейсова Жанар Муратбековна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, регионоведения и переводческого дела, Казахская головная архитектурно-строительная академия, г. Алматы, Казахстан

Коптелова Ирина Евгеньевна – кандидат философских наук, заведующий кафедрой английского языка факультета международных отношений и международного права, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, РФ

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Новоградская-Морская Нинель Антоновна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, г. Донецк, ДНР

Овчинникова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Пепеляева Софья Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры культурологии ФАиД, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, г. Н. Новгород, РФ

Петрова Инна Михайловна – доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания и переводоведения, Московский городской педагогический университет, Институт иностранных языков, г. Москва, РФ

Резунова Мария Владимировна – доцент, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, Брянский филиал РАНХиГС, г. Брянск, РФ

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Республика Крым, РФ

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики французского, испанского и итальянского языков, Нижегородский государственный лингвистический университет им Н.А. Добролюбова, г. Н. Новгород, РФ

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, РФ

Трофимова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Донецкий национальный университет, г. Донецк, ДНР

Чиронов Сергей Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков, Московский государственный институт международных отношений МИД России, г. Москва, РФ

Шашкова Валентина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орел, РФ

Щербина Сергей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Педагогический институт Тихоокеанского Государственного университета, г. Хабаровск, РФ

***Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет,
ответственность за достоверность информации несут авторы статей***

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русский язык	7
Вальваков Р.В. Исследование синонимии в лингвистике: основные концепции, теории и идеи.....	7
Малахова М.Г. Особенности употребления императивных конструкций с неимперативными глагольными формами в современном русском языке	21
Малахова М.Г. Средства выражения волеизъявления и его частных семантических интерпретаций в современном русском языке	31
Германские языки	48
Головань А.Н. Лексико-семантическая ассимиляция англицизмов в молодежном сленге (на материале русскоязычного аниме форума)	48
Дзахова В.Т., Рубаева И.М. Паузы в художественном тексте (экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка)	57
Еремцова К.Ю. Английские термины уголовного права <i>felony, treason</i> и <i>misdemeanour</i> : этимология и семантика	64
Романова Л.Г. Семантико-стилистическая репрезентация чувства ревности в переводе (на примере романа Дж. Б. Пристли «Улица Ангела»)	71
Теория языка	78
Абрамова У.К. Дискурсивные когнитивные аттракторы в политической речи Маргарет Тэтчер «The Bruges Speech».....	78
Двойнина Е. В. Использование стратегий и тактик политического дискурса в дискурсе СМИ (на материале англоязычного издания «The Global Times»).....	84
Лохов С.Н., Комарова Л.Л. Эмотиконы и знаки препинания: сочетание графем и последовательность их расположения в тексте	93
Плаксицкая Н.А., Ломакина С.А. Функционально-содержательные типы диалогов и наличие диалогических ситуаций в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»	101
Шабакеева В.Р., Хайруллина Д.Д. Особенности перевода окказионализмов (на примере серии книг о Гарри Поттере Дж.К. Роулинг)	116
Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	123
Тархова А.Б. Особенности оформления текста при редактировании машинного перевода	123
Терентьева Д.М. Языковая личность в аспекте концепции когнитивных стилей ...	129
Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии	135
Кокова Л.Д., Кокова Б.Д. Кабардино-черкесские фамилии на Великом шелковом пути.....	135

Литература народов стран зарубежья	141
Малашенко В.В. Нарративная стратегия в романе К. Вольф «Медея: голоса»	141
Никанорова Е.И., Ястребова А.С. Анализ символического содержания образа кактуса в рассказе О. Генри «Кактус»	148
Свистунов А.С. Описание внешнего мира как средство психологической характеристики персонажей в композиции художественного произведения на примере рассказа Ширли Джексон "The Lottery"	155
Лингвокультурология	161
Марченко Ю.М. Исследование межкультурной коммуникации в Соединенных Штатах Америки, Западной Европе и России	161

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.1'37

Вальваков Р.В. Исследование синонимии в лингвистике: основные концепции, теории и идеи

Вальваков Роман Викторович

кандидат филологических наук, доцент Международного университета
в Центральной Азии
0554 02-10-61, valvakov_r@iuca.kg; valvakoff@gmail.com

The study of synonymy in linguistics: main concepts, theories and ideas

Valvakov Roman Viktorovich

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the International University
Of Central Asia

Аннотация. В статье рассматриваются основные концепции, теории и идеи, лежащие в основе изучения синонимов, с акцентом на вклад советских лингвистов, таких как Ю.Д. Апресян, А.А. Брагина и Л.А. Новиков, а также на современные разработки в области российской лингвистики. Основное внимание в статье уделено тщательному анализу различных подходов к классификации синонимов, описывающих их семантические, стилистические и функциональные аспекты. Разрабатывается детальное понимание синонимии как многогранного и сложного явления языка, которое играет ключевую роль в языковой выразительности и точности. Исследование подчеркивает важность синонимов в лексической системе языка, их вклад в языковое разнообразие. Подробно анализируются методологические подходы к определению и функционированию синонимов, а также их роль в современной лингвистической практике. Результаты исследования раскрывают сложность синонимии как лингвистического явления.

Ключевые слова: синоним, синонимия, семантика, функция, квазисиноним, оттенок значения, дифференциация, синонимический ряд

Abstract. The article examines the main concepts, theories and ideas underlying the study of synonyms, with an emphasis on the contributions of Soviet linguists such as Yu.D. Апресян, A.A. Bragina and L.A. Novikov, as well as on modern developments in the field of Russian linguistics. The article focuses on a thorough analysis of various approaches to the classification of synonyms, describing their semantic, stylistic and functional aspects. A detailed understanding of synonymy is developed as a multifaceted and complex phenomenon of language that plays a key role in linguistic expressiveness and accuracy. The study emphasizes the importance of synonyms in the lexical system of a language and their contribution to linguistic diversity. Methodological approaches to the definition and functioning of synonyms, as well as their role in modern linguistic practice, are analyzed in detail. The results of the study reveal the complexity of synonymy as a linguistic phenomenon.

Key words: synonym, synonymy, semantics, function, quasi-synonym, shade of meaning, differentiation, synonymic series

Согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю, синонимия – это «тип семантических отношений языковых единиц, заключающийся в полном или частичном совпадении их значений» [1, с. 446], а синонимы – это «слова одной и той же части речи (а также, в более широком понимании, фразеологизмы, морфемы, синтаксические конструкции), имеющие полностью или частично совпадающие значения» [1, с. 447]. Синонимия выявляется на базе конкретного значения слова, так как многозначные слова могут являться синонимами только в некоторых из своих значений. Одно многозначное слово может не быть синонимичным другому многозначному слову во всех своих значениях.

Слова-синонимы обнаруживаются во всех языках. Нельзя не согласиться с мнением И.В. Ерофеевой и соавторов о том, что «Наличие разветвленных синонимических рядов является свидетельством богатства и развитости языка» [2, с.51].

Отметим, что данная статья носит теоретический характер. Цель исследования – не столько практический анализ конкретных синонимических рядов или отдельных синонимов, сколько систематизация существующих теоретических подходов к пониманию синонимии в лингвистике. Мы сознательно ограничиваем рамки своего анализа обзором и критическим рассмотрением концепций, предложенных такими лингвистами, как Ю.Д. Апресян, А.А. Брагина, Л.А. Новиков и другими, стремясь выявить ключевые идеи и предложения в области изучения синонимии. Такой подход позволяет сфокусироваться на теоретических основаниях явления синонимии, его семантических, стилистических и функциональных аспектах, не углубляясь в детализированный анализ примеров из языковой практики.

Исходя из конкретных исследовательских интересов автора, в данной статье приводятся примеры из русского и английского языков. Русский язык, с его богатой историей и сложной системой значений, предоставляет интересную возможность для изучения глубинных аспектов синонимии, в то время как английский язык, являясь международным лингва франка, открывает перспективы анализа синонимии в контексте глобальной коммуникации и культурного взаимодействия. Этот выбор подчеркивает универсальность явления синонимии и её значимость для понимания механизмов функционирования языка в различных культурных и социальных контекстах.

В российской лингвистике фундаментальными работами, посвященными исследованиям синонимов, являются труды Ю.Д. Апресяна, А.А. Брагиной и Л.А. Новикова.

Ю.Д. Апресян выделяет два подхода к определению синонимов: семантический и операционно-семантический [3, с.216]. Семантический подход акцентирует внимание на наличие у слов-синонимов семантических различий при тождестве лексического значения. Согласно операционно-семантическому подходу синонимами считаются только слова с тождественным значением. Данный подход опирается на критерий, который можно условно назвать дефиниционным: синонимами считаются только те слова, которые обладают тождественными толкованиями (дефинициями).

Ю.Д. Апресян указывает на наличие дистрибутивного критерия синонимичности: синонимами считаются слова, которые могут взаимозаменяться в одном и том же контексте, при возможном наличии стилистических и иных различий [3, с. 218].

Анализируя дистрибутивный критерий, Ю.Д. Апресян приходит к выводу о его ограниченности: данный критерий трудно применить в лексикографической практике. В связи с этим выдвигается другой критерий, применимый в практике составления толковых словарей: возможность истолковать синоним одинаковым или почти одинаковым способом [3, с. 220]

В связи с указанными критериями Ю.Д. Апресян выделяет лексические синонимы в узком смысле (точные синонимы) и квазисинонимы. Лексические синонимы в узком смысле обладают тождественными словарными толкованиями (дефинициями). Квазисинонимы, при схожести содержания, обладают различными оттенками значений. Например, слова *рыть* и *копать*, *рубить* и *колоть*, *путь* и *дорога*, *скупой* и *жадный*, *чуть* и *едва* являются типичными квазисинонимами. К точным синонимам исследователь относит такие слова, как, например, *бросать* – *кидать*, *гасить* – *тушить*, *глядеть* – *смотреть*, *козявка* – *букашка*, *подлинник* – *оригинал*, *фига* – *кукиш*, *громадный* – *огромный*, *одинаковый* – *тождественный* и др. (примеры Ю.Д. Апресяна).

Необходимо также отметить, что в понимании Ю.Д. Апресяна термин «оттенок значения» является некорректным. Ученый считает, что термин «оттенок значения» неоднороден, дублирует иные лингвистические понятия, не имеет постоянного содержания и, следовательно, от него нужно отказаться [4, с.3]. Более корректным в связи с описанием семантики языковых единиц представляется термин «употребление». Подробный анализ термина «употребление» представлен в статье «Значение и употребление» [4, с.3].

Ю.Д. Апресян выделяет следующие типы лексических единиц, которые могут вступать в отношения точной синонимии (примеры заимствованы из статьи Ю.Д. Апресяна «Синонимия и синонимы» [5, с. 79-80]):

(1) **исконные разнокоренные слова в их основных неэкспрессивных значениях.** Например: *торопиться – спешить, быстрый – скорый, битва – сражение, противник – неприятель, безумие – сумасшествие* и др.

(2) **заимствованное и исконное слово.** Например: *абсурд – нелепость, автономия – самоуправление, аргумент – довод, концентрировать – сосредотачивать, информация – сведения* и др.

(3) **однокоренные слова.** Например: *впихивать – запихивать, всовывать – засовывать, бросать – сбрасывать (бомбы), рвать – взрывать (мост), закалка – закаливание, болезнь – заболевание, целиком – всецело* и др.

(4) **слово и фразеологическая единица или две фразеологические единицы.** Например: *бездельничать – бить баклуши, побеждать – брать верх, вероятно – надо думать, загнать в угол – припереть к стенке, во всю ивановскую – благим матом, в мгновение ока – глазом не успел моргнуть* и др.

(5) **слова в экспрессивных значениях.** Например: *вкатить (выговор) – влепить (выговор), валандаться – канителиться, пустомеля – пустозвон – пустобрех, ахинея – галиматья – белиберда – бред* и др.

(6) **слова в переносных значениях.** Например: *мчаться – нестись – лететь, выходить – получаться, идти – течь (о крови из раны), выпасть – вылезать (о шерсти), бить – стрелять (по окопам), маска – личина (равнодушия)* и др.

(7) **слова в так называемых фразеологически связанных значениях.** Например: *создается впечатление – складывается впечатление, ветер стих – ветер улегся, дорога берет влево – дорога забирает влево, вино ударяет в голову – вино бросается в голову, ставить под контроль – брать под контроль, дословный перевод – буквальный перевод, заклятый враг – злейший враг, бесконечная благодарность – безмерная благодарность* и др.

Необходимо отметить вклад Ю.Д. Апресяна в лексикографическую практику: под его руководством коллективом авторов составлен Англо-русский синонимический словарь [17]. В статье «Английские синонимы и синонимический словарь», опубликованной в качестве приложения к данному словарю, Ю.Д. Апресян очень тщательно и подробно описывает теоретические и практические основы лексикографического описания синонимов в двуязычном словаре. Заслуживающей

внимания представляется идея автора о том, что различия между словами-синонимами (квазисинонимами, в терминологии Ю.Д. Апресяна), могут быть представлены следующими типами: а) понятийные, или чисто семантические различия, б) оценочные различия, в) ассоциативные, коннотативные различия, г) различия в подчеркивании или логическом акценте [17, с. 519].

Кроме того, под руководством Ю.Д. Апресян разработан «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» [18]. В этом словаре, направленном на отражение языковой картины мира, реализуются принципы системной лексикографии: последовательно отражаются семантические, референциальные, прагматические, коннотативные, коммуникативные, синтаксические, сочетаемостные, морфологические и просодические сходства и различия между синонимами, а также условия нейтрализации различий.

В концепции советского исследователя синонимии А.А. Брагиной за основу синонимии берется «близость значений, выражающих оттенки одного понятия. Так выдвигается на первый план дифференцирующая роль синонимов, выделяется не только общее в значении синонимичных слов, но и еще более важные различительные признаки каждого из синонимов» [6, с. 65].

Лексические единицы, связанные синонимическими отношениями, различаются на основе дифференциальных семантических признаков. А.А. Брагина справедливо считает, что дифференциальным семантическим признакам синонимов принадлежит ведущая роль в их функционировании [6]. Эта идея развивается и в современной лингвистике. Синонимия играет ключевую роль в обогащении лексического состава языка. Она позволяет говорящему выбирать из множества вариантов наиболее подходящее слово в зависимости от контекста и собственных коммуникативных намерений. Это особенно важно в поэтическом языке, где точное слово может вызвать особенные эмоции и ассоциации. В то же время, синонимы часто имеют нюансы значений, которые могут быть очень тонкими, но значимыми, обогащая выразительные возможности языка.

Согласно А.А Брагиной, синонимы выполняют две важные функции: функцию дифференциации и функцию тождества [6, с. 69]. Функция дифференциации связана с необходимостью «выразить оттенки передаваемого понятия» [6, с. 69], а функция тождества ориентирована на реализацию стилистического разнообразия речи: благодаря синонимам можно избежать монотонности однообразного употребления одних и тех же слов. Другим важным аспектом синонимии является их роль в языковой эволюции. Язык постоянно развивается, и синонимы могут отражать эти

изменения, внося новые элементы в уже существующие лексические категории. Это также позволяет языку адаптироваться к новым реалиям и технологиям, обеспечивая своевременное обновление словарного запаса и упрощая включение новых понятий и идей.

При исследовании синонимии А.А. Брагина опирается на понятие синонимического ряда. «Синонимический ряд связывает и то, что принято общезыковой нормой, и то, что родилось в индивидуальном творчестве. Синонимический ряд воплощает разнообразие и единство литературного языка» [6, с. 69]. В синонимический ряд включаются, по мнению А.А. Брагиной, слова разной стилистической окраски, разной стилистической принадлежности, как узуальные, так и окказиональные. Благодаря подобному содержательному наполнению, синонимический ряд играет важную роль в передаче мыслей и реализации коммуникативной функции языка. «Синонимы – это семантические ряды слов» [6, с. 73].

Советский лингвист Л.А. Новиков внес свой вклад в изучение явления синонимии. Л.А. Новиков указывает на наличие четырех подходов к трактовке понятия «синонимия» [7, с. 222-223]. Каждый подход акцентирует внимание на том или ином аспекте значения лексических единиц: сигнификативном, денотативном, структурном или прагматическом.

Можно предположить, что явление лексического значения – многоаспектно и многогранно. Синонимия, в основе которой лежит лексическое значение, также многогранна и многоаспектна, вследствие чего её адекватная и однозначная интерпретация вряд ли возможна. В зависимости от исследовательских целей и задач, можно понимать синонимию по-разному. Так, Л.А. Новиков пишет: «Существуют «узкое» понимание синонимии как свойства слов, полностью совпадающих в своем значении, и более «широкое её понимание». Первое имеет большую ценность с точки зрения семантического перифразирования высказываний, второе – для осмысления того, как функционируют в тексте полностью или частично эквивалентные единицы» [7, с. 224].

Л.А. Новиков приходит к следующему определению синонимии: «Синонимия как лексическая категория – это семантическое отношение тождественных или сходных значений, выражаемых формально различными словами (ЛСВ), которые реализуют в тексте функции замещения, уточнения, а также стилистические функции» [7, с. 227].

Л.А. Новиков обращает внимание на тот факт, что синонимы образуют парадигмы [7, с. 229]. Нельзя с этим не согласиться. Любой язык представляет собой систему. Системность языка реализуется за счет наличия в нем парадигм – системных групп. Парадигма – это «любой класс лингвистических единиц, противопоставленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака или вызывающих одинаковые ассоциации» [1, с. 366]. Парадигмы делятся на морфологические, синтаксические, лексические, словообразовательные и т.д. Лингвистический энциклопедический словарь трактует лексическую парадигму как «объединение грамматически однородных слов, имеющих семантическую общность» [1, с. 366]. Одна из лексических парадигм, играющих важную роль в языке, и являющихся проявлением системности языка – это синонимы.

Для слов-синонимов характерно наличие общей понятийной основы, то есть слова-синонимы объединяются в одну группу на основе одного и того же понятия, которое они выражают. Например, у слов *mistake*, *error*, *blunder* общая понятийная основа, они выражают одинаковое понятие – «ошибка».

Часто синонимы одной группы отличаются по своей сочетаемости. Например, слова *herd*, *pack*, *flock* и *school* имеют общую понятийную основу – они используются для обозначения группы животных. Однако данные слова сочетаются только лишь с названиями определенных животных – *herd of cows*, *herd of elephants*, *flock of birds*, *flock of goats*, *pack of wolves*, *school of fish*. Нельзя сказать *herd of goats*, *flock of elephants* или *pack of birds*.

Л.А. Новиков пишет, что сходство в лексической сочетаемости синонимов определяет степень их синонимичности. Степень синонимичности двух слов с одинаковым значением тем выше, чем больше общих контекстов, в которых эти слова способны замещать друг друга [7, с. 227]. Л.А. Новиков указывает на важность контекста для определения характера синонимии.

Важным представляется вопрос о функциях синонимов. Л.А. Новиков выделяет семантические и стилистические функции синонимов [7]. К семантическим функциям синонимов относятся функции замещения и уточнения.

Синонимы употребляются в функции замещения, для того чтобы избежать повторов. Благодаря употреблению синонимов устраняется однообразие речи и проявляется такое её качество, как богатство.

Л.А. Новиков называет уточнение одной из важнейших семантических функций языка и существенной семантической функцией синонимов [7, с. 231].

Реализуя функцию уточнения, слова-синонимы описывают разные стороны одного и того же процесса, предмета, явления и т.д. Синонимы, выполняющие функцию уточнения обычно расположены достаточно контактно, в пределах одного предложения.

К стилистическим функциям синонимов Л.А. Новиков относит функцию оценки и функцию стилевой организации текста [7].

Функция оценки заключается в том, что с помощью синонимов можно выразить позитивное или негативное отношение к чему-либо. Синонимы могут обладать стилистической окраской, на основе которой происходит положительное или отрицательное оценивание чего-либо. Например,

очи – положительная оценка

глаза – нейтральная оценка

зенки, гляделки – отрицательная оценка.

Согласно Л.А. Новикову, «нормативный текст характеризуется не только семантическим, но и стилистическим согласованием единиц» [7, с. 239]. Важная роль в создании стилистически согласованного текста принадлежит синонимической лексике.

В современной лингвистике выделяются три типа синонимов: абсолютные, идеографические и стилистические.

Абсолютные синонимы обладают полностью тождественными значениями. Такие синонимы достаточно редки в языке, обычно это термины, как, например, русские слова *лингвистика, языкознание, языковедение*. У абсолютных синонимов совпадают значения, стилистическая окраска и употребление. В русском языке имеются определенные причины, которые способствуют наличию и постоянству абсолютных синонимов в его структуре.

Одной из причин стабильности абсолютных синонимов в русском языке является их терминологическая природа. Термины в любом языке стремятся к точности и однозначности, что объясняет, почему многие абсолютные синонимы находятся в сфере научной и технической лексики. Например, слова *лингвистика, языкознание* и *языковедение* полностью взаимозаменяемы и несут одно и то же значение, что является характерным для научных терминов.

Тем не менее, наличие абсолютных синонимов в языке может быть объяснено историческими и культурными факторами. В процессе развития языка слова могут заимствоваться из других языков или формироваться в результате внутренних процессов, приводя к появлению синонимов с идентичным значением. Например, в

русском языке заимствованные слова часто сосуществуют с их русскими эквивалентами, образуя пары абсолютных синонимов.

В целом, абсолютные синонимы являются важной частью лексической системы языка, хотя и встречаются довольно редко. Их существование и устойчивость в языке связаны с рядом лингвистических, исторических и культурных факторов, подчеркивающих сложность и многообразие языковых процессов.

Идеографические синонимы обладают общей понятийной основой и определенными различительными признаками. Идеографические синонимы описывают различные стороны одного и того же понятия, они отличаются оттенками значений. Например, слова *illness* и *disease*. В толковом словаре английского языка разница между данными синонимами объясняется следующим образом: «*Disease is used to talk about more severe physical medical problems, especially those that affect the organs. Illness is used to talk about both more severe and more minor medical problems, and those that affect mental health*» [19].

Стилистические синонимы обладают общим значением, но различаются стилистической окраской. Стилистические синонимы используются в различных функциональных стилях. Например, слово *child* обладает нейтральной стилистической окраской, у слова *infant* – книжно-возвышенный характер, слово *kid* употребляется в разговорной речи. Слово *salt* употребляется в повседневной бытовой речи, в то время как его синоним *sodium chloride* является научно-техническим термином. Слово *insane* относится к официально-деловому стилю, а его синоним *loony* употребляется в разговорном стиле. У всех этих слов – общая понятийная основа. Различия обнаруживаются в сфере стилистического функционирования данных слов.

Кроме того, разные слова с общей понятийной основой могут функционировать в литературном языке и в региональных вариантах. Например, слова *autumn* и *fall* являются синонимами, но они употребляются в разных региональных вариантах английского языка: британском английском и американском английском соответственно.

Синонимы играют важную роль в реализации различных функций языка, обогащая его выразительные возможности и повышая точность коммуникации. Синонимы не только улучшают понимание и передачу информации (коммуникативная функция), но и позволяют говорящим более точно выражать свои чувства и настроения (экспрессивная функция). В литературе синонимы используются для создания особого ритма, рифмы и образности текста (поэтическая

функция). Кроме того, они способствуют более глубокому анализу и осмыслению языковых структур (метаязыковая функция) и могут служить индикаторами социального статуса или культурной принадлежности (социальная функция). Таким образом, синонимы являются ключевым элементом, обеспечивающим глубину и многообразие языкового выражения.

Различия между синонимами обнаруживаются в эмоционально-экспрессивной сфере: у нейтрального слова может быть эмоционально-экспрессивный синоним. Например, *старый* – *допотопный*, *обман* – *очковтирательство*, *deception* – *eyewash*, etc.

Интересным и перспективным представляется исследование различий между синонимами с позиций психолингвистики.

Также выделяются синонимы языковые и речевые. Для языковых синонимов характерна устойчивость и регулярная воспроизводимость в языковом коллективе. Речевые (или контекстуальные) синонимы такими характеристиками не обладают, сходство их значения проявляется в определенном тексте или в определенном контексте. Вне определенного текста речевые синонимы теряют сходство своего значения. Наиболее частотная сфера функционирования речевых синонимов – это художественный текст и публицистика.

Контекстуальные синонимы «являются окказиональными, ситуативными, а иногда даже и авторскими, и употребляются лишь в условиях заданного контекста» [8, с. 479]. Проблематика контекстуальной синонимии важна, так как она подчеркивает динамичность и гибкость языка. В разных контекстах одно и то же слово может приобретать новые оттенки значения, а разные слова могут становиться синонимами, несмотря на их различия в обычном употреблении. Это явление демонстрирует, как язык адаптируется к специфике коммуникативной ситуации, позволяя говорящему более точно и креативно выражать свои мысли и эмоции.

Е. И. Путьгина отмечает, что «детальных разработок контекстуальной синонимии в настоящее время не существует» [9, с. 83]. Это подчеркивает потребность в дальнейшем изучении данного феномена, чтобы лучше понять, как контекст влияет на лексические отношения в языке и как эти отношения могут меняться в зависимости от ситуации. Глубокое понимание контекстуальной синонимии может расширить наше понимание гибкости языка и способов его использования в разнообразных коммуникативных контекстах.

В большинстве работ для обозначения синонимической группировки лексики используется термин «синонимический ряд», который вводится словом-доминантой.

Доминанта синонимического ряда понимается как слово, обладающее «общим для всех членов синонимического ряда значением» [10, с. 126]. В.А. Белов показал, что установление доминанты возможно не во всех синонимических рядах, выделяя на этом основании центрированные и нецентрированные синонимические ряды [10, с. 126].

Обычно между доминантой синонимического ряда и остальными его компонентами возникают родо-видовые отношения: значение доминанты является достаточно обобщенным, значение компонентов синонимического ряда более конкретное, чем значение доминанты, они называют разновидности понятия, выраженного доминантой. Например, синонимический ряд глаголов *laugh – chuckle – chortle – guffaw – giggle – titter – snigger – snicker*.

Глагол *laugh* – доминанта ряда, он обозначает действие «смеяться» вообще, безотносительно к конкретным разновидностям смеха. Остальные глаголы обозначают разные виды смеха:

chuckle – тихо смеяться, посмеиваться

chortle – сдавленно смеяться

guffaw – грубо хохотать, гоготать

giggle, titter – хихикать

snigger – хихикать, посмеиваться; давиться от смеха

snicker – хихикать, посмеиваться (американский английский)

Ученые-лингвисты обратили внимание на следующий факт: чем более значимым для жизни общества является какое-либо понятие, тем большим количеством синонимов оно обозначается, тем больший синонимический ряд оно формирует.

Так, социально значимое понятие «деньги» может выражаться лексически следующими синонимами: *dough, bread, loot, readies, shekels, dosh, brass, lolly, greenbacks, jack, rocks*.

Различные качественные характеристики человека также передаются в языке разнообразными синонимами:

Traitor – rat, squealer, whistle-blower, snitch

Womanizer – fox, wolf, skirt-chaser, lady-killer, lech

В языкознании для описания группы каких-либо единиц языка используется термин «поле», заимствованный, вероятно из физики, где описываются гравитационные, электромагнитные и другие поля.

Полевой принцип акцентирует внимание на системной организации группы слов-синонимов с выделением в ней ядра и периферии и дальнейшим подразделением периферии на различные зоны. Полевое устройство позволяет показать сложные внутренние связи как между ядром и периферией, так и между элементами, формирующими периферию поля.

В исследовании М.Г. Шкуропацкой и Н.В. Цепелевой предложен термин «синонимическая сеть», который трактуется как «совокупность синонимов, образующая различные группы, организованные по полевому принципу» [11, с. 237].

В последнее время в современной российской лингвистике наблюдается заметный рост интереса к изучению синонимии через призму когнитивных наук.

Так, В.А. Белов исследует когнитивные основания лексической синонимии имен существительных [12]. Заслуживает внимания предположение В.А. Белова о том, что «... в лексиконе носителя языка реализуются логическое и ситуативное основания семантической близости» [12, с.18]. Исследование В.А. Белова подчеркивает, что семантическая близость в лексиконе не является статичной или однозначно определенной, а скорее обусловлена динамическим взаимодействием логических и ситуативных факторов. Это предположение расширяет понимание того, как носители языка используют синонимы, предлагая комплексный взгляд на механизмы семантической близости и взаимозаменяемости слов в различных контекстах.

На изучении лингвокогнитивных механизмов, лежащих в основе явления близкой синонимии в английском языке, основывают своё исследование функционально-семантического потенциала близкосинонимичных конструкций С.В. Иванова и С.Н. Медведева [13].

С.И. Маджаева и З.Р. Гречухина в статье о причинах возникновения синонимии в медицинской терминологии пишут, что «Синонимия, являясь маркером познавательной деятельности человека, доказывает когнитивную природу этого явления» [14, с.106]. Действительно, на когнитивном уровне выбор конкретного синонима из группы взаимозаменяемых слов может отражать не только коммуникативные намерения говорящего, но и его когнитивную обработку информации, включая ассоциации, предпочтения и даже эмоциональное состояние.

Т. Б. Баранникова, С. Х. Битокова, С. Н. Ханбалаева изучают проблемы перевода синонимов. В исследовательских целях они выделяют экстралингвистические синонимы и лингвистические синонимы. Авторы отмечают,

что экстралингвистические синонимы создаются «в результате когнитивно-познавательной деятельности носителей языка» [15, с. 38].

Этот процесс включает в себя сложные механизмы мышления, восприятия, памяти и ассоциаций, которые позволяют носителям языка передавать одинаковое или схожее значение различным словам и выражениям в зависимости от контекста.

Л.А. Фурс использует методы когнитивной лингвистики для изучения синтагматического потенциала слов-синонимов *estimate, appraisal, assessment* [16]. Как подчеркивает Л.А. Фурс, «Предполагается, что в речемыслительных процессах сознание человека оперирует структурами знания, сформированными в ходе практической деятельности» [16, с.121]. Синонимы, таким образом, становятся инструментом когнитивного отображения реальности, позволяя человеку более точно и гибко оперировать сложными понятиями и идеями. Они помогают мозгу устанавливать связи между различными элементами опыта, облегчая понимание и общение.

В заключение необходимо отметить, что синонимия не ограничивается простым наличием слов с похожими значениями, но представляет собой сложное явление, где каждый синоним обладает своей уникальной семантико-функциональной нагрузкой. Синонимы выполняют в языке ряд достаточно важных функций и являются значимым пластом лексики любого языка.

Изучение работ Ю.Д. Апресяна, А.А. Брагиной и Л.А. Новикова позволило оценить многообразие подходов к пониманию синонимии, её семантической природы и прагматического использования в языке. Современные российские лингвисты продолжают развивать идеи предшественников, опираясь на новые методологии и подходы для более глубокого изучения явления синонимии.

Рассматривая феномен синонимии через призму основных концепций, теорий и идей, выдвинутых как советскими, так и современными российскими лингвистами, можно утверждать, что синонимия заслуживает дальнейшего внимания как в академическом, так и в прикладном лингвистическом анализе.

Таким образом, синонимия остается значимым объектом исследования в лингвистике, открывая новые горизонты для понимания сложности и богатства языка.

Список литературы:

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 1990. 685 с.
2. Ерофеева И.В., Усманова Л.А., Байрашева В.Р. Синонимия в сознании, тезаурусе и словаре // Филология и культура. 2020. №3(61). С.50-56
3. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 1995. 472 с.
4. Апресян Ю.Д. Значение и употребление // Вопросы языкознания. 2001. № 4. С. 3-22
5. Апресян Ю.Д. Синонимия и синонимы // Вопросы языкознания. 1969. № 4. С. 75-91
6. Брагина А.А. Синонимы и их истолкование // Вопросы языкознания. 1978. № 6. С. 63-73.
7. Новиков Л.А. Семантика русского языка. 1982. 272 с.
8. Гаврилов А.В. Использование контекстуальных синонимов при переводе как критерий освоенности заимствованной лексики (на материале переводов английской литературы XIX века) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 479-482
9. Путятин Е.И. Языковая синонимия числительных и других лексем с семой числа в англо-русской коммуникации // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 5. С. 82-90
10. Белов В.А. Типы синонимических рядов // Вопросы психолингвистики. 2014. № 4 (22). С. 125-137.
11. Шкуропацкая М.Г., Цепелева Н.В. Семантическое поле и проблемы синонимии // Вестник КемГУ. 2012. № 3 (51). С. 233-240
12. Белов В.А. Когнитивные основания лексической синонимии имен существительных// Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2022. Т. 8. № 2. С. 3-23.
13. Иванова С.В., Медведева С.Н. Функционально-семантический потенциал близкосинонимичных конструкций on the verge / edge / brink / point of + NOUN // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2023. № 2(50). С. 69-82.
14. Маджаева С.И., Гречухина З.Р. Синонимия в медицинской терминологии: причины ее формирования // Вестник Калмыцкого университета. 2023. №3(59). С. 101-108.
15. Баранникова Т. Б., Битокова С. Х., Ханбалаева С. Н. Проблема перевода синонимов: логико-типологический подход // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 10. С. 32-54.
16. Фурс Л.А. Концептуальная основа синонимов как способ раскрытия их синтагматического потенциала // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2020. №3. С. 120-128.

Список источников

17. Англо-русский синонимический словарь / Ю.Д. Апресян, В.В. Ботякова, Т.Э. Латышева и др.; Под рук. А.И. Розенмана, Ю.Д. Апресяна. 1979. 544 с.
18. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Под общим руководством академика Ю.Д. Апресяна. 2003. 1488 с.
19. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Seventh edition. Oxford: Oxford University Press, 2007. 1780 p.

УДК 10.02.01

Малахова М.Г. Особенности употребления императивных конструкций с неимперативными глагольными формами в современном русском языке

Малахова Марина Георгиевна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры №49 «Русский язык как иностранный», Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
РФ, г. Москва
m.malakhova.2014@yandex.ru

Features of the use of imperative constructions with non-imperative verb forms in modern Russian

Malakhova Marina Georgievna

Cand. Sci. (Pedagogical), assistant professor of department No.49 "Russian as a foreign language", National Research Nuclear University "MEPhI", Russia, Moscow

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы, связанные с особенностями употребления императивных конструкций с неимперативными глагольными формами в современном русском языке. Обосновывается идея о том, что семантическая интерпретация императива может проявляться в неимперативных глагольных формах, которые с помощью различных языковых средств передают особые оттенки побудительной модальности. На основе проведенного исследования автором предлагается провести анализ неимперативных глагольных форм, выражающих побудительную модальность с точки зрения речевой ситуации, и определить их роли в побудительном общении. Автор приходит к выводу, что языковые средства, дублирующие императив, сохраняя особенности своего первичного значения, способны приобретать в определенных контекстных условиях вторичные функции для реализации различных типов побуждения.

Ключевые слова: императив, императивная конструкция, побудительная модальность, каузация, каузативная ситуация, каузируемое действие, каузативность, фактивная каузация, индикатив, инфинитив, сослагательное наклонение, функциональный синоним.

Abstract. This article discusses the problems associated with the peculiarities of the use of imperative constructions with non-imperative verb forms in modern Russian. The idea is substantiated that the semantic interpretation of the imperative can manifest itself in imperative verb forms, which, using various linguistic means, convey special shades of motivational modality. Based on the conducted research, the author proposes to analyze imperative verb forms expressing motivational modality from the point of view of the speech situation, and to determine their role in motivational communication. The author comes to the conclusion that linguistic means that duplicate the imperative, while retaining the features of their primary meaning, are able to acquire secondary functions in certain contextual conditions for the implementation of various types of motivation.

Keywords: imperative, imperative construction, motivational modality, causation, causative situation, causative action, causativity, factive causation, indicative, infinitive, subjunctive mood, functional synonym.

Общеизвестно, что основным средством передачи побудительного значения в современном русском языке является повелительное наклонение (императив). Но это же значение может быть выражено формами изъявительного и сослагательного наклонения. В качестве средства выражения побуждения в императивных конструкциях могут выступать и инфинитивные формы. А также как императивные могут функционировать и вопросительные конструкции [1, с. 77-99].

Так, например, значение категоричного *приказа* часто передается формами инфинитива (*Встать! Молчать!*) и изъявительного наклонения (*Завтра вы едете в Москву!*). А значение *просьбы* или *совета* – формой сослагательного наклонения или инфинитива с частицей *бы* (*Посидел бы ты еще немного. Вам бы отдохнуть*).

Значение мягкого побуждения (*просьбы*), свойственное форме сослагательного наклонения, непосредственно вытекает из присущих этому наклонению оттенков желательности или целесообразности как вариантов объективно-модального значения гипотетичности, а противопоставленное ему значение *приказа* или *распоряжения*, не допускающего отказа, передаваемой конструкциями с индикативными глаголами настоящего времени, прямо обусловлено оттенком запланированного действия как варианта более общего субъективно-модального значения долженствования.

Императивные конструкции с инфинитивом отличаются большей резкостью, категоричностью, нередко грубостью. Из этого вытекает, что их употребление в речи свидетельствует о более высоком положении побуждающего по отношению к побуждаемому. Поэтому интенциональное содержание инфинитивных побуждений часто конкретизируются в командах, приказаниях, распоряжениях или требованиях.

Например:

- Я вам поотступаю! - в последний раз сверкнул глазами Лапшин уже от машины и пальцем погрозил. - Стоять здесь! Стоять насмерть!

Г.Я. Бакланов

Второй офицер. Что это значит?

Алексей. Молчать! Не рассуждать! Исполнять приказание!

М.А. Булгаков

Считается, что употребление императивной конструкции с инфинитивом связано с высокой степенью экспрессивности и определенностью речевой ситуации, в которой категоричное требование адресуется конкретному исполнителю. [2, с. 43-51]

Однако эта особенность характерна не для всех употреблений императивных конструкций с инфинитивом. Так, например, экспрессия и категоричность требования отсутствуют в инструктивных императивных конструкциях, в которых содержатся указания, адресуемые анонимным говорящим (=инструктором) любому из неопределенного множества (=потенциальных потребителей инструкции). Подобного вида императивные конструкции интерпретируются как совет-рекомендация.

Например:

При аварии разбить стекло.

Хранить в лежачем положении.

Открывать в темноте.

Специфика этих конструкций заключается в том, что при отсутствии определенной речевой ситуации побуждение в них выражается не к конкретному актуальному действию, и его выполнение не зависит от воли говорящего (=инструктора) и не может быть им проконтролировано.

Поскольку императивная конструкция с инфинитивом выражает *приказ*, для нее естественно употребление комбинаций частиц *а ну, ну-ка, а ну-ка*.

Например:

А ну встать на место!

Ну-ка прекратить разговоры!

А ну-ка, замолчать!

При употреблении названных комбинаций частиц подчеркивается побуждение к немедленному актуальному действию, выполнение которого обусловлено ситуацией, наблюдаемой в момент речи. Правомерность подобной интерпретации косвенным образом подтверждается тем, что эти комбинации частиц не употребляются в инструктивных конструкциях с инфинитивом, в которых выражается побуждение к неактуальному, неопределенному во времени действию. [Храковский, Володин]

В побудительных конструкциях с инфинитивом иногда может употребляться частица *пожалуйста*, которая служит средством выражения вежливого отношения любого говорящего к любому слушающему. Но введение этой частицы в конструкцию, выражающую *приказ*, возможно лишь тогда, когда говорящий каузирует неактуальные действия, которые не должны выполняться непосредственно после момента речи.

Например:

- А в чем будут заключаться мои обязанности? - спросил я.

- Там увидим ... Только, пожалуйста, у меня не пьянствовать и не беспокоить меня никакими просьбами. Выгоню.

А.П. Чехов

Императивные конструкции с индикативными формами выражают субъективно-модальный показатель уверенности и эмоциональное отношение говорящего к высказыванию. Употребление индикативных побудительных конструкций обусловлено особыми ролевыми взаимодействиями между коммуникантами. Говорящий, как правило, выступает как начальник, а слушающий – как подчиненный, следовательно, реальным содержанием волеизъявления является *приказ*.

Употребление индикатива в значении побуждения характерно для глагольных форм 2 лица, единственного и множественного числа будущего времени и для форм прошедшего времени некоторых глаголов совершенного вида.

Индикативные побудительные конструкции близки по своему значению к реальному действию. Так, например, конструкция *Будешь молчать!*, в отличие от конструкции *Молчи!* вызвана уверенностью, убеждением говорящего в том, что его приказ будет выполнен. Поэтому действие реализуется в поверхностной структуре как будущее, которое должно быть выполнено либо непосредственно после момента речи, либо через некоторое время.

Например:

Таманцев и Андрей разом полезли в кузов.

- Останешься! - приказал Таманцеву капитан. - Осмотришь дорожку следов: на пашне должны быть хорошие отпечатки...

В.О. Богомолв

Например:

Я вошел следом и сказал, что мне надо чуть позже позвонить начальству по «ВЧ».

- Откроешь ему кабинет, - вешая ключ на доску, сказал майор дежурному.

В.О. Богомолв

В русском языке выделяется группа глаголов, которые в индикативной форме прошедшего времени обычно множественного числа, но иногда и единственного числа могут иметь императивное значение. [Храковский, Володин] Это прежде всего

глаголы однонаправленного действия с префиксом *по-*, выражающим начальную фазу движения (*пойти поехать побежать* и т.п.). Далее следует назвать глаголы, которые связаны с идеей фазовости: *двинуть(ся), тронуть(ся), поднять(ся), толкнуть* и т.п. Сюда же относятся глаголы - *начать* и *кончить*.

Например:

- Пой, - велела первая голова. - И вы тоже пойте ...
- Может быть, я лучше одна? - вякнула дочь: ее не устраивало, что она будет подпевать Ивану. - С мужиком петть ... Ты меня извини, но ...
- Три, четыре, - спокойно сказал Горыныч. - Начали.

В.М. Шукшин

Что касается форм единственного числа, то в императивном значении употребляются весьма немногие глаголы из вышперечисленных. Возможно, это только глаголы движения с префиксом *по-*.

Например:

Ковалев, не отнимая платка от лица, сел на извозчика и закричал отчаянным голосом:

- Пошел!
- Куда? - спросил извозчик.
- Пошел прямо!

Н.В. Гоголь

Особое место занимают **императивные конструкции с формами сослагательного наклонения**. Сфера употребления форм сослагательного наклонения в прямом своем значении довольно узка: они выражают либо гипотетическое действие (*Мне бы она призналась во всем.*), либо желательное (*Сейчас я выпил бы молока*). Но, несмотря на тот факт, что сослагательное наклонение имеет категориальное значение «возможности, предположительности», оно нередко употребляется в значении побуждения. [4, с. 19-30]

По семантике значения желания и побуждения очень близки: побуждение представляет собой актуализацию желания, поэтому в этом смысле форма сослагательного наклонения может быть использована как сигнал к выполнению действия. В этом случае мы наблюдаем перенос употребления данной формы в значение, близкое к семантике повелительного наклонения.

Императивная модальность может присутствовать в конструкциях сослагательного наклонения в случае, если слушающий является исполнителем

действия. В императиве эта ситуация обычно обозначается формами 2 лица, но поскольку формы сослагательного наклонения по лицам не различаются, исполнитель обозначается личным местоимением 2 лица, выступающим в функции подлежащего, и вокативом.

Например, частная интерпретация совета:

- Знаете, Владимир Петрович, вы бы помирились с вашей женой. Простили бы ее хоть ради сына.

А.П. Чехов

Например, частная интерпретация предложения или ситуация непрошеного совета:

Он опять оглядел сухарь, примериваясь.

- Ты бы размочил сначала, - посоветовал Богачев, невольно следя глазами и участвуя мысленно.

- Размочить – кипяток нужен, а где он, кипяток? А от холодной воды только в животе остынет.

Г.Я. Бакланов

В отдельных случаях конструкция сослагательного наклонения может интерпретироваться и как *приказ*.

Например:

- Господи! Какой этот дядя глупый! - восклицает младшая из девиц.

- А вы бы, молодая особа, язычок-то на привязи придержали! - замечает доктор.

М.Е. Салтыков-Щедрин

Императивную модальность можно наблюдать в конструкциях условного наклонения в сочетании с индикативом для передачи *распоряжения*. [5, с. 65-76]

Например:

Ежели какая непредвиденная задержка в наших сборах, то вы отправляетесь с эшелоном.

К.А. Федин

Формы сослагательного наклонения могут передавать побуждение к действию в наиболее мягкой форме, интерпретируя императивные конструкции *просьбы* или *предложения*. Формальное отличие императивных конструкций в значении *просьбы*

и предложения с формами сослагательного наклонения заключается в том, что вместо формы сослагательного наклонения в императивной конструкции со значением предложения можно употребить инфинитив с частицей *бы*. Такая замена глагольных форм несвойственна для выражения семантики *просьбы*.

Например, частная интерпретация просьбы:

- Ты бы, голубушка, вниз пошла! - обратилась Арина Петровна к Улитушке. - Мне с Павлом Владимировичем поговорить нужно.

М.Е. Салтыков-Щедрин.

Но по-другому звучит частная интерпретация предложения, которая выражена личным местоимением *ты* в форме Дательного падежа, направляющего побуждение в пользу адресата, и инфинитивом с частицей *бы*.

Например:

- Тебе, голубушка, вниз пойти бы ... - обратилась Арина Петровна к Улитушке.

Употребление инфинитива с частицей *бы* вместо форм сослагательного наклонения может выражать и совет.

Например:

Вам в постельку лечь, поспать бы.

В.В. Маяковский.

Средством передачи побудительной модальности могут быть **вопросительные предложения**, так как вопрос, по существу, является частным случаем побуждения, с помощью которого говорящий привлекает внимание собеседника и может воздействовать на него. [6, с. 90-93]

Но специфика вопросительной конструкции состоит в том, что в вопросе каузируется речевое действие, тогда как императивная конструкция выражает побуждение к неречевому действию.

Вопросительная императивная конструкция выражает фактитивную каузацию, адресуя слушающему-исполнителю побуждение к актуальному единичному действию. В данном случае функциональный синоним императива – вопросительная конструкция – принимает вид частной семантической интерпретации предложения. Обязательными структурными элементами данной конструкции являются: 1) глагольная форма 2 лица простого будущего времени

совершенного вида; 2) препозитивное отрицание *не*; 3) постпозитивная вопросительная частица *ли*; 4) личное местоимение 2 лица.

Например:

Не напишешь ли ты письмо матери?

Эту конструкцию можно рассматривать как синонимичную стандартной императивной конструкции с центральными формами 2 лица – *Напиши письмо матери*.

Как императивная может употребляться и вопросительная конструкция типа – *Ты не напишешь письмо матери?*

Она отличается от предыдущей конструкции отсутствием вопросительной частицы *ли*, но остальные обязательные структурные элементы в ней те же.

В вопросительной императивной конструкции с частицей *ли* спрягаемая глагольная форма может быть заменена инфинитивом.

Например:

Не написать ли тебе письмо матери?

Не зайти ли вам к врачу?

Эти конструкции выражают фактитивную каузацию с частной семантической интерпретацией *предложения*.

Вопросительные конструкции могут выступать как контактоустанавливающие, вежливые побудительные единицы, равные конструкциям: *сделайте, пожалуйста; скажите, пожалуйста; дайте, пожалуйста*, выражая частичную интерпретацию *просьбы*. [7, с. 51-59]

Например:

- *У вас есть сахар?* = *Дайте сахар, пожалуйста*. (частная интерпретация-просьба)

- *Вы не знаете, который час?* = *Скажите, пожалуйста, сколько времени?* (просьба)

Но с введением в текст глагола *предложить* в форме инфинитива вопросительная императивная конструкция интерпретируется как *предложение*.

Например:

- *Можно предложить вам чашку чая?* = *Я предлагаю вам чашку чая*.

Рассмотренные неимперативные глагольные формы, выражающие побудительную модальность, являются функциональными синонимами собственно императивных конструкций.

Функциональные синонимы императива – инфинитив, индикатив, сослагательное наклонение и вопрос – при всем своем формальном разнообразии обнаруживают ряд сходных черт. Все они способны выразить только фактивную каузацию, когда импульс ее исходит от говорящего.

Распределение частных семантических интерпретаций между типами функциональных синонимов императива можно представить следующим образом:

- *приказ* может быть выражен формами инфинитива и индикатива;

- *просьба, предложение или совет* – формами сослагательного наклонения и вопроса. Лишь в единичных случаях сослагательное наклонение может интерпретироваться как *приказ*.

Использование языковых средств, дублирующих императив, обусловлено способностью форм приобретать в определенных контекстных условиях так называемые вторичные функции. Характерным примером вторичных функций неимперативных форм является сигнализация этими формами в соответствующем контекстном окружении разнообразных оттенков побудительной модальности.

Дублируя императив, рассматриваемые средства в то же время не дублируют друг друга. Каждое из них передает особые, свойственные только данной языковой единице оттенки побуждения, своеобразие которых определяется особенностями первичного значения этой единицы.

Список литературы

1. Поройкова Н.И. Морфологические и морфологизованные средства выражения побуждения, примыкающие к парадигме повелительного наклонения. – В кн. Функциональный анализ грамматических единиц. Сборник научных трудов. Л., 1980. – С.77-99.
2. Золотова Г.А. О синтаксической природе современного русского инфинитива. – Филологические науки, М.: 1979, №5 – С.43-51.
3. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. / Отв. ред. В. Б. Касевич. М.: Едиториал УРСС, 2002. – С.108-135.
4. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. – М.: ЛКИ, 2010. – С.19-30.
5. Храковский В. С. Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. – С.65-76.
6. Ломов А.М. О способах выражения волеизъявления в русском языке. – М.: РЯШ, 1977. №2. – С.90-93.
7. Маслова А.Ю. Специфика косвенного выражения побуждения // НДВШ. Филологические науки. 2007. – №6. – С.51-59.

Список источников

1. Бакланов Г.Я. Июль 41 года.
2. Бакланов Г.Я. Южнее главного удара.
3. Богомолов В.О. Момент истины (В августе сорок четвертого).
4. Булгаков М.А. Дни Турбиных.
5. Гоголь Н.В. Нос.
6. Маяковский В.В. Кем быть?
7. Салтыков-Щедрин М.Е. Господа Головлевы.
8. Федин К.А. Необыкновенное лето.
9. Чехов А.П. Душечка.
10. Чехов А.П. Палата № 6.
11. Шукшин В.М. До третьих петухов.

УДК 10.02.01

Малахова М.Г. Средства выражения волеизъявления и его частных семантических интерпретаций в современном русском языке

Малахова Марина Георгиевна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры №49 «Русский язык как иностранный», Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»
РФ, г. Москва
m.malakhova.2014@yandex.ru

Means of expression of will and its particular semantic interpretations in modern Russian

Malakhova Marina Georgievna

Cand. Sci. (Pedagogical), assistant professor of department No.49 "Russian as a foreign language", National Research Nuclear University "MEPhI", Russia, Moscow

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы, связанные с определением средств выражения волеизъявления и его частных семантических интерпретаций в современном русском языке. Обосновывается идея о том, что для выявления частных семантических интерпретаций волеизъявления необходимо учитывать контекст побудительного высказывания, внутри которого находится свой набор языковых средств, четко разграничивающих частные значения грамматической формы императива, выражающей приказ, просьбу, предложение, совет или разрешение. На основе проведенного исследования автором предлагается провести анализ морфологических, синтаксических, лексических, а также интонационных средств выражения определенного характера побуждения внутри заданного контекста. Автор приходит к выводу, что семантика речевого выражения волеизъявления определяется задачами общения, отношением его участников, намерением говорящего и степенью его воздействия на слушающего, что в конечном итоге достигается с помощью характерных для каждого вида побуждения средств, которые и определяют частную семантическую интерпретацию приказа, просьбы, предложения, совета или разрешения.

Ключевые слова: императив, императивный акт, иллокутивная сила, каузация, каузативность, каузативная ситуация, каузируемое действие, волюнтаривная модальность, модальное значение, оптативность, апеллятивность, фактитивный глагол, индикатив, эллиптическая конструкция.

Abstract. This article discusses the problems associated with the definition of the means of expression of will and its particular semantic interpretations in modern Russian. The idea is substantiated that in order to identify particular semantic interpretations of the expression of will, it is necessary to take into account the context of the motivational statement, inside which there is a set of linguistic means that clearly delimit the particular meanings of the grammatical form of the imperative expressing an order, request, suggestion, advice or permission. Based on the conducted research, the author proposes to analyze morphological, syntactic, lexical, as well as intonational means of expressing a certain type of motivation within a given context. The author concludes that the semantics of the verbal expression of will is determined by the tasks of communication, the attitude of its participants, the intention of the speaker and the degree of its impact on the listener,

which is ultimately achieved using means characteristic of each type of motivation, which determine the private semantic interpretation of an order, request, suggestion, advice or permission.

Keywords: imperative, imperative act, illocutionary force, causation, causativity, causative situation, causable action, voluntary modality, modal meaning, optativity, appellativeness, factitive verb, indicative, elliptical construction.

Семантическое и языковое выражение побудительных речевых актов реализует коммуникативную функцию общения с помощью средств, обслуживающих волевые цели человека и придающих высказыванию в различных ситуациях произнесения определенную иллокутивную силу, выявляя таким образом различные типы побуждения (*приказ, просьбу, предложение, совет или разрешение*).

Основным средством выражения побудительного значения является морфологическая форма – форма повелительного наклонения (императива). Эта форма обладает семантическим потенциалом, способным выразить различные типы побуждения от категорического приказа до смягченной просьбы (мольбы). Особенностью функционирования этой формы является то, что она может образовывать модально-функциональный тип предложения – побудительное предложение, которое по коммуникативной направленности противопоставлено предложениям повествовательным и вопросительным.

Но побудительное значение может выражаться и другими средствами, морфологическими, синтаксическими, лексическими, а также интонационными контекстуальными или комбинацией этих средств.

Являясь основным способом выражения волюнтаривной (побудительной) модальности в современном русском языке, императив концентрирует в своем семантическом потенциале все дифференциальные признаки этой модальности (каузативность, апеллятивность, оптативность). [1, с. 90-93]

Однако, несмотря на наличие этих признаков, императив способен передавать побуждения лишь в самом общем виде, для него характерно лишь самое общее указание на волю говорящего, который либо побуждает своего собеседника сделать что-нибудь, адресуясь к нему с приказом, просьбой, советом и т. д., либо разрешает собеседнику осуществить какое-то желательное для того действие. Императив при этом не указывает на такие весьма существенные его характеристики, как степень интенсивности (категоричности), отношение самого говорящего к каузируемому действию, выражение заинтересованности в его осуществлении или целесообразности для самого адресата, отношение к этому действию адресата.

Такой абстрактный характер побуждения объясняется, возможно, бедностью парадигмы повелительного наклонения и его абстрактной грамматической сущностью.

Семантические признаки побудительной конструкция находят свое отражение только в соответствующем контекстном окружении. Именно благодаря контексту общее значение побуждения может быть представлено в виде частных семантических интерпретаций. [2, с. 19-30]

Определяя частное значение грамматической формы императива или его вариантов в контексте нужно выделять те элементы, которые оказываются значимыми в модальном отношении и так или иначе определяют или выявляют специфику побуждения. Эти элементы определяются как контекстуальные показатели частных значений грамматической формы императива.

Языковые средства выражения частных семантических интерпретаций можно разделить на две группы:

1. Средства, характеризующие контекст побуждения. Сюда относятся собственно контекстуальные показатели произнесения императивного акта.

2. Средства, комментирующие контекст побуждения. Это слова автора, входящие в прямую речь, которые дают оценку императивного акта, относя его к тому или иному модальному типу побудительного высказывания. Например: *приказал он, попросил он, посоветовал он, разрешил он, предложил он* и т.п.

Так, например, для контекстов императивных форм, выражающих **приказ**, не характерно изложение его причин и мотивов, тем более, что приказ, исходящий от начальника к подчиненному, не подлежит обсуждению и обычно отдается в ситуации дефицита времени. После приказа естественно употребление ответных реплик слушающего (*есть, слушаюсь, будет исполнено, сейчас, хорошо* и т.п.), которые подтверждают принятие приказа к исполнению.

Например:

Дмитрий Павлович. Нужно измять салфеточки...

Пуришкевич. Совершенно верно, ваше высочество. Поручик, мните...

Поручик С. Слушаюсь. (Мнет и разбрасывает салфеточки.).

А.Н. Толстой

Прямая речь, представляющая собой императивную конструкцию, выражающую *приказ*, вводится фактивными глаголами двух типов. К первому типу относятся глаголы: *приказывать, велеть, командовать, поручать, распорядиться*

и т.п. Они предполагают безоговорочное выполнение действия, которое требует говорящий.

Например:

Подошел Василий Никитьевич и начал командовать:

- В левую руку поводья, заходи спереди лошади, с левого плеча. Садись. Бери ее в шенкеля...

А.Н. Толстой

К другой группе относятся глаголы: *предупредить, прикрикнуть, пригрозить, приструнить* и т.п. Эти глаголы также вводят категоричное побуждение, но с оттенком угрозы.

Например:

- Васька! – кричали с тротуара. – Буржуй! Отдай подтяжки!

Ильф и Петров

К собственно модальным контекстуальным показателям конструкций, выражающих *приказ*, относятся препозитивные частицы *а ну, ну-ка, а ну-ка*.

Например:

Гончаров похолодел лицом.

- А ну, передай на батарею, - приказал он телефонисту.

Г.Я. Бакланов

В этих конструкциях довольно часто употребляются вводные слова, обозначающие время исполнения каузируемого действия: *немедленно, сейчас же, сегодня же* и т.п.

Например:

Юлия. Помогите мне.

Ученый. Я готов ... Но как? Вы не шутите?

Юлия. Нет! ... Идемте со мной, немедленно! Идемте!

Е.Л. Шварц

Хор голосов. Уезжайте прочь от нас! Скорее! Сегодня же!

Е.Л. Шварц

Эти слова также могут иметь двойное усиление побуждения с частицей *да ... же*, которая сопровождая категоричное требование, придает ему оттенок нетерпения.

Например:

Да езжай же, черт тебя возьми! – набросился он на возницу.

А.П. Чехов

В категорическом побуждении наблюдаются ситуации, в которых происходит нарушение коммуникации. Это такие случаи, когда говорящий уверен, что речевое действие воспринято адресатом, однако при этом отсутствует положительная реакция, то есть адресат не желает подчиниться приказу или распоряжению. В этом случае в императивной конструкции употребляются вводные слова: *говорю тебе, тебе говорят, кому я говорю, кому я сказал, кому сказано* и т.п. [3, с. 56-61]

Обычно показатели этого типа находятся в постпозиции к императиву и, выполняя функцию усиления категоричности побуждения, приближаются функционально к усилительным частицам.

Например:

Костя. Повесь гитару ...

Борис. А что?

Костя. Повесь, тебе говорят!

В.С. Розов

Тебе гусей пасти, а не Иордань делать! Дай сюда циркуль! Дай сюда, тебе говорю!

А.П. Чехов.

Если в конструкции, выражающей приказ, употреблена частица *пожалуйста*, приказ внешне предстает как вежливая просьба, хотя со стороны содержания остается приказом.

Например:

- А в чем будут заключаться мои обязанности? – спросил я.

- Там увидим ... Только, пожалуйста, у меня не пьянствовать и не беспокоить меня никакими просьбами. Выгоню.

А.П. Чехов

Императивные конструкции со значением *приказа* могут быть выражены с помощью инфинитива, который в этой ситуации имеет отчетливую социальную маркировку: его употребление естественно в речи начальника, но не в речи подчиненного. В этом случае инфинитив указывает не только на категоричность

приказа, постановления или распоряжения, но и выражает обязательность выполнения действия, его неотложную потребность. [Храковский, Володин]

Например:

Полковник солдату. Ноги подними. Другую ... Обе сразу подними! Ать-два!

Ротный. Сие противно законам природы.

Полковник. Молчать, не разговаривать!

А.Н. Толстой

Очень характерно употребление императивных конструкций с инфинитивом в ситуации стандартных военных приказов и команд: «*Встать!*» «*Штыки примкнуть!*» и т.п.; специальные флотские команды: «*По местам стоять!*» «*Отдать носовой!*» «*Так держать!*» и т. п.

Также в императивных конструкциях с инфинитивом интерпретация *приказа* реализуется в инструкциях, поскольку в данном случае инфинитив хорошо подчеркивает анонимность, неопределенность лица и числа исполнителей.

Например: «При аварии разбить стекло»; «Открывать в темноте»; «Без стука не входить» и т.п.

Довольно часто *приказ* выражается формами индикатива, которые сопровождаются обычно и императивными формами.

Например:

Мичман Кунцевич поднял голову и поискал глазами разводящего унтер-офицера:

- Хлебников! Выведи арестованного! Проводишь в кубрик, переоденешь в черное. Волкового в конвой возьмешь.

Л.С. Соболев

Нередко встречаются императивные конструкции, в которых отсутствует императивная форма глагола, называющая каузируемое действие. Основным формальным признаком таких конструкций, принято считать повелительную интонацию. Подобные конструкции называются эллиптическими, или безглагольными. [5, с. 17]

Например:

- Эй, кумовья, бегом! .. – не выдержав, кричит Васин.

Г.Я. Бакланов

- Извозчик, к Полицейскому мосту! – кричит дребезжащим голосом горбач.

А.П. Чехов

Таким образом, к собственно модальным контекстуальным показателям, выявляющим семантику частной интерпретации *приказа*, относятся следующие языковые средства:

- препозитивные частицы *а ну, ну-ка, а ну-ка*;

- вводные слова *говорю тебе, тебе говорят, кому я говорю, кому я сказал, кому сказано* и т – п.;

- вводные слова, обозначающие время исполнения каузируемого действия *немедленно, сейчас же, сию минуту* и т – п.;

- частица *да ... же*, вводящая двойное усиление категорического побуждения;

- характерно употребление ответных реплик слушающего;

- императивные конструкции с инфинитивом;

- императивной конструкции с индикативом;

- эллиптические (безглагольные) императивные конструкции.

Более смягченное побуждение к действию выражается в императивных конструкциях со значением **просьбы**. В подобных высказываниях естественно употребление стандартных показателей вежливости, которые относятся к средствам речевого этикета: *прошу тебя/вас, будьте добры, будь добр, будьте любезны, будь любезен* и т.п..

Например:

Бледнолицый брат мой, я прошу тебя, поедем!

А.П. Чехов

Бургомистр. Прежде всего будьте добры говорить потише, по возможности без жестов, двигайтесь мягко и не смотрите мне в глаза.

Е.Л. Шварц

Контекстам императивных конструкций со значением *просьбы* свойственно изложение причин и мотивов, которые побудили говорящего обратиться к слушающему с данной просьбой.

Например:

- Я – ваш духовный сын, отец Матвей ... Нет слов благодарности вам за все то, что вы для меня сделали. Дайте же совет! .. Совет дайте!

С.Н. Сергеев-Ценский

Смягченное побуждение в форме *просьбы* обычно выражается нейтральными глаголами *просить, попросить*.

Например:

Попав в тень чуть зеленеющих лип, писатели первым долгом бросились к будочке с надписью «Пиво и воды» ...

- Дайте нарзану, - попросил Берлиоз.

М.А. Булгаков

А для выражения большей степени воздействия на адресата используются глаголы *упрашивать, уговаривать, умолять, заклинать* и т.п.

Например:

- Ради бога, умоляю вас, не мучайте меня, пойдете в сад!

А.П. Чехов

- Хочешь не хочешь, а мы все равно уже запутались. Я ни о чем не просил тебя все эти годы, но теперь я прошу, я умоляю ...

Рэй Брэдбери

К контекстуальным показателям, определяющим специфику *просьбы* в самом побудительном высказывании, относится прежде всего частица *пожалуйста*.

Например:

Репетиров. Пожалуйста, молчи, я слово дал молчать. У нас есть общество и тайные собрания.

А.С. Грибоедов

Ученый. Пожалуйста! Говорите! Учите меня! Я ведь ученый, а ученые учатся всю жизнь!

Е.Л. Шварц

Просьба может быть выражена конструкцией с частицей *только*, где выделительно-ограничительная функция частицы соотносится с модальным значением *просьбы*.

Например:

- Дяденька, только вы на меня не кричите. Коли не положено, то и не надо, я ничего не имею. Разрешите мне один раз, один только разик, дядечка, посмотреть в трубку, через которую вы нацеливались.

В.П. Катаев.

Однако эта частица не относится к числу специфических средств выражения *просьбы*, так как может участвовать в выражении других модальных оттенков побуждения. Например, угрозы – «*только тронь ...*» или в ограничительном значении с оттенком категоричности: «Я приглашаю вас сейчас же сделать свои взносы и помочь детям. Только детям и никому другому ...» (Ильф и Петров).

Функцию усиления модального значения *просьбы* может осуществлять частица *хоть*, являясь показателем такого варианта усиленной *просьбы*, как упрашивание.

Например:

Помаячив у зеркала еще немного, отец Федор обозлился, позвал жену и ... раздраженно сказал:

- Помоги мне хоть ты, матушка.

Ильф и Петров

- Побудьте со мной хоть пять минут! Заклинаю вас.

А.П. Чехов

Таким образом, для выражения модального значения *просьбы* могут быть использованы следующие языковые средства:

- общепринятые средства речевого этикета: *прошу тебя/вас, будьте добры, будь добр, будьте любезны, будь любезен* и т.п.;

- смягчительная частица *пожалуйста*;

- выделительно-ограничительная частица *только* с модальным значением *просьбы*;

- выделительно-ограничительная частицы *хоть* для варианта усиленной *просьбы*.

Волеизъявление говорящего может быть выражено в императивных конструкция со значением ***предложение***. Побудительная конструкция с модальным значением *предложение* может быть выражена в прямой речи с помощью фактитивных глаголов типа *предлагать, предупреждать, приглашать, советовать*. Глаголы данной группы объединяются общим семантическим признаком «возможности получать, брать то, что кто-либо предлагает», например: *берите, возьмите, купите* и т.п.

Например:

- Выдайте рубль герою труда, - предложил Остап ...

Ильф и Петров

Отличие интерпретации *предложения* от *просьбы* состоит в том, что, по мнению говорящего, каузируемое действие будет совершаться в интересах слушающего, то есть исполнителя, или в интересах совокупного исполнителя, куда входит и сам говорящий. [6, с. 18]

Побуждение к совместному действию – это форма, относящаяся к двум или больше лицам, к собеседнику или собеседникам и к самому говорящему, например: *перейдем дальше, пойдём посмотрим, идем(те), сядем(те), пошли* и т.п.

Императивные конструкции, в которых говорящий предлагает адресату принять участие в каком-либо действии и сам тоже намерен заняться его осуществлением, часто выражаются глаголами 1 лица множественного числа с частицей *давай(те)*.

Например:

Милдред с минуту сидела молча, но видя, что Монтэг не уходит, захлопала в ладоши и воскликнула:

- Давайте доставим удовольствие Гаю и поговорим о политике.

Рэй Брэдбери

Поскольку в побудительном действии со значением предложения не редко принимает участие и сам говорящий, то в контексте могут указываться причины, побудившие говорящего сделать данное предложение.

Например:

Марья Петровна, вам тоже деться некуда. Давайте вместе, как бобыли, размотаем вот это постылое – от чего больно.

А.Н. Толстой

Частица *давай(те)*, может употребляться и с инфинитивом.

Например:

- Давай рассуждать логически...

Стругацкие

Иногда частицу *давай(те)* можно заменять глаголом *быть* в будущем времени.

[7, с. 36-54]

Например:

Войдя, я невольно взглянул на приоткрытую дверь гостиной, и она сейчас же торопливо сказала:

- Мы будем разговаривать здесь.

- Как вам будет угодно, - отозвался я.

Стругацкие

Побудительные конструкции с модальным значением *предложения* могут быть выражены в форме вопроса в сослагательном наклонении. При этом внешне высказывание звучит как *совет*, а по внутреннему содержанию является *предложением*.

Например:

Мы хотели бы таким педагогам посоветовать:

- Почему бы вам самим на себе не испытать всю прелесть этого метода?

А.С. Макаренко

Таким образом, языковыми средствами, определяющими специфику *предложения* в побудительных высказываниях, являются глаголы с общим семантическим признаком «возможности получить, брать то, что кто-либо предлагает» в императиве, например: *бери(те)*, *возьми(те)*, *купи(те)* и т.п. А императивные конструкции, в которых говорящий предлагает адресату вместе принять участие в каком-либо действии, выражаются с помощью глаголов совместного действия типа *перейдем дальше*, *пойдем посмотрим*, *идем(те)*, *сядем(те)*, *пошли* и т.п.; глаголов 1 лица множественного числа с частицей *давай(те)*; частицей *давай(те)* в сочетании с инфинитивом; глаголом *быть* в будущем времени с инфинитивом.

Императивная конструкция, выражающая ***совет***, являет собой развернутое наставление, предложение или указание, как поступить в той или иной жизненной ситуации. В подобных высказываниях часто излагаются причины, почему дан именно такой, а не иной совет. Нередко подобные советы придают высказыванию оттенок долженствования.

Например:

- Вам пора ехать учиться в Москву. Война идет к концу, и надо думать о будущем.

Э.Г. Казакевич

В прямой речи, содержащей *совет*, часто используются глаголы речи типа *сказать*, *говорить*.

Например:

- Какой совет ваш, отец Матвей, считаете вы важным? Поститься? Но ведь я поцусь!

- Иди в Оптину пустынь! Поступай в монахи! ... Там тебя научат поститься! – сурово говорит отец Матвей.

С.Н. Сергеев-Ценский

В императивных конструкциях со значением *совета* также могут использоваться глаголы *советовать, посоветовать*.

Например:

- Сними ботинку и поставь ее на солнце, тогда керосин испарится, - советовала ему сестра.

М. Горький

Но обычно эти глаголы вводят так называемую ситуацию непрошеного совета, близкую к семантике *предложения*.

Например:

Мы хотели бы таким педагогам посоветовать:

- ... Попробуйте вместе с вашими восторгающимися посетителями поселиться в пустых комнатах и самооборудуйтесь – сделайте себе столы и табуретки, сшейте одежду ...

А.С. Макаренко

К группе глаголов с лексическим значением *совета* относятся глаголы с постфиксом *-СЯ*, например: *успокойся, спасайся, посоветуйся* и т.п. Побудительные конструкции с этими глаголами всегда выражают желательность, целесообразность выполнения действия в пользу адресата.

Например:

Тут всякий с мужиком толкует

И умный свой дает совет ...

Сват Климыч говорит:

«Вперед, мой милый сват,

Старайся клеть к избе

Гораздо ближе ставить ...»

И.А. Крылов

- Ты чудак! Тебе надо научиться проектировать железнодорожные мосты! Это замечательная наука. И главное – абсолютно простая.

Ильф и Петров

Соответствующие глаголы без постфикса *-СЯ* употребляются преимущественно для выражения *просьбы*.

Таким образом, характерными особенностями частной интерпретации *совета* являются следующие языковые средства:

- глаголы *советовать, посоветовать* в 1 лице единственного и множественного числа (*я советую, мы советуем тебе / вам, я бы посоветовал, мы бы посоветовали тебе / вам* и т.п.);

- глаголы с постфиксом *-СЯ*, которые преимущественно характеризуют модальность *совета*, направляя побуждение в пользу адресата (*успокойся, спасайся, посоветуйся* и т.п.).

Особый случай представляет собой императивная конструкция с модальным значением ***разрешение***. Семантическая интерпретация императивной конструкции, выражающей *разрешение*, заключается в реакции на импульс, который исходит от адресата в форме запроса на разрешение. Поэтому при ее анализе нужно учитывать, что она состоит из двух частей: запроса и ответа на него, который и есть собственно императив-разрешение. [8, с. 272-279]

Запрос обычно подается в форме вопросительной конструкции с глаголами *позволять, разрешать, мочь* или со словом *можно/ли*.

Например:

Лиля спросила вежливым голосом:

- Тетя Саша, вы позволите мне клеить коробочку?

- Клей, милая, что хочешь.

А.Н. Толстой

Импульс каузации не всегда оформлен в виде вопроса.

Например:

- Я, я, шептал кот, - я дам сигнал!

- Давай! – ответил в темноте Коровьев.

М.А. Булгаков

Если каузация *разрешения* следует в ответ на запрос, то императивная словоформа зачастую выступает в сочетании с частицей *ну* или с вариантом *ну что же*. В это случае это средство выражения побуждения можно считать формальной приметой *разрешения*.

Например:

Разговор с умным дворником продолжался бы еще бог знает сколько времени, если бы молодой человек не взялся за дело решительно.

- Вот что, дедушка, - молвил он, - неплохо бы вина выпить.
- Ну, угости.

Ильф и Петров

Например:

- Если вы вправду уходите, - спросил он, - то можно я у вас посижу?
- Ну что ж, посиди.

Стругацкие

В контексте конструкции, выражающей *разрешение*, довольно часто употребляются специфические выражения, дающие согласие на запрос какого-либо действия со стороны адресата, со словами *можно, хорошо, да, конечно, пожалуйста* или сочетанием слов *так и быть, нечего делать* и т.п.

Например:

- Может, дадите мне книжку какую-нибудь?
- Пожалуйста! – охотно отозвался Павел.

М. Горький

Как показывают примеры, императивная конструкция, выражающая *разрешение*, отличается краткостью. Исполнитель действия, другие его участники, обстоятельства, сопутствующие его исполнению, – все это обычно известно говорящему из предшествующего контекста, запроса на разрешение, поэтому называть их нет необходимости. По этой же причине нет прямой необходимости повторять и каузируемое действие, а императивная словоформа заменяется специфическими формулами *разрешения*. В связи с этим и вокатив употребляется в этой конструкции очень редко.

Например:

- Подежурьте за меня, а я сбегая на полигон... Очень хочется, – сказал я.
- Отпустим ребенка? - спросил Витька у Эдика. Эдик покивал.
- Идите, Привалов, - сказал Витька.

Стругацкие

Запрос на разрешение может и отсутствовать. В этом случае императивные конструкции внешне оформляются как *разрешение*, но по внутреннему содержанию соответствуют семантике *предложения*.

Например:

- Съезжу, погляжу, как там и что, - сказал Бровальский небрежно, как о несущественном. Он был уверен в совершенной необходимости своей поездки.

- Ну что ж, езжай, - сказал Щербатов и кивнул, как бы подтвердив необходимость поездки.

Г.Я. Бакланов

Поскольку любой императивной конструкции, выражающей *разрешение*, предшествует запрос на выполнение действия, то при ее анализе следует рассматривать обе составляющие императивного акта: запрос на разрешение со стороны адресата и ответ на него со стороны говорящего, который и является собственно императивом-разрешением.

Для запроса обычно используются следующие средства: вопросительные конструкции, выражающие семантику просьбы-запроса, с глаголами *позволять*, *разрешать*, *мочь* или со словом *можно/ли*.

Для императива-разрешения вводятся следующие языковые средства:

- специфические выражения, разрешающие выполнение действия с помощью слов *можно*, *хорошо*, *да*, *конечно*, *пожалуйста* или сочетанием слов *так и быть*, *нечего делать* и т.п.;

- императивная словоформа в сочетании с частицей *ну* и ее варианта *ну что же*.

Речевое выражение волеизъявления определяется задачами общения, отношением его участников, намерением говорящего и степенью его воздействия на слушающего. Через соотношение между говорящим, адресатом и действием, отраженного в сознании говорящего, выделяется целый ряд семантических признаков, которые вычленяют различные частные интерпретации общего значения волеизъявления.

Каждому семантическому значению того или иного типа побуждения соответствует свой набор языковых средств, с помощью которых побуждение реализуются в речи говорящего.

Для отнесения какого-либо языкового средства к разряду определенного императивного значения явно недостаточно простой ссылки на принципиальную возможность выражения им данного значения. Необходимо, чтобы это средство также передавало соответствующую семантику в специфических условиях употребления и обладало специальным формальным элементом, который бы указывал на его типичную функцию в составе побудительного высказывания, регулярно и последовательно отличая его от других побудительных интерпретаций. Поэтому для практического использования в языке императивных конструкций наибольшую ценность представляют собственно контекстуальные показатели речевого побудительного акта.

Список литературы

1. Ломов А.М. О способах выражения волеизъявления в русском языке. М.: РЯШ, 1977. №2. – С.90-93.
2. Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.: ЛКИ, 2010. – С.19-30.
3. Гелегаева А.Р. Роль субъекта действия в реализации модально-экспрессивного потенциала форм повелительного наклонения // Вопросы русского и сопоставительного языкознания: Сб. научных статей преподавателей и аспирантов. Махачкала, 2005. С. 56 - 61.
4. Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива: Русский императив. / Отв. ред. В. Б. Касевич. М.: Едиториал УРСС, 2002. – С.108-135.
5. Козырев В.И. Актуализационные признаки безглагольных побудительных высказываний в современном русском языке: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Л.: 1983. – 17с.
6. Сергиевская Л.А. Императивные предложения со значением совместного действия в современном русском языке: Автореф. дисс. . канд. филол. наук. М: 1982. – 18с.
7. Падучева Е.В. Семантика и прагматика несовершенного вида императива в русском языке // Русистика сегодня. Функционирование языка: Лексика и грамматика. М.: Наука, 1992. – С. 36-54.
8. Иосифова В.Е. Русский императив в грамматической системе и в разговорной речи. Дисс. док. филол. наук. М., 2012 – С.272-279.

Список источников

1. Бакланов Г.Я. Июль 41 года.
2. Бакланов Г.Я. Пядь земли.
3. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита.
4. Брэдбери Рэй. 451° по Фаренгейту.
5. Горький М. Варенька Олесова.
6. Грибоедов А.С. Горе от ума.
7. Ильф и Петров. Двенадцать стульев.
8. Казакевич Э.Г. Весна на Одере.
9. Катаев В.П. Сын полка.
10. Крылов И.А. Крестьянин в беде.
11. Макаренко А.С. Марш тридцатого года.

12. Розов В.С. Страница жизни.
13. Сергеев-Ценский С.Н. Жестокость.
14. Соболев Л.С. Капитальный ремонт.
15. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу.
16. Толстой А.Н. Детство Никиты.
17. Толстой А.Н. Заговор императрицы.
18. Чехов А.П. Ионыч.
19. Чехов А.П. Мальчики.
20. Чехов А.П. Палата № 6.
21. Чехов А.П. Первый дебют.
22. Чехов А.П. Тоска.
23. Чехов А.П. Художество.
24. Шварц Е.Л. Дракон.
25. Шварц Е.Л. Тень.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81'27

Головань А.Н. Лексико-семантическая ассимиляция англицизмов в молодежном сленге (на материале русскоязычного аниме форума)

Головань Анастасия Николаевна

аспирант кафедры общего и славяно-русского языкознания
Кубанский государственный университет, РФ, г. Краснодар
anasta.golovan@gmail.com

Lexical semantic assimilation of anglicisms in youth slang (based on the material of the Russian-speaking anime forum)

Golovan Anastasia Nikolaevna

postgraduate, Department of General and Slavic-Russian Linguistics
Kuban State University, Russia, Krasnodar

Аннотация. В статье рассматриваются особенности лексико-семантической ассимиляции английских заимствований в молодежном аниме сленге. В качестве эмпирической базы исследования использованы информационные публикации, размещенные пользователями в пространстве русскоязычного форума, посвященного тематике аниме. Посредством методик дискурсивного анализа, направленной выборки, а также с помощью методов описания и классификации установлено, что ассимиляция англицизмов включает расширение, сужение, конкретизацию, а также возникновение новых коннотаций, маркирующих специфику культурного и социального контекста принимающего языка. Феномен направления «аниме» рассмотрен как явление культуры, своеобразный способ языковой демонстрации субкультурной идентичности индивида.

Ключевые слова: дискурс онлайн-форумов, молодежный сленг, процесс заимствования, англицизмы, лексико-семантическая ассимиляция, субкультура аниме.

Abstract. The paper examines the features of lexical and semantic assimilation of English borrowings in youth slang. Publications posted by users on the Russian anime forum were used as the empirical basis of the study. Through the methods of discourse analysis, direct sampling, as well as with the help of description and classification methods, it has been established that the adaptation of anglicisms involves expansion, narrowing, clarification, as well as the emergence of new connotations that mark the specificity of the cultural and social context of the recipient language. The phenomenon of "anime" is considered as a cultural phenomenon, a unique way of linguistic demonstration of subcultural identity of an individual.

Keywords: discourse of online forums, youth slang, borrowing process, anglicisms, lexical-semantic assimilation, anime subculture.

Феномен аниме, представляющий собой уникальную форму аудиовизуального искусства из Японии, оказывает значительное воздействие на мировую поп-культуру и привлекает огромное количество поклонников по всему миру. Оно является не только формой развлечения, но и важным аспектом самоидентификации для его участников [1]. Онлайн-форумы, специализирующиеся на обсуждении аниме и манги, стали важным пространством для обмена мнениями, эмоциями и культурными референциями для аудитории, причем молодежный сленг играет ключевую роль в данной коммуникативной практике.

В контексте русскоязычных аниме форумов распространение англицизмов имеет особое значение, поскольку они не только обогащают лексический состав русского языка, но и отражают глобальное влияние аниме культуры и интернационализацию онлайн-дискурса в целом. Соответственно, лексико-семантическая ассимиляция англицизмов в молодежном аниме сленге представляет собой довольно актуальный объект исследования. Через подобный анализ мы намерены выявить ключевые механизмы, способствующие лексико-семантической ассимиляции в динамично развивающемся молодежном дискурсе, и определить роль данных заимствований в эволюции русского языка под воздействием современных медиапространств. Таким образом, актуальность подобного исследования определила постановку цели данной работы: рассмотреть особенности лексико-семантической ассимиляции англицизмов в молодежном аниме сленге.

Прежде всего, определимся с основными понятиями нашего исследования. Заимствование является одним из центральных процессов в развитии любого языка. В лингвистике под заимствованием понимается процесс переноса слов или их форм, а также значений из одного языка в другой [6]. Подобный трансфер может быть вызван различными факторами: экономическими, культурными, технологическими и прочими контактами между носителями разных языков. В рамках этого процесса можно выделить несколько стадий. На начальном этапе лексема входит в язык-реципиент в первоначальной, зачастую неприспособленной форме. По мере усвоения заимствованного слова, оно может претерпевать ряд определённых изменений, чтобы лучше соответствовать фонетическим, грамматическим и лексическим нормам принимающего языка. Заимствования не только вносят вклад в словарный состав, но и активно формируют концептуальный и ассоциативный поля языка, выступая в роли мостов между различными культурными реалиями и социальными группами.

Процесс ассимиляции может пониматься как «формальное (фонографическое, морфологическое) и функциональное (лексико-семантическое) уподобление

иноязычного слова единицам системы заимствующего языка путем присвоения характеристик, свойственных последним» [2, с. 46]. Иными словами, подобное явление может проходить на разных уровнях: фонетическом, морфологическом, синтаксическом и семантическом, и включает в себя как внешние (форма слова), так и внутренние (значение и употребление) аспекты. Лексико-семантическая ассимиляция – важнейшая часть данного процесса, где можно выделить следующие этапы: во-первых, это собственно «вхождение» лексем из языка-донора в словарный состав языка-реципиента. Во-вторых, это развитие семантической составляющей заимствований и их дальнейшее взаимодействие с единицами данного языка, «следствием чего является словообразовательная активность заимствований» [3, с. 297]. В семантическом плане слово приобретает значения, актуальные для культурного и социального контекста языка-реципиента, что часто сопровождается потерей некоторых исходных значений или приобретением новых коннотаций.

В чем заключается особенность сленговой практики субкультуры «аниме»? Аниме сленг – это яркое проявление социолингвистического феномена: специфический набор лексических единиц, образующихся на стыке японской поп-культуры и (часто иного) культурно-языкового сознания. Сленговые выражения, свойственные данной субкультуре, являются индикатором внутригрупповой солидарности и культурной идентификации ее членов [4]. Такие выражения имеют тенденцию к быстрой сменяемости и высокой эмоциональной окрашенности и часто содержат элементы иностранных слов и неологизмов. Важное значение в сленге аниме сообщества занимают англицизмы – слова и выражения, заимствованные из английского языка. Заметим, что в случае сленговой практики русскоязычного аниме сообщества мы можем часто наблюдать тройное заимствование: из японского в английский и далее в русский язык, что делает процесс лексико-семантической ассимиляции особенно сложным и интересным для изучения.

Для понимания механизма ассимиляции англицизмов в аниме сленге нам представляется важным иметь в виду следующие аспекты:

1. Пути проникновения: англицизмы могут проникать в русскоязычный сленг через переводы аниме и манги, через коммуникации на международных онлайн-платформах, фан-саббинг (создание непрофессиональных субтитров) и фан-сайты.
2. Функциональная составляющая: заимствования приобретают четко выраженные функции внутри языковой системы сленга. Например, языковая личность может использовать англицизмы для заполнения лексических пробелов

или создания специфических значений, которые лучше отражают определенные концепты внутри сообщества.

3. Особенности адаптации: данный процесс является многогранным явлением и включает в себя несколько категорий, каждая из которых играет ключевую роль в усвоении иноязычных элементов в новой языковой системе. Семантическая адаптация включает в себя как потерю исходных значений заимствованных слов, так и приобретение новых, часто более узкоспециализированных, что помогает отражать уникальные аспекты культуры.

4. Контекстуальная интеграция: осмысление и использование англицизмов в сленге часто зависит от контекста. Примером может служить заимствованный термин "fan service" (фан-сервис), который в аниме контексте приобретает специфическое значение, связанное с дополнительными элементами в искусстве анимации, предназначенными для привлечения внимания аудитории.

5. Особенности влияния: ассимиляция англицизмов может также вызывать изменения в самой структуре сленга, влияя на его развитие и эволюцию, смешение со сленговой практикой других сообществ, что, в свою очередь, может привести к интеграции сленгизмов в более широкие массы [5].

Таким образом, в центре нашего внимания оказываются не только лексико-семантические новообразования, возникающие на стыке культур, но и динамика языковых преобразований, отражающая глубокие процессы кросс-культурного общения. В рамках исследования мы предполагаем, что лексико-семантическая ассимиляция англицизмов в русскоязычном аниме сленге представляет собой зеркало, отражающее изменения самосознания и коммуникативных стратегий молодежи. Заимствованные элементы служат не только средством обогащения словарного запаса, но и катализатором формирования новых языковых конструктов и концептуальных связей.

Перейдем к описанию особенностей лексико-семантической ассимиляции английских заимствований в молодежном сленге. Эмпирической базой исследования выступили 250 информационных публикаций (постов и комментариев), опубликованных в пространстве популярного русскоязычного форума [7], где пользователи не только активно обсуждают то или иное анимационное произведение, но и делятся особенностями личной жизни. Исследуя сленгизмы аниме сообщества, мы распределили их по двум тематическим группам, включая: 1) особенности технологии производства японской анимации и продукции; 2) особенности бытования аниме-сообщества. Мы отметили, что большинство английских

заимствований в двух группах отражает тенденцию к изменению исконного значения. Перейдем к описанию сленгизмов первой группы, где наличие английских заимствований представлено наиболее широко:

1) в англоязычном контексте лексема “art” обозначает художественное произведение или искусство в целом [8]. При переходе в сленг фанатов аниме это понятие сужается до обозначения конкретных видов художественного творчества – изображений, созданных вдохновенными аниме или мангой. «Арт» в русскоязычном аниме сообществе может относиться как к профессионально выполненным иллюстрациям, так и к любительским рисункам: *«Очень вдохновило аниме Паразит. Сделал даже арты по нему»* [7];

2) некоторые значения полисемичной лексемы “title” в английском языке – это название того или иного произведения, титул или звание [8], но в аниме сообществе «тайтл» используется для обозначения отдельного произведения японской анимации, объединенного общим названием, сюжетом, персонажами и т. п. В данном случае мы можем наблюдать уточнение значения слова, что является типичным результатом лексико-семантической адаптации: *«Давно уже не могу найти тайтл, от которого я бы испытал те же эмоции»* [7];

3) хотя “raw” в английском языке означает нечто необработанное или сырое [8], в аниме сообществе термин приобретает конкретное значение. «Рав» или «равка» – это первичные материалы манги или записи аниме, полученные напрямую из источника без последующего перевода на русский или другой язык. Употребление этого слова в пространстве форумов часто демонстрирует интерес к оригинальному содержанию без опосредствования локализации (перевода и адаптации), например: *«Тем временем, в ожидании равки серии про русскую команду, кто-то уже выложил на нико лучший ее отрывок»* [7];

4) номинация «сканлейт», складываясь из английских слов “scan” (сканирование) и “translation” (перевод), уже несет в себе узкоспециализированное значение [9]. В аниме сообществах сканлейтом называют процесс тщательной работы с мангой, который включает сканирование, перевод, редактирование и оформление, осуществляемое энтузиастами. Также этот термин служит обозначением результата данной деятельности – готовых серий манги на русском языке: *«Сканлейт работает на порядки быстрее русских издательств. Именно сканлейт первым знакомит русского читателя с мангой, и именно он делает этой манге рекламу»* [7];

5) однократное действие или короткий кинорассказ в английском языке могут быть охарактеризованы как “one-shot” [8]. В аниме-терминологии «ваншот»

превратился в жанровое обозначение, используемое для коротких, законченных манг, состоящих всего из одной главы, что является своеобразным сужением значения: *«Посоветуйте ваншот/однотомник манги на английском. Желательно романтика и комедия, но и какой-нить красочный боевичок тоже было бы неплохо»* [7];

6) слово “filler”, обозначающее вещество, которое используется для заполнения чего-либо, в контексте развлечений обычно обозначает материал (часто низкого качества), не вносящий вклад в основную сюжетную линию, предназначенный «заполнить» пространство или время [8]. В среде аниме сообщества происходит уточнение данного термина, где «филлеры» – это серия дополнительных эпизодов, которые не основаны на первоисточнике (манге). Они часто рассматриваются негативно, так как не влияют на развитие сюжета и могут восприниматься в качестве «тянучки». Приведем пример использования данной лексики в контексте форумов: *«Авторы совсем расслабились что-то, ощущение как будто филлер посмотрел»* [7];

7) “ongoing” в английском языке обозначает происходящее в настоящий момент, текущее событие [9]. В сленге поклонников аниме «онгоинг» используется для обозначения аниме-сериалов, которые еще продолжаются, то есть выпускаются на данный момент. Не ограничиваясь общим значением «текущего», онгоинг подчеркивает непрерывность процесса выпуска новых серий: *«Могу дать ссылку откуда беру равки. Сейчас онгоинг – 65 глава, вышла вчера»* [7];

8) лексема “special” описывает особенность объектов действительности и может быть использовано в самых различных контекстах [8]. В аниме сленге «спешл» относится к дополнительным эпизодам или коротким сериям, которые могут быть выпущены в дополнение к основной серии. Отметим, что данное слово сохраняет значение «особенного», но в то же время приобретает конкретный контекст использования, относящийся к формату выпуска аниме сериалов: *«Совсем недавно проглотил первый сезон и новогодний спецл, остался исключительно доволен. От второго жду того же»* [7];

9) “opening” – изначально в английском языке это слово обозначает открытие, начало или вступительную часть той или иной деятельности [8]. Однако в контексте аниме сленга, «опенинг» или «оп» используется для обозначения открывающей анимации или музыкальной темы для аниме сериала. Это слово становится характерным для аниме сообщества и указывает на специфический вид контента, что

отличается от его изначального значения: *«Обожаю это аниме, и опенинг оттуда - один из любимых»* [7];

10) с другой стороны, лексема “ending”, обозначающая заключительную часть или конец чего-либо [8], используется для описания заключительной музыкальной анимации аниме сериала. В данном случае также наблюдается процесс ассимиляции, где слово приобретает новое значение в рамках специфической субкультуры: *«Опенинг жутко раздражает, эндинг как-то поудачнее»* [7];

11) исходное значение слова “arc” – дуга, длинная изогнутая линия [8]. В контексте русскоязычной сленговой практики лексема приобретает конкретное значение: «арк» или «арка» обозначает отдельную часть сюжета, которая может занимать несколько серий. Например: *«Видел отзывы, что эта арка Клинка скучная и проходная, но я даже не знаю»* [7];

12) прилагательное “eye-catching” в английском языке обозначает нечто эффектное и привлекающее внимание [9]. При переходе в сленг аниме культуры лексема «айкетч» приобретает новое значение, а именно заставку в середине аниме-сериала, обозначающей начало и окончание рекламной вставки при показе сериала по телевидению. Например: *«Эти айкетчи очень прикольные, часто делаю их скрины»* [7];

13) полисемичная лексема “bootleg” включает разнообразные значения, такие как верхнюю часть ботинка, нелегально выставленный на продажу алкогольный напиток или подделку [9]. В контексте аниме сообщества данное слово приобретает конкретное значение, а именно неофициально выпущенную аниме фигурку: *«Это что бутлег? Или просто на фото так получилась фигурка?»* [7].

Перейдем к описанию второй тематической группы, а именно особенностям сленгизмов в сфере бытования аниме сообщества:

1) исходное значение номинации “weeabo” (сокр. “weeb”) – уничижительный термин из англоязычного интернет-сленга, обозначающий человека (чаще западной культуры), сохраняющего нездоровую одержимость продуктами японской поп-культуры, и часто избегающего своей расовой или культурной идентичности [10]. В свою очередь, «виабу» или «виабушник» в русскоязычном сообществе сохраняет ироничное и порой критическое значение, обозначая фанатов, чрезмерно погруженных в японскую анимационную культуру. Вместе с тем, в слово может быть вложен и более широкий оттенок значения, характеризующий соответствующее поведение или стиль жизни в целом: *«Японофобия и мысль – на самом деле это не*

настоящая Япония – есть естественный порог развития для практически любого анимешника, сумевшего перерасти первичное виабу» [7];

2) в исходном значении лексема “furry” в английском языке относится к описанию предметов или животных, имеющих шерсть [8]. «Фурри» в контексте аниме сленга чаще всего используется для обозначения персонажей, которые имеют определенные животные черты (например, уши или хвосты), и сохраняет связь с широким «фурри-фандомом», обозначая увлечение антропоморфными персонажами в целом. Например: *«Нужен ещё арт, где счастливое фурри-семейство радостно и синхронно виляет хвостами» [7];*

3) полисемичное слово “drop” в английском языке может использоваться в различных значениях и контекстах, включая «понижение», «капля» или «бросать», однако в аниме сленге оно обретает узкоспециализированное значение [9]. «Дроп» указывает на действие прекращения просмотра аниме сериала или чтения манги без намерения возвращаться к нему в будущем. Например, выражение *«дропнуть тайтл»* – значит окончательно отказаться от дальнейшего просмотра аниме-сериала [7];

4) “japanimation” – изначально несет значение японской анимации как отрасли медиаискусства [10]. В аниме сленге «джапанимейшн» также используется для обозначения анимационных произведений японского происхождения, однако в настоящее время может нести скорее уничижительный или иронический оттенок: *«Не буду я возвращаться к этому вашему джапанимейшн. Я выбираю только современное аниме» [7].*

Отметим, что рассмотренные нами заимствования были включены в русский язык и стали его неотъемлемой частью путем приобретения грамматических форм, характерных для языка-реципиента. Даже после изменения своего лексического содержания они сохранили свои русские грамматические формы. Таким образом, процесс ассимиляции затронул не только семантическое значение этих слов (содержание), но также и их грамматическую структуру (форму).

Таким образом, семантическая трансформация англицизмов в аниме сленге русскоязычного сообщества отражает уникальное взаимодействие между глобальной поп-культурой и локальной языковой практикой. Их адаптация включает определенные изменения, а именно расширение (лексемы «бутлег», «арка», «ваншот», «айкетч», «опенинг», «эндинг», «спешл») или сужение, конкретизацию исходных значений (лексемы «арт», «тайтл», «дроп», «фурри», «онгоинг», «филлер», «сканлейт»), а также возникновение дополнительных ассоциативных

значений слов (коннотаций), маркирующих специфику культурного и социального контекста принимающего языка (лексемы «джапанимейшн», «виабу»). Лексико-семантическая ассимиляция отражает не только формальные, но и содержательные аспекты языковых изменений и позволяет проследить их влияние на языковую картину мира русскоязычной аудитории. Это делает ее центральным звеном в цепи изучения динамических процессов в языке и культуре, что представляет особый интерес для лингвистической науки.

Список литературы

1. Понаморёва Ю. В. Аниме как отражение японской культурной идентичности / Ю. В. Понаморёва. // Молодой ученый. – 2015. – № 9 (89). – С. 1298-1300. – URL: <https://moluch.ru/archive/89/18048/> (дата обращения: 05.12.2023).
2. Иванова Е. Ю. Семантическая ассимиляция как критерий определения статуса японизмов в составе английского языка / Е. Ю. Иванова // Лингвистика в эпоху глобанглизации : сб. ст. к юбилею В. В. Кабакчи / Е. В. Белоглазова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. – С. 45-50. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35313645> (дата обращения: 25.01.2024).
3. Ожегова Е. Ю. Лексико-семантическая ассимиляция англо-американских заимствований в немецком языке (на материале экономических газет) / Е. Ю. Ожегова // Традиции и инновации: сб. ст. науч. конф., посвящ. 75-летию Педагогического института им. В. Г. Белинского Пензенского государственного университета (г. Пенза, 16–17 декабря 2014 г.) / О. П. Сурина. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. – С. 296-299. – URL: [https://dep_literator.pnzgu.ru/files/dep_literator.pnzgu.ru/sbornik_75_let_pedinstitutu\(1\).pdf](https://dep_literator.pnzgu.ru/files/dep_literator.pnzgu.ru/sbornik_75_let_pedinstitutu(1).pdf) (дата обращения: 05.02.2024).
4. Wei M. Internet slang used by online Japanese anime fans // 3PM journal of digital research and publishing. Session 2, 2010. P. 91-98. – URL: https://d1wqtxts1xzle7.cloudfront.net/21361287/3pmjournal_2010s2-libre.pdf (дата обращения: 06.12.2023).
5. Нурмухаметова Э. В. Специфика сленга молодежных субкультур на примере аниме-культуры / Э. В. Нурмухаметова // Молодежь и актуальные проблемы современной науки: материалы научно-практической конференции (Ставрополь, 2018). – Ставрополь: филиал Московского технологического университета, 2018. – С.38-41. – URL: https://stavropol.mirea.ru/Conf/Act_tom2.pdf (дата обращения: 28.01.2024).

Список источников

6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с. : табл. – Указ.: с. 627–707. – ISBN 5-85270-239-0.
7. Русскоязычный форум об аниме, манге и культуре Японии: сайт. – URL: <https://www.animeforum.ru/> (дата обращения: 10.12.2023).
8. Cambridge Online English Dictionary: website. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 15.01.2024).
9. Collins Online English Dictionary: website. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 25.12.2023).
10. Urban Online English Dictionary: website. – URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 03.12.2023).

УДК 81'342:811.112.2

**Дзахова В.Т., Рубаева И.М. Паузы в художественном тексте
(экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого
языка)**

Дзахова Вероника Тамбиевна

доктор филологических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный
университет им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

Рубаева Ирина Маратовна

студентка, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова
Владикавказ, Россия

**Pauses in a literary text (experimental phonetic research based on the material
of the German language)**

Dzakhova Veronika Tambievna

Doctor of Philology, Professor, K. L. Khetagurov North Ossetian State University
Vladikavkaz, Russia

Rubaeva Irina Maratovna

student, K. L. Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

Аннотация. Целью исследования было установление соответствий между знаками препинания и паузами в художественном тексте. Актуальность исследования обусловлена важностью правильного оформления речи для достижения успешной коммуникации. Объектом исследования послужили предложения аудиоверсии романа Э.М. Ремарка «Три товарища». Предметом исследования являются паузы в звучащей речи. Основными методами исследования являются инструментальный, выполненный с помощью программы PRAAT, слуховой, статистический. Гипотеза исследования заключается в том, что в художественном тексте, основной функцией которого является эстетическая, должно быть большое количество пауз, необходимых для выделения значимых частей текста. Автор произведения использует знаки препинания не только следуя правилам пунктуации, но определенным образом членит текст на более и менее значимые фрагменты. Диктор, озвучивающий текст, должен попытаться угадать замысел автора и повторить его в речи. В противном случае, при несоблюдении имеющихся в тексте маркеров интонации, какими являются, в первую очередь, знаки препинания, восприятие текста будет искажено, и он будет плохо воспринят слушателями.

Ключевые слова: немецкий язык, фонетика, пауза.

Abstract. The aim of this study was to investigate the relationship between punctuation marks and pauses in literary texts. The significance of this research stems from the importance of effective speech design for achieving successful communication. The object of this study is the audio version of E.M. Remarque's novel, "Three Comrades." The subject of this study are pauses in spoken discourse. The main methods of investigation are instrumental, conducted using the PRAAT software, auditory, and statistical analysis. It is hypothesized that in a work of literature, the main purpose of which is to be aesthetic, there will be a significant number of pauses required to highlight important parts of the narrative.

The author employs punctuation marks not just to follow the conventions of punctuation, but also to divide the text into more or less important segments. The speaker reading the text should attempt to understand the author's intentions and reproduce them in speech. Otherwise, if intonation markers are not observed in the text, which include punctuation marks, then the perception of the message will be distorted and will be poorly understood by listeners.

Keywords: German, phonetics, pause.

Пауза - длительная остановка в процессе речи, в течение которой речевые органы не артикулируют, которая служит для деления речи на предложения, а предложения на синтагмы. Отсутствие пауз в речи справедливо считается ненормативным оформлением звучащей речи [14].

На письме паузы обозначаются знаками препинания. При этом разным знакам препинания соответствуют различные по локализации и длительности паузы [8; 13; 15]. Так, например, точка обозначает конец предложения и подчеркивает полную завершенность мысли. Кроме того, точка может использоваться для сокращения слова или фразы.

Запятая используется для выделения однородных членов предложения, разделения перечисляемых слов и фраз. Запятая структурирует текст, делая его более понятным и легко читаемым.

Тире используется для создания ритмической паузы и придания тексту особой эмоциональности. Оно выделяет фразу или слово, создавая внутреннюю паузу и привлекая внимание слушателя. Тире также может использоваться для обозначения диалогов и цитат.

Восклицательный и вопросительный знаки служат для создания паузы, указывающей на эмоциональное состояние говорящего или настрой на получение ответа. Они помогают передать интонацию и выделить важные моменты в высказывании.

Двоеточие, аналогично тире, создает ритмическую паузу, но при этом указывает на продолжение мысли. Оно привлекает внимание и отражает то, что будет сказано далее, раскрывая предыдущую информацию. Также двоеточие используется для введения прямой речи.

Кавычки в тексте могут использоваться для создания паузы и выделения цитат или прямой речи. Они помогают отличить слова автора от слов других людей и придают тексту дополнительную информативность и эмоциональность.

Однако, не всегда в речи пауза присутствует на месте знака препинания. С другой стороны, для подчеркивания какого-то значимого слова в тексте пауза может

присутствовать в том месте, где нет никакого знака препинания. Это связано с тем, что в художественном тексте все подчинено выполнению эстетической функции, вследствие чего могут нарушаться принятые в языке нормы [1;2;12]. О том, что паузы играют огромную роль в процессе коммуникации, свидетельствуют различные исследования, показывающие, что искусственное удаление пауз из речи частично или полностью искажает понимание текста [5; 6; 7].

Для установления соответствий между знаками препинания и паузами в чтении художественного текста была проанализирована аудиоверсия романа Э.М.Ремарка «Три товарища». Для анализа наличия и длительности пауз использовалась компьютерная программа PRAAT. В ручном режиме на осциллограммах аудиозаписи выделялись паузы, которым на осциллограммах соответствует сплошная горизонтальная линия. Длительность паузы определялась автоматически в программе, как разность между следующим и предшествующим звуками.

В ходе анализа было установлено 5 типов соответствий:

1. Паузы на месте знаков препинания.
2. Отсутствие пауз на месте знаков препинания.
3. Наличие пауз при отсутствии знаков препинания.
4. Паузы между предложениями.
5. Паузы между абзацами.

Каждый тип соответствия анализировался отдельно. Результаты анализа представлены в следующих ниже.

Наличие пауз при отсутствии знаков препинания

В большинстве случаев диктор делал паузу перед союзом *und*, хотя запятой в тексте не было. В случае с длинными предложениями паузу можно объяснить желанием сделать вдох, необходимый для продолжения текста, например: *Den stillen Geburtstagsmoment, wo man sich selbst in die Pupille blickt/ und entdeckt, was man für ein armseliges Küken ist.*

В случае с короткими предложениями наличие паузы перед союзом *und* объяснить невозможно. Так, например, непонятно наличие паузы в кратком предложении *Köster / und Lenz verhaftet*, где союз *und* связывает однородные подлежащие.

Средняя длительность паузы составляет 0,10 мс.

Паузы между предложениями

В проанализированном отрывке из текста 342 предложения. В 71 случае диктор не делал пауз между предложениями. Установить причину отсутствия паузы не представляется возможным.

В частности, не было пауз между следующими предложениями:

Предложения 25-26:

«Jesus Christus», stammelte Mathilde und starrte mich aus roten Augen an. «Ihnen hab' ich noch nicht erwartet...».

Длительность данных предложений большая, произнести их на одном дыхании трудно. Тем не менее, паузы между предложениями нет. Возможно, это можно объяснить тем, что в первом предложении диктор сделал паузу на месте запятой (0,21 мс).

Предложения 30-31:

«Sie wischte sich über den Mund. »Direkt platt bin ich...«»

Длительность предложений небольшая, поэтому, возможно, диктору хватило дыхания для произнесения двух предложений без паузы, так как в предложении 29 была пауза на месте точки (0,21 мс).

Предложения 38-39:

«Entschlossen trat sie einen Schritt vor. »Herr Lohkamp – Mensch is nur Mensch – erst hab' ich nur dran gerochen – und dann einen Schluck genommen – weil mir im Magen doch immer so flau ist – ja, und dann – dann muß mir der Satan geritten haben».

Длительность предложения 38 также небольшая. Кроме того, в предложении 37 диктор сделал довольно долгую паузу на месте точки (0,23 мс), что, вероятно, позволило ему произнести предложения 38-39, не делая между ними паузу.

Предложения 43-44:

«Ich nahm die Flasche hoch. »Natürlich, den Kognak für die Kunden haben Sie nicht angerührt – aber den guten von Herrn Köster haben Sie weggeputzt.«»

В данных предложениях мы наблюдаем похожую ситуацию. Предложение 43 короткое, а также в предложении 42 диктор делает паузу на месте точки (0,21 мс). Можно заметить, что довольно часто диктор не делает пауз перед началом прямой речи. Возможно, отсутствие пауз в речи в подобных случаях является его особенностью.

Предложения 68-69:

«»Schön. Dann trinken Sie das Glas mal aus!«»

В данном случае оба предложения являются частью прямой речи одного героя, кроме того, первое предложение состоит из одного слова, поэтому диктор, вероятно, не посчитал нужным разделять их остановкой в речи.

Паузы на месте знаков препинания

Знаки препинания встретились в 130 предложениях. Это запятые, тире, двоеточие, точка с запятой.

Запятая встречается 202 раза, средняя продолжительность паузы 0,21.

Тире встречается 30 раз, средняя продолжительность паузы 0,21.

Двоеточие встречается 2 раза, продолжительность пауз 0,21.

Точка с запятой встречается 7 раз, средняя продолжительность 0,24

Паузы между абзацами

В проанализированном отрывке текста 72 абзаца. В 27 случаях диктор не делал пауз между абзацами. Средняя длительность пауз между абзацами составляет 0,210 мс. Таким образом, существенной разницы в длительности пауз между отдельными предложениями и абзацами в ходе анализа не установлено.

Отсутствие пауз на месте знаков препинания

В проанализированном отрывке текста встретилось 5 предложений, в которых на месте знаков препинания не было пауз. Все эти случаи касаются отсутствия паузы между прямой речью и словами автора:

Объяснить отсутствие пауз в данных предложениях не представляется возможным, так как в других случаях в аналогичных предложениях диктор соблюдал паузы на месте знаков препинания. Сравним, например:

Поскольку в ходе анализа выяснилось, что расстановка пауз в речи не соответствует тексту художественного произведения, было решено провести аудиторский эксперимент. В роли аудиторов выступили студенты факультета международных отношений, изучающие немецкий язык в качестве первого и второго иностранного. Им предъявлялся отрывок аудиозаписи и предлагалось ответить на два вопроса:

1. Нравится ли Вам, как диктор читает роман?
2. Что Вам нравится/не нравится в дикторском чтении.

Всего в эксперименте приняло участие 45 человек. Все они отрицательно оценили чтение диктором романа.

В качестве причин отрицательной оценки были названы следующие:

1. Диктор быстро и неразборчиво говорит. Несколько простых предложений произносит как одно, не разделяя.

2. Отсутствие правильной интонации, неприятно слушать.
3. Как робот читает, не нравится.
4. Диктор читает текст без интонации (например, вопросительные предложения читает как повествовательные). Не делает паузы между абзацами и предложениями.
5. Бездушно.
6. Без эмоций.
7. Это же художественная литература, а не инструкция к пылесосу.
8. Сухое зачитывание текста без пауз, смысловых ударений и нужных интонаций.
9. Не разделяет фразы.
10. Ни интонации, ничего, какой-то бот.

Таким образом, отсутствие пауз там, где они задумывались автором произведения, отрицательно воспринимались аудиторами и препятствовали реализации текстом его эстетической функции.

В целом результаты проведенного исследования подтверждают существующие в научной литературе данные относительно того, что паузы являются неотъемлемым элементом культуры звучащей речи и оказывают непосредственное влияние на организацию рефлексии в процессе восприятия текста [9; 10;11]. В случае с художественным текстом роль пауз особенно велика, в связи с чем актеры при работе над текстом уделяют большое внимание речевым тактам и тактовым паузам [3;4].

Список литературы

1. Барьядаева Н.Н. Пауза в звучащем художественном тексте //Международный научно-исследовательский журнал. 2016. № 4 (46). Часть 4. С. 18-20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pauza-v-zvuchaschem-hudozhestvennom-tekste/viewer>
2. Белицкая А.А. О роли хехитационных пауз в звучащем тексте // Филология и литературоведение. 2014. № 2. URL: <https://philology.snauka.ru/2014/02/697>
3. Князькина Н.Х. Речевые такты и тактовые паузы в работе актера над текстом // Омские научные чтения - 2020. Материалы Четвертой Всероссийской научной конференции. Омск, 2020. С. 495-500.
4. Коваленко А.А. Качественные и количественные характеристики пауз в речи ведущих прогноза погоды как показатель спонтанности/подготовленности произносимого текста // Гуманитарное знание и искусственный интеллект: стратегии и инновации. материалы международной конференции. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 2020. С. 489-491.

5. Когалова Е.А. Влияние характера паузирования на восприятие звучащей речи (на материале французской теледискуссии) // Романское культурное и языковое наследие: история и современность. Материалы международной научной конференции. Ответственный редактор: И.В. Скуратов. 2016. С. 28-33. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27374132_64791238.pdf
6. Коченкова Ю.Е. Паузирование в публичной речи ученых, проповедников, актеров: по результатам эксперимента // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 1. С. 51-64. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16463333_55333382.pdf
7. Коченкова Ю.Е. Цена паузы // Мир русского слова. № 2, 2010. С. 50-55 URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/95629/1/978-5-7996-3164-2_2020_154.pdf
8. Кривнова О.Ф. Дыхательные паузы в слитной речи: локализация и акустико-физиологические характеристики // Речевые технологии. 2010. № 3. С. 71-76. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_35625434_27009255.pdf
9. Мощева С.В. Речевоздействующий потенциал массмедийного текста: роль паузы // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2020. Т. 30. № 2. С. 264-269.
10. Миловидов В.А. Пауза как средство организации рефлексии в процессе восприятия литературно-художественного текста // Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании. Всероссийская (с международным участием) герменевтическая конференция, посвященная памяти заслуженного деятеля науки, профессора, доктора филологических наук Георгия Исаевича Богина. 2018. С. 196-202.
11. Ормаханова Е.Н. Роль паузы как функционального компонента интонации в телевизионном дискурсе // Евразийский союз ученых. 2015. № 4-8 (13). С. 109-110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-pauzy-kak-funktsionalnogo-komponenta-intonatsii-v-televizionnom-diskurse?ysclid=lpy9s1ydl6347958442>
12. Плисенко А.А. Тире как маркер паузы в речи персонажа в художественных текстах на немецком языке // Молодежный вестник ИрГТУ. 2021. Т. 11. № 2. С. 113-117.
13. Сороколетова Н.Ю. Типология пауз и функциональные особенности их локализации и длины в англоязычной онлайн-лекции // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5 (102). С. 332-335.
14. Титаренко Е.Я. Культура звучащей речи: интонация, паузирование, синтагматическое членение // Проблемы преподавания курса "Русский язык и культура речи" в вузах. Тезисы докладов международной научно-практической конференции. 2016. С. 145-147. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27503377_81307809.pdf
15. Тюрина С.Ю. Восприятие устного иноязычного дискурса: результаты фонетического эксперимента // Фонетическая рапсодия 2021. межвузовский сборник научных трудов : к юбилею доктора филологических наук, профессора, ведущего научного сотрудника Научно-образовательного центра интеграции науки и образования ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», действительного члена Российской Академии Естествознания Галины Михайловны Вишневецкой. Иваново, 2021. С. 110-115.

УДК 811.111

Ереметова К.Ю. Английские термины уголовного права *felony, treason* и *misdemeanour*: этимология и семантика

Ереметова Карина Юрьевна

канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Военной академии связи, РФ, г. Санкт-Петербург
karinaeremetova@hotmail.com

**English criminal law terms *felony, treason* and *misdemeanour*:
etymology and semantics**

Eremetova Karina Yurievna

Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Military Telecommunications Academy Russian Federation, St. Petersburg

Аннотация. Статья посвящена изучению этимологии и семантики английских терминов уголовного права в среднеанглийский период. Актуальность статьи обусловлена необходимостью и интересом к изучению эволюции терминов уголовного права и правового сознания. В статье даётся краткий обзор периодизации становления права в Англии, рассматриваются термины уголовного права, которые обогатили словарный состав благодаря заимствованию. Проводится анализ терминов уголовного права, которые использовались для обозначения правонарушений, тяжких уголовных преступлений и измены в среднеанглийский период. Автор указывает, что в среднеанглийский период уголовные преступления делились на 3 основные группы: **felony** (1303), **treason** (1303) и **misprisions** (1425)/**misdemenyng** (1487). Также происходит расширение словарного состава за счёт конкретизации значения и появления терминов **hye treasoure** (1473), **Petty Treason** (1496), **misprision of treason** (1620). Новизна исследования состоит в том, что проведенный анализ английских терминов уголовного права позволяет расширить знания об эволюции английского языка и английской правовой системы. Практическая значимость исследования заключается в применении его результатов в рамках курсов по юридической лингвистике и истории английского языка.

Ключевые слова: термины уголовного права, среднеанглийский период, этимология, семантика, заимствование.

Abstract. The article is devoted to the study of the etymology and semantics of criminal law terms in the Middle English. The relevance of the article is due to the need and interest in studying the evolution of the terms of criminal law and legal consciousness. There is a brief overview of the periodization of the formation of law in England as well as criminal law terms that have enriched the English vocabulary via borrowing and conversion. The author points out that criminal offenses were divided into 3 main groups in the Middle English period: **felony** (1303) **treason** (1303) and **misprisions** (1425)/**misdemenyng** (1487). The lexicon was also expanded due to the narrowing of the meaning and the appearance of the terms **hye treasoure** (1473), **Petty Treason** (1496), **misprision of treason** (1620). The novelty of the study is determined by the fact that the analysis of English criminal law terms allows us to expand our knowledge about the evolution of the English language and the English legal system. The practical relevance of the research deals

with the application of its findings in courses on legal linguistics and the history of the English language.

Key words: criminal law terms, Middle English, etymology, semantics, borrowing.

Цель данного исследования заключается в семантико-этимологическом анализе лексических единиц (далее ЛЕ), обозначающих термины уголовного права **felony**, **treason** и **misdemeanour**.

Материалом исследования: термины уголовного права **felony**, **treason** и **misdemeanour** и примеры их употребления, полученные методом целенаправленной выборки из интернет-версий Oxford English Dictionary [13], Middle English Compendium [14] и Historical Thesaurus of the Oxford English Dictionary [15].

Методы и приемы исследования: метод целенаправленной выборки, компонентный анализ, историко-этимологический анализ, описательный метод, приемы обобщения и квалификации.

Теоретической базой исследования послужили работы Абрамовой Ю.Д. [1], Агаганова А.Ш. [2], Анисимовой А.Г. [3], Валеева А.Р. [4], Голубцовой М.А. [5], Дина Т. [12], Калугиной Т.Н. [5], Капшутарь Е.С. [3, 6], Косых Е.С. [4, 7], Лавровой А.В. [7], Нарыковой Н.А. [8], Сухенко В.К. [9], Хатунова С.Ю. [10, 11], Чайки А.Д. [8], Чербаевой Г.М. [7].

В истории английского средневекового права можно выделить три основных периода:

I. Период англосаксонского права: V в. – 1066 г. (нормандское завоевание);

II. Период становления общего права: 1066 г. – 1485 г. (окончание войны Алой и Белой розы);

III. Период действия общего права и права справедливости: 1485 г. – 1832 г.;

IV. Период действия общего права и статутного права: 1832 г. – настоящее время.

В англосаксонский период понятия «нарушение закона», «правонарушение», «преступление» обозначались при помощи ЛЕ **unlagu** (1010-1016) и **†lahbryce** (1010-1016) [13, 14, 15]. В англосаксонских правдах встречаются такие виды преступлений, как нарушение против короля, преступления против личности (убийство, изнасилование, нанесение телесных повреждений, побои, кража, клевета), преступления против собственности, измена супругов, религиозные преступления и военные преступления.

В среднеанглийский период словарный состав пополнился несколькими ЛЕ со значением «нарушение закона», «правонарушение», «преступление», «проступок» [13, 14, 15]: **wite** (†ок. 1175), **wrang** (ок. 1270 (?до1200)), **trespas** (ок. 1290), **defaute**

(до 1325), **trispasyng** (до 1340), **forfeture** (†ок. 1380), **lawe breking** (до 1382), **cryme** (ок. 1384), †**abusion** (?1387), **urfet** (†ок.1400 (?ок.1390)), **transgressyoun** (1426), **violacion** (1433), **delyct** (?1473), **wrongedoyng** (1480), **broke** (†1481) и **vnlawfulnes** (†до 1500) и др.

В Средневековой Англии уголовные преступления делились на 3 основные группы [13, 14, 15]: **felony** (1303) «фелония», тяжкое уголовное преступление, **treason** (1303) «измена» и **misprisions** (1425)/**misdemenyng** (1487) «мисдиминор», проступок.

Понятие **felonie** появилось во Франции до 1066 года и обозначало нарушение вассала верности своему сеньору, что в результате приводило к утрате вассалом своего феодального держания. С течением времени норманны расширили прежнее понятие **felony**, оно стало включать в себя тяжкие уголовные преступления. Нормандское завоевание 1066 г. способствовало появлению в английском лексиконе новых видов преступлений и новых уголовных терминов: < **felonie** = провансальский диалект **fellonia**, **felnia**, **feunia** < общероманск. ***fello nia** < **fellone** “felon”.

Следует отметить, что первоначально ЛЕ обозначала такие понятия, как «низость, подлость», злодейство» (ок. 1290), «†обман, предательство» (1297), «†безрассудство, лихачество» (1485). Значение «†преступление, правонарушение, грех» зафиксировано около 1300 г. В рамках феодального права ЛЕ **felony** функционировала для обозначения действий, направленных против вассала, включающих конфискацию имущества (ок. 1330). Согласно общему и статутному праву ЛЕ **felony** (1303) использовалась для номинации более тяжелых преступлений (неповиновение королю или лорду/нарушение вассалом своих обязанностей по отношению к королю или лорду), чем проступки, которые наказывались полной конфискацией имущества, лишением титулов, званий и права передачи их по наследству: (1303) *Sle no man wyb byn honde Wyb outyn iustyce, for felonye* [13, 14, 15].

С развитием права понятие **felony** стало включать тяжкие уголовные преступления: преступления против короля, убийство, поджог, изнасилование, разбой и некоторые виды кражи. Наказанием за данные преступления была конфискация земель, а позднее всего имущества, а также смертная казнь (за исключением мелкой кражи).

В XIV веке в рамках **felony** выделился особый вид преступлений – **treason** (1303) «измена»: (1303) *Yn no byng wote y more tresun, Pan brynge by lorde to hys felun* [13, 14, 15]. Первоначально под изменой понимался всякий ущерб, нанесённый королевским правам (в частности, ловля диких зверей без особого королевского

разрешения), злоупотребления королевских чиновников и т.п., которые карались огромными штрафами и тюремным заключением.

Преступление против личности короля и прав короны представляло собой нарушение вассальной верности, т.е. рассматривалось как личная измена королю. Кроме того, всё большее внимание уделяется преступлениям против церкви.

В 1352 году был издан Специальный статут о преступлениях, которые классифицировались как государственная измена, т.е. не только измена королю, но и измена государству [13, 14, 15].

В Статуте 1352 г. выделены два вида измены:

1. **High treason** «высшая измена»: (1473) *The Lorde Hungerforde was ... behedede for hie treasoure* [13, 14, 15]; (1533–4) *Yf any person ... being commanded ... to take the seid othe ... obstynatly refuse that to doo ... that every suche refusall shalbe ... adjudged mesprysion of high treason* [13, 14, 15].

К **high treason** относились: 1. замысел убийства или убийство короля, королевы, их старшего сына и наследника; 2. изнасилование королевы/старшей незамужней дочери короля/жены его старшего сына и наследника; 3. восстание против короля/оказание помощи врагам короля внутри или вне страны; 4. подделка королевской печати/подделка королевской монеты/ввоз в страну фальшивых монет; 5) убийство канцлера/казначея/любого королевского судьи. Ср. с синонимичной ЛЕ **high misdemeanor** (1660) «мятеж, восстание», «тайный или преступный стговор, заговор»: *He charged the Prisoner at the Bar with Treason and high misdemeanors* [13, 14, 15].

2. «Малая измена»: (1496) *An Acte to make some Offences Petty Treason* [13, 14, 15]. К «малой измене» относились: 1. убийство господина его слугой; 2. убийство мужа женой; 3. убийство вышестоящего прелата мирянином/клириком.

3. Позднее термин **misprision of treason** стал включать значение «знание, осведомлённость об измене или стговоре»: (1620) *Now, besides thes two sortes, high treason and petye treason, the lawyers mention a third kind, which they tearme misprision of treason* [13, 14, 15]; (до 1634) ... *In legall understanding it signifieth, when one knoweth of any treason or felony, and concealeth it, this is misprision, so called, because the knowledge of it is an ill knowledge to him, in respect of the severe punishment for not revealing of it* [13, 14, 15]; (1690) **Misprisions of Treasons** *are those that conceal any sort of Treasons, or harbour the Traytors, knowing them to be such* [13, 14, 15].

Группа преступлений, не входившая в понятие **felony**, именовалась нарушениями (**trespas** (ок. 1290), **transgressyoun** (1426)), позже получившими название **misprisions** (1425)/†**misdemenyng** (1487)/(1504) **mysdemeanours** «мисдиминоры, проступки».

Выделялись несколько видов нарушений:

1. **trespass to person** «посягательство на права личности, правонарушение против личности, причинение личного вреда»: (1425 (до1325)) *Of him þat dose a light trispase To prest or clerk unwitandly* [13, 14, 15].

2. †**trespass on the case** «предъявление ответчику иска о причинении вреда имуществу истца»: (1429) *Speciall actions of dette or trespasse uppon her cas* [13, 14, 15].

3. **trespass to land** «нарушение владения недвижимостью с причинением вреда, нарушение чужого права владения землёй, нарушение чужого права владения недвижимостью»: (ок. 1455) *Of trespas in forest of Baron* [13, 14, 15].

4. **trespass to goods** «нарушение владения движимостью с причинением вреда, причинение вреда движимому имуществу»: (1590) *If the testator make diuerse executors, and do bequeath to the one of them the residue of his goodes; ... if the other executor enter thereunto, hee is subiect to an action of trespasse* [13, 14, 15].

Несмотря на то, что **trepas** не относилось к тяжким преступлениям: (1553) *Sometimes a man is accused of felonye, and yet he proueth his offence to be but a trespase* [13, 14, 15], в некоторых случаях могло последовать суровое наказание: (ок. 1330) *Edrik was hanged on þe toure, for his trispas* [13, 14, 15].

Правонарушения, ошибки, совершаемые королевскими чиновниками, клерками и другими официальными лицами, обозначались при помощи ЛЕ **trespas**, **misprision** и **default**: (1425) *Suche misprisions and defautes of ye said Sherefs* [13, 14, 15]; (1450) *To enquere, here, and determyn all trespaces ... and mesprisions by hem or ony of hem doen* [13, 14, 15]; (1491) *Mesprision by hym commytted and doon ayenst the Kynges moost royal persone* [13, 14, 15].

Нарушение обета, религиозных догм часто описывалось при помощи ЛЕ **transgressyoun**: (1426) *Transgressyoun ys for to say A goyung fro the ryht[e] way, Or shortly, in sentement Brekyng off a comaundement* [13, 14, 15]; (?до 1475 (?до 1425) *Borne in as grete innocency and withowte synne as Adam was afore the transgression* [13, 14, 15]. Позднее произошло расширение значения, ЛЕ стала обозначать действия, направленные против короля: (до 1500) *Alle odyr transgrescyons þt towchys the*

lordes persons [13, 14, 15]; (до 1513) *Culpable in certayne Artycles towchyng transgressyon agayne the Kynge* [13, 14, 15].

Наконец, можно отметить такие правонарушения, как незаконное огораживание чужих частных или общественных земель, которые не карались сурово. Как правило, накладывалась обязанность платить за пользование данной землей: (1435) *For ye quelk thre forsayd graundes, ye forsayd Robert Bercroft salle pay zerey to ye Comons of Notingham, summa iiij s. vj d ... be cause of ye **purpresser** yat is under ye same rent* [13, 14, 15]. Такого рода нарушения закона обозначались при помощи ЛЕ **purpresture** (до 1325), †**perprisioune** (1448, шотл.), заимствованных из англо-нормандского языка: *Of **purprestures** ant of occupaciouns, anie imade ope þe lord kinge ... te king sulde of plein nimen azen þe þing so ioccupied* [13, 14, 15]; (1448) *Quhar thai find perpriss [to] merke it and put in writ and charge thame to reforme it within xi dais, and forberne vnder payne of **perprisioune** of the king.*

Дела о незаконном огораживании чужих частных или общественных земель рассматривались в специальных судах – **court of purprision**: (1479) *The actioure ... aganis elizabeth nesbit ... anent þe halding of **a court of purprisione** uppone þe landis of Raufburne wrangwisly haldin* [13, 14, 15].

Таким образом, подводя итог, можно сделать вывод, что лингвистические последствия нормандского завоевания заключаются в последовательном заимствовании юридической лексики и терминов уголовного права. На территории Англии после нормандского завоевания продолжали действовать старые англосаксонские обычаи, однако дальнейшее развитие английской правовой системы характеризуется появлением общего государственного права. Первоначально король осуществлял «высший суд». Усиление королевской власти заключалось также в расширении юрисдикции королевских судов, которые рассматривали дела, касающиеся:

1. королевских финансов,
2. земельной собственности, недвижимости,
3. тяжких уголовных преступлений.

Начиная с XIV века, в Англии формируется «право справедливости», к которому прибегали в тех случаях, когда жители не могли найти защиты своих нарушенных прав в судах «общего права». С возрастанием количества таких дел был учрежден суд канцлера – «суд справедливости».

Перспективы исследования заключаются в продолжении изучения эволюции английской юридической терминосистемы, а также сравнительно-сопоставительном анализе юридической терминологии русского, английского, немецкого и испанского языков с привлечением экстралингвистических данных.

Список литературы

1. Абрамова Ю.Д. этапы становления и развития англосаксонского права и формирование в нем судейского права // Человек: Преступление и Наказание: сб. материалов Международной научно-теоретической конференции адъюнктов, аспирантов, соискателей, курсантов и студентов. В 3-х частях. Часть 1. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2021. С. 20-26.
2. Агагасанов А.Ш. Уголовное английское средневековое право // Право и государство история и современность, перспективы развития: сб. материалов по итогам научно-практического семинара (Стерлитамак, 20 сентября 2019 г.). Выпуск 2. Стерлитамак: Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал, 2019. С. 86-88.
3. Анисимова А.Г., Капшутарь Е.С. Особенности становления английской терминологии уголовного права в V-X веках // Научный диалог. №10 (58). 2016. М.: МГУ. С. 9-20.
4. Валеев А.Р., Косых Е.С. Английское средневековое уголовное право // Право и государство: история и современность, перспективы развития: сб. трудов по итогам работы научно-практического семинара (Стерлитамак, 19 июня 2020 г.). Выпуск 3. Стерлитамак: Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал, 2020. С. 66-68.
5. Голубцова М.А., Калугина Т.Н. Страноведение для юристов. Страны английского и американского права: история, культура, терминология. М.: МГИМО, 2024. 309 с.
6. Капшутарь Е.С. О некоторых особенностях становления англоязычной терминологии уголовного права в среднеанглийский период // Вестник Брянского госуниверситета. №1 (27). 2016. Брянск: БГУ. С. 250-254.
7. Косых Е.С., Лаврова А.В., Чербаева Г.М. Английское средневековое уголовное право // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. №3(19). 2018. С. 202-206.
8. Нарыкова Н.А., Чайка А.Д. Уголовное право Англии в Средние века и в Новое время // Недели Российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя: сб. трудов конференции (Рязань, 01–08 февраля 2022 г.). Рязань: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2022. С. 524-528.
9. Сухенко В.К. Механизмы правового регулирования Англии XVIII века // COLLOQUIUM-JOURNAL. 12-4 (64). Самара: СамГТУ, 2020. С. 10-12.
10. Хатунов С.Ю. Уголовная ответственность в средневековой Англии / Хатунов Сергей Юрьевич; М-во образования Рос. Федерации, Северо-Кавказ. гос. техн. ун-т. Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2003. 71 с.
11. Хатунов С.Ю. Терминологические особенности понятия преступления в юридических текстах средневековой Англии // Черные дыры в российском законодательстве. №1. 2010. С. 176-179.
12. Dean T. Crime in Medieval Europe 1200-1550. Routledge: London and New-York, 2001. 206 p.

Список источников

13. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://oed.com> (дата обращения: 27.02.2024)
14. Middle English Compendium [Электронный ресурс]. URL: <https://quod.lib.umich.edu> (дата обращения: 25.02.2024)
15. Historical Thesaurus of the Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. <https://ht.ac.uk/> (дата обращения: 20.02.2024)

УДК 81.255

Романова Л.Г. Семантико-стилистическая репрезентация чувства ревности в переводе (на примере романа Дж. Б. Пристли «Улица Ангела»)

Романова Лилия Геннадьевна

кандидат филологических наук, доцент, Оренбургский государственный педагогический университет
Romanovalg@mail.ru

Semantic-stylistic representation of feeling of jealousy in translation (on the example of the novel by J.B. Priestley "Angel Pavement")

Romanova Lilia Gennadievna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor Orenburg State Pedagogical University

Аннотация. Статья посвящена проблеме адекватности репрезентации скрытых чувств героев оригинального художественного произведения в переводе. Чувства и эмоции персонажей, особенно нелицеприятные, такие, например, как зависть, чаще всего выражаются в художественных текстах опосредованно, то есть, косвенно. Лексико-стилистические средства, задействованные автором, представляют особую сложность при переводе. Данная статья является частью исследования проблем семантико-стилистической репрезентации портретов персонажей оригинального художественного текста в переводе. Эмоции и чувства персонажа являются значимой частью его художественного портрета, следовательно, их семантико-стилистическая репрезентация в тексте перевода позволяет судить об адекватности подбора переводческих стратегий.

Ключевые слова: адекватность перевода, портрет персонажа, семантико-стилистическая репрезентация, перевод художественного текста.

Abstract. The article is devoted to the problem of adequacy of representation of hidden feelings of characters of original fiction text in translation. Feelings and emotions of characters, especially the unflattering ones, such as jealousy, for instance, are most frequently expressed indirectly in fiction texts. The lexical and stylistic means used by the author make a significant difficulty for translation. The article is a part of the common research devoted to the problems of semantic and stylistic representation of the portraits of characters of original fiction texts in translation. Emotions and feelings of characters are a significant part of their portraits, thus, their semantic and stylistic representation in translating text allows to evaluate the adequacy of translation strategies.

Key-words: adequacy of translation, portraits of characters, semantic-stylistic representation, fiction text translation.

Настоящее исследование представляет собой часть исследования способов реализации портретного описания персонажей оригинальных произведений и их переводящих текстов и оценки адекватности перевода [3, с. 39 - 44]; [4, с. 83 - 88]; [5, с. 114 - 117]; [6, с. 153 - 158]; [11, с. 123 - 131].

Поскольку описание чувств и эмоций героев художественного произведения представляет собой значимую часть их портретного описания, то оно не может не отражать отношение автора к своим персонажам, а, следовательно, и на восприятие данных персонажей читателем, переводчиком, и далее – реципиентом перевода. Адекватность перевода контекстов, репрезентирующих эмоции героев, не может не влиять на эквивалентность перевода художественного текста в целом [6, с. 153 – 158]. Возникающие при переводе художественного произведения трудности представляют собой не только «комплекс коммуникативных проблем и задач, связанных с переходом с одного культурного кода на другой», но и целый комплекс «вопросов художественно-эстетического и эмоционального плана, поскольку переводчик по сути создает новое художественное произведение и в данном случае просто трансляции заложенной в оригинале информации оказывается недостаточно» [2, с. 11-18].

Особую трудность для работы переводчика художественного текста составляют стилистически нейтральные слова, которые приобретают эмоциональную окраску в определенном контексте [1, с 35 - 38]. Проведенные нами исследования позволили нам прийти к выводу о том, что при передаче эмоционального состояния персонажей художественного текста в переводе зачастую употребляются разговорной, просторечной, стилистически сниженной, либо архаичной лексики [5, с. 114 - 117]; [11, с. 129- 131].

Перевод контекстов, репрезентирующих скрытые чувства героев, представляют собой особый интерес для исследования. К подобным чувствам можно отнести ревность.

Ревность представляет собой чувство, унижающее достоинство человека. Данное нелицеприятное чувство принято скрывать, поэтому оно редко выражается непосредственно. В оригинальном произведении Дж. Б. Пристли «Улица Ангела» чувство ревности чаще всего реализуется через выражение явной или скрытой неприязни, отвращения или презрения, которое испытывает тот или иной персонаж.

Из текста оригинального произведения, а также из текста его художественного перевода, были выделены соответствующие друг другу контексты, так или иначе репрезентирующие чувство ревности, которую испытывают главные герои.

В ряде контекстов чувство ревности репрезентировано непосредственно в прямой речи персонажей. Зачастую данное чувство выражается во внутренних монологах героев и гораздо реже – за счет авторских ремарок.

The idiot had brought a complete stranger into the dining-room with him, a girl. She was a very pretty girl, quite young, and on his face was that fatuous smile which husbands always seem to wear in the company of young and very pretty girls. All wives recognize and detest that fatuous smile.

Этот болван привел в столовую какую-то совершенно незнакомую девушку! Девушка была совсем юная и прехорошенькая, а лицо мистера Дэрсингема расплылось в ту идиотски-блаженную улыбку, которая появляется на лицах мужчин в присутствии молодых и красивых девушек. Всем женам знакома и ненавистна эта улыбка.

Рассматриваемый контекст представляет собой описание скрытых эмоций одной из главных героинь романа, миссис Дэрсингем, в тот момент, когда ее муж пригласил в дом совершенно незнакомую ей девушку. Данный текст частично можно рассматривать как внутренний монолог персонажа.

Оригинальная лексема **the idiot** (досл. – идиот), обозначающая крайнюю степень умственной отсталости, является ярким эмотивом и имеет семантику глупости. Русский вариант данной лексемы **болван** также несет в себе семантику глупости. То же значение имеет и оригинальное выражение **fatuous smile** (досл. – бессмысленная улыбка), которое переводится на русский выражением со сложным прилагательным в составе **идиотски-блаженная улыбка**. Разговорное прилагательное **блаженный**, как и прочие лексемы с общим семантическим признаком глупости, характеризует мужа главной героини как человека странного, чудаковатого и неспособного трезво оценивать ситуацию, а, следовательно, и верно оценить личность пришедшей в их дом девушки.

В данном примере примечательна авторская ремарка **All wives recognize and detest that fatuous smile** (досл. – все жены распознают и ненавидят эту бессмысленную улыбку). Данная ремарка представляет собой своеобразное обобщение эмоций всех замужних женщин, испытывающих чувство ревности к своему мужу. Глагол **recognize** в данном контексте обозначает способность безошибочно угадать. Глагол **detest** означает чувство крайней неприязни. В русском варианте контекста применяются краткие прилагательные **знакома и ненавистна**, за счет которых создается впечатление, что все женщины часто видят подобную улыбку у своих мужей.

- They were awful, both of them. The man was nearly as bad as his terrible daughter. They were ghastly, and I hope to Heaven I never see either of them again... Oh, what a horrible, ghastly evening!

- Они ужасны, оба ужасны! Этот субъект немногим лучше своей мерзкой дочери. Они бог знает как вели себя. Надеюсь, мне никогда больше не придется их видеть. ... О Господи, что за отвратительный вечер!

Приведенный выше контекст представляет собой фрагмент прямой речи миссис Дерсингем. Для выражения сильных эмоций в оригинальном тексте применяется лексема **Heaven** (досл. – небеса, рай), а в переводящем – выражения **О Господи** и **бог знает как**. Применение подобных выражений подчеркивает бессилие человека и его неспособность изменить ситуацию.

Применение прилагательных **awful, bad, terrible, horrible, ghastly** в качестве характеристики неприятных миссис Дерсингем людей и их поведения, на самом деле позволяет репрезентировать ее эмоции по поводу реакции ее мужа на молодую и красивую девушку. Не имея возможности признаться в своей ревности прямо, она говорит об **отвратительном вечере** и **мерзкой дочери**.

Разговорное существительное **субъект**, данное в качестве перевода стилистически нейтрального существительного **man** (досл. – человек, мужчина) позволяет выразить крайнее презрение и отвращение героини.

'Oh, sorry.' Her face fell. She was silent for a moment then looked up – rather cheekily, he thought – and said: 'Going out with your girl, p'raps?'

“О, как жаль...” – У Поппи вытянулось лицо. С минуты она молчала, потом посмотрела на Тарджиса – довольно нахально, как он отметил про себя, – и сказала: – Наверное, идете на свидание с вашей подружкой?”

В представленном выше контексте ревность главной героини, девушки по имени Поппи Селлерс, репрезентирована посредством прямой речи, а также посредством авторской ремарки.

Героиня пытается пригласить молодого человека по имени Тарджис на свидание, но он отказывается. Свое разочарование персонаж выражает за счет словосочетания **Oh, sorry** (досл. – извините, мне жаль), которое можно принять как извинение за бестактность, и как за выражение огорчения.

Оригинальное **your girl** (досл. – ваша девушка) представляет собой стилистически нейтральную лексему. Однако на русский язык данное выражение переводится как **с вашей подружкой**. Разговорное существительное **подружка** в данном контексте имеет семантику презрения к предполагаемой сопернице и позволяет героине обесценить значимость отношений молодых людей.

Разговорная лексема **p'raps** (сокращенное от **perhaps** – наверное, возможно) выражает попытку Поппи замаскировать свои эмоции, что подтверждается авторскими ремарками, описывающими ее мимику и поведение. Оригинальная фраза **her face fell** (досл. – ее лицо упало) представляет собой выражение, основанное на метафорическом переносе. Она переводится на русский как **у Поппи вытянулось лицо**, что позволяет репрезентировать эмоции девушки посредством описания ее мимики.

Поведение девушки, описанное в рассматриваемом контексте, также указывает на попытку замаскировать свои эмоции. Разговорному наречию **cheekily** соответствует русская разговорная лексема **нахально**.

... then her father had returned, Christmas came and the two of them had gone to Paris, leaving Turgis to imagine, with a vividness and force that brought a curious mingling of pain and pleasure, a host of scenes in which Lena went smiling in the arms of rich and handsome Frenchmen and Americans.

... А там вернулся мистер Голсу, наступило Рождество, и отец с дочерью укатили в Париж, предоставив Тарджису рисовать себе (с яркостью, вызывавшей в его душе странную смесь муки и наслаждения) улыбающуюся Лину в объятиях богатых и красивых французов и американцев.

Представленный выше контекст представляет собой авторское описание чувств молодого человека по имени Тарджис, безответно влюбленного в девушку по имени Лина.

Рассматриваемый контекст иллюстрирует стереотипное представление молодого человека о Париже как о городе, где все счастливы и беззаботны, и об иностранцах, французах и американцах, которые все непременно богаты и красивы (**rich and handsome**), о Рождестве как о времени, когда веселятся все, кроме него. Персонаж приписывает иностранному городу и иностранцам недоступные ему самому качества.

В переводящем контексте эмоции персонажа переданы за счет применения разговорного **укатили** вместо стилистически нейтрального **had gone** (досл. – уехали), за счет использования книжной лексемы **мука** в качестве перевода менее эмоционально окрашенной лексемы **pain** (досл. – боль), а также книжного существительного **объятия**, переводящего стилистически нейтральное существительное **arms** (досл. – руки).

Семантико-стилистический анализ оригинальных и переводящих контекстов позволяет сделать ряд выводов.

1. Нелицеприятное чувство ревности, которое обычно принято скрывать, реализовано в рассматриваемом произведении посредством прямой речи персонажей, за счет авторских ремарок, а также с помощью непосредственного авторского описания эмоций героев. Данное чувство практически никогда не называется прямо.

2. Репрезентация скрытых чувств персонажей произведения представляет собой значимую часть их портретного описания. Семантико-стилистическая адекватность реализации данных чувств в переводе значительным образом влияет на интерпретацию переводящего текста реципиентом.

3. Репрезентация чувства ревности в оригинальном тексте романа Дж. Б. Пристли «Улица Ангела» чаще всего осуществляется за счет применения стилистически нейтральных слов и выражений, приобретающих эмоциональную окраску за счет контекста.

4. Репрезентация чувства ревности в переводе данного произведения осуществляется за счет применения стилистически окрашенных слов и выражений. В описаниях часто задействована разговорная и книжная лексика.

Список литературы

1. Арсаханова М.А.Х., Зекиева П.М. К вопросу о лексических средствах выражения эмоциональности в английском языке // *Modern Humanities Success*. 2023. № 12. С. 35 – 38.
2. Х. Йегни, Бобырева Е.В. Приемы достижения адекватности передачи оригинала при переводе рассказов А.П. Чехова на арабский язык // *Modern Humanities Success*. 2023. № 12. С. 11 – 18.
3. Романова, Л. Г. Проблема стилистической репрезентации портрета главного героя англоязычного художественного произведения в переводе на русский язык / Л. Г. Романова, Е. А. Власова, М. П. Козьма // *Успехи гуманитарных наук*. – 2023. – № 4. – С. 39-44. – EDN DGMANW.
4. Романова, Л. Г. Применение русской разговорно-просторечной лексики для передачи эмоций персонажей современной англоязычной прозы в переводе / Л. Г. Романова // *Вестник филологических наук*. – 2023. – Т. 3, № 3. – С. 83-88. – EDN WBSKFI.
5. Романова, Л. Г. Проблема стилистической избыточности в переводе англоязычных художественных текстов (на примере перевода англоязычного рассказа Р. Шекли "The Odour of Thought") / Л. Г. Романова // *Вопросы современной филологии в контексте взаимодействия языков и культур : Материалы V Международной научно-практической конференции, Оренбург, 23 мая 2023 года / Отв. за выпуск Е.А. Стуколова*. – Оренбург: Оренбургский государственный педагогический университет, 2023. – С. 114-117. – EDN LKDIQI.

6. Романова, Л. Г. Проблема реализации субъективной авторской модальности в переводе англоязычного художественного текста / Л. Г. Романова // Успехи гуманитарных наук. – 2021. – № 2. – С. 153-158. – EDN CFNDTQ.
7. Eco, U. The Role of the Reader (Explorations in the semiotics of Texts) / U. Eco. – Bloomington ; London : Indiana Univ. Press, 1979. – 273 p.
8. Gibson, W. Authors, Speakers, Readers and Mock Readers / W. Gibson // Reader-Response Criticism: From Formalism to Post Structuralism / Ed. J. P. Tompkins. – Baltimore ; London : The John Hopkins Univ. Press, 1980. – P. 1-6.
9. Iser, W. The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response / W. Iser. – Baltimore ; London : The John Hopkins Univ. Press, 1978. – 239 p.
10. Prince, G. Introduction to the Study of the Narratee / G. Prince // Reader-Response Criticism: From Formalism to Post Structuralism / Ed. J. P. Tompkins. – Baltimore ; London : The John Hopkins Univ. Press, 1980. – P. 7-25.
11. Romanova, L. G. The problem of stylistic overload in translation of English fiction texts into Russian / L. G. Romanova // Russian Linguistic Bulletin. – 2020. – No. 4(24). – P. 129-131. – DOI 10.18454/RULB.2020.24.4.17. – EDN ZOZKX.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'42

Абрамова У.К. Дискурсивные когнитивные аттракторы в политической речи Маргарет Тэтчер «The Bruges Speech»

Абрамова Ульяна Константиновна

магистрантка кафедры иностранных языков,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
РФ, г. Белгород
1500370@bsu.edu.ru

Discursive cognitive attractors in Margaret Thatcher's political speech (based on M. Thatcher's "The Bruges Speech")

Abramova Ulyana Konstantinovna

Master's Degree student of the Department of Foreign Languages
Belgorod National Research University, Russia, Belgorod

Аннотация. В данной работе рассматривается политический дискурс, его основные особенности и общие характеристики, изложена проблематика взаимодействия политики и общества в рамках разных дискурсов. Проиллюстрированы аргументативные аттракторы, а также перечислены типы дискурсивных аттракторов. В данной статье изложены речевые особенности политических речей Маргарет Тэтчер, свойственные данной политической персоне средства выразительности, а также дискурсивные когнитивные аттракторы, используемые в публичной политической речи «The Bruges Speech». Описаны наиболее частые когнитивные аттракторы в архитектонике политической речи Маргарет Тэтчер «The Bruges Speech». Выявляется, что в данной речи преобладает проксемный аргументативный аттрактор.

Ключевые слова. Политический дискурс, дискурсивные когнитивные аттракторы, когнитивные аттракторы, проксемный аргументативный аттрактор

Abstract. The article studies political discourse, its main features and general characteristics, sets out the issues of interaction between politics and society within different discourses. The work shows argumentative cognitive attractors and discursive cognitive attractors that are used in Margaret Thatcher's "The Bruges Speech". The main cognitive attractors of the speech and its main features are mentioned in the text with examples. It is concluded that the most frequent cognitive attractor in "The Bruges Speech" is proximal argumentative attractor.

Keywords. Political discourse, discursive cognitive attractors, cognitive attractors, proximal argumentative attractor

Введение

Речевые когнитивные аттракторы широко используются в публичных речах политических деятелей. Разнообразные средства выразительности, речевые приемы, образы, которые приводит в пример оратор - все это оказывает огромное влияние на формирование мировоззрения слушателей, их установок и ориентиров.

Проблематика взаимодействия политики и общества в рамках разных дискурсов всегда привлекали внимание ученых. Невозможно рассматривать это взаимодействие без изучения речевых приемов в публичных выступлениях политических деятелей, что обуславливает **актуальность** данной статьи.

Политический дискурс – это «выражение целого комплекса отношений между индивидуумом и социумом, который таким образом оказывает влияние на создание у зрителей и слушателей картины мира» [1, с. 148]. Невозможно переоценить важность вышеупомянутого влияния, так как именно то, что транслирует политический деятель, будет формировать взгляды людей, а впоследствии и мотивацию на какие-либо действия.

Политический дискурс является «определенным видом практической языковой деятельности, который структурирован соответствующими текстами (концептами, понятиями) и обслуживает политические процессы» [1, с. 148]. Именно через слово, хорошо составленный текст, грамотно подобранные речевые приемы будет определяться насколько успешно получилось оказать влияние, сформировать ту ли иную точку зрения, повернуть ориентиры слушателей в определенную сторону [2].

Важно отметить, что ни одну политическую речь, текст, нельзя рассматривать вне понимания контекста, что требует учета исторического, культурного, социального и других аспектов, так как они влияют на восприятие информации и ее трактовку [3].

Политическому дискурсу присущи некоторые характеристики:

- (1) ориентир на массового слушателя;
- (2) важность апеллирования к определенным эмоциям;
- (3) высокая роль СМИ как инструмента формирования образа и отношения аудитории к политическому лидеру;
- (4) театральность выступлений, так как в своем большинстве публика воспринимает информацию именно через СМИ [5].

Анализируя выступления Маргарет Тэтчер, одного из самых ярких английских политиков двадцатого века, мы можем заметить все вышеперечисленные характеристики в ее речах.

Яркость, убедительность политических речей М. Тэтчер достигалась в том числе благодаря обилию в ее текстах речевых когнитивных аттракторов, под которыми мы понимаем некие слова-маркеры, удерживающие внимание слушателя.

В научной статье «Аргументативные аттракторы в дискурсе Д. Трампа» Е. А. Огнева выделила следующие аргументативные аттракторы:

- (1) темпоральный аргументативный аттрактор,
- (2) проксемный аргументативный аттрактор,
- (3) культурологически маркированный аргументативный аттрактор,
- (4) исторически обусловленный аргументативный аттрактор,
- (5) пейзажный аргументативный аттрактор [6].

Типы дискурсивных аттракторов представлены в статье Е.Ф. Серебряковой «Умная настройка» политического французского дискурса (на материале выступлений Ш. Де Голля):

- (1) аттракторы, апеллирующие к национальному коду культуры;
- (2) аттракторы, апеллирующие к национальной идентичности;
- (3) аттракторы, апеллирующие к патриотизму;
- (4) аттракторы, апеллирующие к свободе;
- (5) аттракторы, апеллирующие к чувству единения [7, с. 104].

Далее мы проанализируем наиболее частые дискурсивные речевые аттракторы, которые использует Маргарет Тэтчер в своем выступлении «The Bruges Speech».

Основная часть

Политическая речь «The Bruges Speech» содержит значительное число речевых оборотов, средств выразительности и аргументативных аттракторов. В данной речи можно найти практически все выше перечисленные виды, однако мы приведем примеры самых часто встречающихся аргументативных аттракторов.

Анализируемые номинанты в речи выделены полужирным шрифтом, курсивом и подчеркиванием:

Пример 1. THATCHER:

«Perhaps I should congratulate you on your ***courage***» [8].

«If you believe some of the things said and written about my views on Europe, it must seem rather like inviting ***Genghis Khan*** to speak on the virtues of ***peaceful coexistence!***» [8].

Интересно отметить, что, еще начиная свою речь, Маргарет Тэтчер несколькими фразами создает некий образ о себе, как бы предлагая публике увидеть перед собой Железную леди, свирепого воина, которого можно даже опасаться.

Используя данные культурологически маркированные аргументативные аттракторы: «courage», «Genghis Khan», «peaceful coexistence», М. Тэтчер с самого начала своей речи завоевывает внимание и серьезное отношение публики, так как в двух предложениях за кратчайшее время вызывает набор ярких чувств и эмоций: гордость за свою смелость, страх перед войной, мир и спокойствие. Данный набор чувств понятен для большого количества слушателей и удерживает внимание.

Пример 2. THATCHER:

«***We British*** are as much ***heirs to the legacy of European culture*** as ***any other nation***. Our links to ***the rest of Europe, the continent of Europe***, have been the dominant factor in ***our history***» [8].

«***For three hundred years, we*** were ***part of the Roman Empire*** and ***our maps*** still trace ***the straight lines of the roads the Romans*** built» [8].

«***Our ancestors—Celts, Saxons, Danes—***came from ***the Continent***. And still, today, ***we stand together***» [8].

Данные аргументативные аттракторы относятся одновременно к исторически обусловленным, проксемным, а также являются апеллирующими к национальной идентичности и чувству единения. Такими яркими, смысловыми примерами М. Тэтчер как будто ставит знак равенства между Британией, британцами и Европой, европейцами, что не может не удерживать внимание и не устанавливать некое доверие.

Пример 3. THATCHER:

«Over the centuries ***we have fought*** to prevent Europe from falling ***under the dominance*** of a single ***power***» [8].

«We ***have fought*** and we ***have died*** for her ***freedom***» [8].

«Only miles from here, in Belgium, lie the bodies of 120,000 British ***soldiers*** who ***died*** in ***the First World War***» [8].

«Had it not been for that willingness ***to fight and to die***, Europe would have been united long before now—but not in ***liberty***, not in ***justice***» [8].

«It was British support to ***resistance movements*** throughout the last ***War*** that helped to ***keep alive the flame of liberty*** in so many countries until the day of ***liberation***» [8].

«And it was from our island fortress that ***the liberation*** of Europe itself was mounted» [8].

В речи мы обнаружили большое количество дискурсивных аттракторов, апеллирующих к свободе, страху перед разрушением войн. Также упоминания конкретных войн можно отнести к исторически обусловленным аргументативным аттракторам.

Пример 4. THATCHER

«That is not to say that our future lies only in ***Europe***, but nor does that of ***France*** or ***Spain*** or, indeed, of any other member» [8].

«But the whole history of ***America*** is quite different from ***Europe***» [8].

«This autumn, ***Britain*** is issuing ecu-denominated Treasury bills and hopes to see other Community governments increasingly do the same» [8].

«NATO and the Western European Union have long recognised where the problems of ***Europe's*** defence lie, and have pointed out the solutions» [8].

Самым частым аттрактором в данном выступлении М. Тэтчер является проксемный аргументативный аттрактор. Можно предположить, что именно он наполняет речь конкретными примерами, четкими указаниями на определенные страны и города, что позволяет воспринимать ее как более серьезную, компетентную и аргументированную.

Выводы

Можно утверждать, что в речи Маргарет Тэтчер «The Bruges Speech» выявлены разнообразные аргументативные аттракторы: культурологически маркированные аттракторы, исторически обусловленные аттракторы, проксемные аттракторы, апеллирующие к национальной идентичности и чувству единения. Однако самый часто встречающийся аттрактор в данном тексте – это проксемный аргументативный аттрактор.

Выявленная специфика построения речи «The Bruges Speech» определяет причины убедительности политика, степень эмоционального наполнения речи, которая привлекает, удерживает внимание слушателей и является ярким примером успешной речи политического деятеля.

Список литературы

1. Никулина Д.Е. Политический дискурс как объект лингвистического исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 9. – С. 147-149.
2. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: Учебное пособие [Электронный ресурс:]. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/777> (дата обращения: 28.11.2023)
3. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса [Электронный ресурс:]. // Файловый архив. URL: <https://studfile.net/preview/4584817/> (дата обращения: 15.10.2023)
4. Огнева Е.А. Аргументативные аттракторы в дискурсе Д. Трампа (на материале триумфальной речи по случаю победы на президентских выборах) // Филологический аспект. – 2018. – № 12 (44). [Электронный ресурс:]. Режим доступа: <http://scipress.ru/philology/articles/argumentativnye-atraktory-v-diskurse-d-trampa-na-materiale-triumfalnoj-rechi-po-sluchayu-pobedy-na-prezidentskikh-vyborakh.html> (дата обращения: 25.11.2023)
5. Серебренникова Е.Ф. «Умная настройка» политического французского дискурса (на материале выступлений Ш. Де Голля) // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2018. – № 1. – С. 100-105.
6. Margaret Thatcher. Speech to the College of Europe [Электронный ресурс:]. // Margaret Thatcher Foundation. URL: <https://www.margaretthatcher.org/document/107332> (дата обращения: 27.10.2023)

УДК 811.111

Двойнина Е. В. Использование стратегий и тактик политического дискурса в дискурсе СМИ (на материале англоязычного издания «The Global Times»)

Двойнина Екатерина Владимировна

канд. филол. наук, доцент кафедры языковой подготовки кадров государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы
г. Москва, РФ
dvoynina@mail.ru

The use of political discourse strategies and tactics in the media discourse (based on the material of the English-language edition of «The Global Times»)

Dvoynina Ekaterina Vladimirovna

Cand. Sci. (Philology.), Associate professor of Department of the Language training of public administration staff, Russian Academy of National Economy and Public Service
Russia, Moscow

Аннотация. В данной статье рассматривается возможность использования стратегий и тактик политического дискурса в дискурсе СМИ. Актуальность исследования обусловлена слабой изученностью взаимного влияния разных типов дискурса друг на друга. Научная новизна состоит в том, что впервые исследуется возможность использования тактик и стратегий политического дискурса в дискурсе СМИ. Целью статьи является изучение возможности использования данных тактик и стратегий для формирования образа геополитического оппонента. Поставлены задачи рассмотреть примеры использования тактик и стратегий политического дискурса в дискурсе СМИ, выявить и определить конкретные тактики и стратегии. В ходе исследования выделяются и рассматриваются тактики и стратегии политического дискурса, задействованные участниками дискурса СМИ, анализируются особенности их использования. На основании анализа сделаны выводы о тактических и стратегических предпочтениях англоязычного издания «The Global Times» и об эффективности их применения. Теоретическая значимость работы состоит в том, что она вносит определенный вклад в разработанность теории дискурса. Практическая значимость исследования заключается в том, что данный материал может использоваться в курсах по общему языкознанию, лингвистике текста и теории дискурса, социолингвистике и стилистике.

Ключевые слова: дискурс, масс-медиаальный дискурс, стратегия, тактика

Abstract. This article examines the possibility of using strategies and tactics of political discourse in the media discourse. The relevance of the study is due to the weak knowledge of the mutual influence of different types of discourse on each other. The scientific novelty lies in the fact that for the first time the possibility of using tactics and strategies of political discourse in the media discourse is being investigated. The purpose of the article is to explore the possibility of using these tactics and strategies to form an image of a geopolitical opponent. The tasks are set to consider examples of the use of tactics and strategies of political discourse in the media discourse, to identify and define specific tactics and strategies. In the course of the study, the tactics and strategies of political discourse involved by participants in the media discourse are highlighted and considered, and the features of their use are analyzed. Based on the analysis, conclusions are drawn about the

tactical and strategic preferences of the English-language edition of The Global Times and about the effectiveness of their application. Theoretical significance of the work lies in the fact that it makes a certain contribution to the development of the theory of discourse. Practical significance of the research lies in the fact that this material can be used in courses on general linguistics, linguistics of text and theory of discourse, sociolinguistics and stylistics.

Keywords: discourse, mass-media discourse, strategy, tactics

Современное общество невозможно представить без средств массовой информации. В традиционной или цифровой форме, используя тщательно подобранные речевые единицы, воздействуя на восприятие аудитории они выступают лидерами мнений, устанавливают нормы поведения, формируют мировоззрение и систему ценностей. Изучением воздействия СМИ посвящены исследования не только в области лингвистики, но и политологии, социологии, психологии и многих других.

Невозможно отрицать и ту роль, которую СМИ играют в освещении политической ситуации на местном, национальном и международном уровне. Использование языков международного общения позволяет транслировать свое видение и оценку ситуации и воздействовать на восприятие максимально широкой аудитории. Именно возможность безграничного воздействия делает актуальными исследования в сфере дискурса СМИ и данной работы, в частности.

Понятие «дискурс», помимо лингвистики, входит в сферу интересов целого ряда гуманитарных наук, в том числе антропологии, литературоведения, семиотики, социологии, философии и этнологии. Многочисленность исследований отечественных и зарубежных авторов, посвященных определению, специфике и другим аспектам этого понятия показывает его многозначность, многофункциональность, динамичность и многоаспектность [1; 2; 3; 4 и др.]. Этим объясняется как разнообразие определений дискурса, так и подходы к его изучению. Особое внимание уделяется исследованию институционального дискурса [2; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11 и др.].

Особое место среди типов институционального дискурса занимает дискурс СМИ или масс—медиаальный дискурс, основной целью которого является оказание дифференцированного воздействия на массового адресата путем информирования и одновременного оценивания предоставляемой информации. Изучение дискурса СМИ в определенный момент времени позволяет получить информацию о системе ценностей, картине мира, социальном и культурном состоянии отдельно взятого социума,

Масс-медиа́льным дискурсом, вслед за М.Р. Желтухиной, мы называем «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте, представляющий собой действие, участвующий в социокультурном взаимодействии и отражающий механизм сознания коммуникантов» [12, с. 154].

Фактор массовости в направленности текстов масс—медиа способствует реализации целого ряда функций. Суммируя функции, названные в исследованиях других авторов, можно назвать: познавательную (информационную, образовательную, утилитарную, инновационную); регулятивную (консолидационную; интеграционную; оценочную, аксиологическую, воздействующую); нравственно—воспитательную (культурную, социализации, превентивную); гедонистическую (рекреативную, эстетическую, гармонизирующую).

Следует отметить, что, стремясь к эффективному выполнению функций, в ряде случаев дискурс СМИ, особенно когда речь идет о изданиях, нацеленных и на национальную, и на интернациональную аудиторию, сближается с политическим дискурсом. Как и политическому, дискурсу СМИ присущи персуазивная направленность и манипулятивный потенциал.

Следовательно, мы можем предположить, что поскольку перед международными СМИ-изданиями стоят задачи, сходные с задачами политического дискурса (максимально повысить значимость статуса своей страны, понизить значимость статуса геополитического противника, убедить массового адресата в правильности своей позиции, своей оценки ситуации, своего мировоззрения и пр. и в некомпетентности своего оппонента, ошибочности его точки зрения и т.д.), мы сможем увидеть использование стратегий (плана оптимальной реализации коммуникативных намерений, учитывающего объективные и субъективные факторы и условия [11]), характерных для политического дискурса: стратегии на понижение, на повышение и театральности [13] в дискурсе СМИ.

Поскольку речь идет о создании образа геополитического противника, мы хотим определить стратегические и тактические предпочтения китайской газеты на английском языке «Global Times» в конкретной коммуникативной ситуации: формирование имиджа США. Тактикой мы будем называть конкретный этап реализации коммуникативной стратегии, определяемый интенцией говорящего, эксплицированной совокупностью приемов, обуславливающих применение языковых средств [11].

Выбор заголовка сообщений в качестве объекта исследования обусловлен тем, что заголовок играет особую роль в дискурсе СМИ. В эпоху повсеместного распространения интернет-технологий и ускорения ритма жизни из обязательного яркого начала статьи и устного сообщения он превратился в «потенциально свернутый знак» [14], «концепт, один из основных структурных элементов текста» [15], максимально информативную часть устного или письменного сообщения, с которого начинается и, часто, заканчивается ознакомление читателя или слушателя с текстом. Следовательно, заголовок должен обладать максимальным аттрактивным, воздействующим и аксиологическим потенциалом, для реализации которых необходим тщательный отбор лексических, синтаксических и других средств.

Более того, авторам сообщений необходимо учитывать, что современное общество негативно относится к таким понятиям, как «пропаганда» и «манипуляция сознанием», поэтому, воздействуя на восприятие аудитории, транслируя ей ту или иную оценку событий, лиц, явлений, адресантам приходится пользоваться изощренными средствами и методами воздействия. Когда речь идет о создании образа геополитического оппонента на одном из языков международного общения, воздействие должно быть максимально искусным. Именно этим обусловлен выбор китайской газеты на английском языке «Global Times» в качестве материала исследования.

Отношения между США и Китаем являются, возможно, одними из самых важных двусторонних отношений в мире. С одной стороны, страны являются главными торговыми партнерами друг друга, с другой - они противостоят друг другу во многих других сферах. США открыто называют Китай своим главным политическим противником, обвиняют его в нечестной конкуренции и распространении COVID-19, придерживаются провокационной политики в отношении Тайваня и пр. И заголовки «Global Times» отражает противоречия в отношениях двух стран.

Когда речь идет об экономическом сотрудничестве, заголовки издания содержат примеры тактики анализ-«плюс» (стратегия на повышение). Она позволяет фокусировать внимание аудитории на компетентности и профессионализме США как основного торгового партнера Китая, формируя положительный образ этой страны и оказывая положительное воздействия на восприятие аудитории: «**China, US hold 'pragmatic' financial talks at start of 2024, stabilizing expectations for businesses, world**» (Китай и США проведут 'прагматичные' финансовые переговоры в начале 2024 года, стабилизируя ожидания бизнеса (мировые новости)).

Кавычки, в данном случае, это цитата из текста официального документа. Автор стремится показать максимальную объективность, используя только «официальные» эпитеты. Обращает на себя внимание тот факт, что данный заголовок помещен в раздел «мировые новости», что говорит о том, что стабильность и развитие отношений с США Китай считает важными и для своей экономики, и для всего мира.

Нельзя не отметить, однако, что все эти примеры относятся только к экономическим новостям и носят единичный характер: **US official delegation to attend China's import fair for first time, latest sign of stabilizing ties** (Официальная делегация США впервые посетит китайскую ярмарку – еще один признак стабилизации связей).

Отметим также, что в обоих заголовках использована сема с сильной положительной коннотацией «стабильность».

Авторы сообщений не подвергают сомнению авторитет американских партнеров, когда они способствуют повышению авторитета самого Китая: **«American scholars' fair words on BRI thought-provoking: Global Times editorial»** (Справедливые слова американских ученых о проекте «один пояс- один путь», заставляют задуматься: редакционная статья Global Times).

Во всех остальных случаях мы имеем дело с антиподом тактики анализ-«плюс» (целью которой является создание положительного образа предмета или явления) – тактикой анализ- «минус».

В отличие от своего оппонента, Китай не называет США своим противником напрямую, однако нельзя не отметить тот факт, что ни один шаг США в военной, политической и дипломатической сфере не остается без внимания в Китае. Более того, на страницах «Global Times» за исследованный период не были опубликованы статьи, посвященные освящению событий в США в других сферах, хотя в издании есть подобные рубрики. С помощью тактики анализ-«минус» методично и последовательно создается негативный имидж страны, считающей себя гегемоном, но погрязшей в ментальности холодной войны, раздувающей конфликты и препятствующей плодотворному взаимодействию: **«Increasing US close-in drone recons on China 'add complexity in military interactions'»** (Увеличение количества разведывательных беспилотников США вблизи Китая "усложняет военное взаимодействие"); **«Pentagon hyping of 'decisive year' in 'Indo-Pacific' exposes military hegemony, Cold War mentality toward China»** (Раздувание Пентагоном подхода "решающего года" в "Индо-Тихоокеанском регионе" разоблачает военную гегемонию, менталитет холодной войны по отношению к Китаю).

Неумелая эгоцентричная политика США называется в качестве основной причины нарушения стабильности в отношениях двух стран: **«China-US ties to remain bumpy in 2024 as Washington maintains US-centric, hegemonic foreign policy»** (Китайско-американские связи останутся неустойчивыми в 2024 году, поскольку Вашингтон проводит ориентированную на США гегемонистскую внешнюю политику).

Примечательно, что и в данном случае авторы указывают, что действия угрожают не локально Китаю, а всему миру: **«US, UK militaries owe \$111 bln in climate compensation, continue expanding toxic footprint worldwide: study shows. Elephant in the room»** (Исследование показывает: военные США и Великобритании задолжали 111 миллиардов долларов в качестве компенсации за изменение климата, продолжая расширять свой токсичный след по всему миру. Слон в комнате)».

Последняя фраза «Elephant in the room» (обстоятельство или предмет настолько важной величины, что не обратить на него внимание было бы глупо, когда предмет под носом, но его никто не видит) это и упрек мировому сообществу, и указание на то, что никакие действия США и их союзников не остаются незамеченными в Китае: **«As pawn in US' China strategy, NATO keeps pushing expansion boundaries»** (Являясь пешкой в китайской стратегии США, НАТО продолжает расширять свои границы). В данном примере мы видим, как использование метафоры с яркой отрицательной коннотацией «pawn» (пешка) одновременно и создает отрицательный образ НАТО, подрывая ее авторитет, и демонстрирует решительность и смелость Китая защищать свои интересы.

Особенно жесткой критике подвергается политика США в отношении Тайваня: **«US' manipulating politics in Taiwan to face restraints, counteracts: expert»** (Манипулятивная политика США на Тайване, столкнется с подавлением и противодействием: эксперт).

Через призму тайваньской проблемы США представлены уже как ненадежный партнер: **«GT Voice: Chip 'dream' in US proves elusive for Taiwan's TSMC»** (Мнение Global Times: «Мечта» США о чипах оказалась недостижимой для тайваньской компании «TSMC»).

Политика США представлена пагубной не только в отношении Китая, но и многих других стран. Особый акцент всегда делается на некомпетентности США и их союзников, тщетность и неумелость попыток: **«US reproach of Nauru's decision futile, can't change cross-Straits power dynamics»** (Упреки США в решении

Науру бесполезны, они не могут изменить динамику сил по ту сторону пролива)»; **US-led coalition in the Red Sea only 'band-aid solution'; an immediate cease-fire in urgent need to avoid spillovers** (Коалиция во главе с США в Красном море - только "временное решение"; немедленное прекращение огня крайне необходимо, чтобы избежать побочных эффектов).

Нельзя не заметить, что вместо семы «стабильность», мы фиксируем «тщетность, недостижимость» и «краткосрочность». Агрессивный характер политики США подчеркивают семы «экспансия» и «манипуляция».

Исследованный материал показал, что, формируя имидж своего политического оппонента в восприятии аудитории, авторы сообщений не используют другие тактики стратегии на понижение. Они предпочитают не обвинять или обличать, а подрывать авторитет США в восприятии реципиентов при помощи анализа и отрицательной оценки их действий. Тем более, что этот прием позволяет объединить тактику анализ-«минус» с тактикой неявной самопрезентации: **«If US can clear way for 'cease-fire in Gaza', Red Sea problem would be solved»** (Если США смогут не препятствовать «прекращению огня в Газе», проблема Красного моря будет решена); **«If US can clear way for humanitarian aid to Gaza, 'joint patrol would not be necessary'»** (Если США смогут не препятствовать доставке гуманитарной помощи в Газу, в «совместном патрулировании» не будет необходимости).

Здесь авторы сообщений связывают образ США с семой «мешать, препятствовать». Китай, напротив, выступает в качестве эксперта, которому известен и источник проблемы, и способ ее решения.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, авторы сообщений «The Global Times» при формировании в восприятии пользователей имиджа геополитического оппонента используют тактики и стратегии, характерные для политического дискурса.

Во-вторых, самыми частотными являются тактики анализ-«минус» (стратегия на понижение) и анализ-«плюс» (стратегия на повышение).

В-третьих, тактика анализ-«минус» используется для формирования отрицательного имиджа США, а тактика анализ-«плюс» используется для формирования положительного образа.

В-четвертых, такой выбор тактик является эффективным, отвечает интересам издания и позволяет создавать положительный имидж Китая. Адресант

позиционирует свою страну в качестве эксперта, а издание «The Global Times» выступает как источник объективной информации.

В-пятых, авторы сообщений не используют тактики стратегии театральности. Это также можно объяснить стремлением придать объективность предоставляемой информации и отсутствием прямого контакта с реципиентом.

Таким образом, совершенно очевидны тактические предпочтения авторов издания «The Global Times». Необходимо отметить, что такой выбор тактик является, на наш взгляд, обоснованным и эффективным. Он позволяет изданию создавать впечатление объективности предоставляемой информации, подчеркивая как положительные, так и отрицательные стороны политики США, избегая обвинений в создании однобокой картины реальности и в манипулировании восприятием реципиентов.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Теория метафоры. М., 1990. С. 5-32
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 389 с.
3. Матыцина М.С., Прохорова О.Н., Чекулай И.В. Конструирование образа иммигранта в медиадискурсе: специфика дискурсивных стратегий (на примере группы в социальной сети Facebook и статей в британском издании The Daily Mail)// Дискурс профессиональной коммуникации, 2020. Т.2. №3. С. 23-
4. Шнякина Н.Ю., Клёстер А.М. Прагматические основания утилитарной оценки в немецком инженерном дискурсе/// Дискурс профессиональной коммуникации. 2023.Т.5. №4. С. 11-26
5. Акимцева Ю.В. Концептуальная метафора как способ формирования стереотипных образов в англоязычном медийном дискурсе. Дискурс профессиональной коммуникации, 2020. Т.2. №3. 2020. С. 45-64
6. Буланов В.В. Воля к субъектности в контексте медицинского дискурса //Медицинский дискурс: вопросы теории и практики: материалы 8—й междунар. науч.-практ. и образоват. конф., 9 апреля 2020 г. Твер. гос. мед. ун-т; под общ. ред. Е. В. Виноградовой. Тверь: Ред.-изд. Центр Твер. гос. мед. ун-та, 2020. С. 105-108
7. Бушев А.Б. Теория рамок анализа дискурса (на материале современного экологического дискурса) //Современный дискурс-анализ, 2020. Вып. 2 (20). Ч.1. С. 60-65
8. Дмитриевский А.Л. Категория научно-методологического поля медиа исследований// Современный дискурс-анализ, 2020. Вып. 2 (20). Ч.1. С. 12-26
9. Понятие и характеристика масс—медиаального дискурса. Режим доступа: <https://studentopedia.ru/literatura/ponyatie-i-harakteristika-mass-medialnogo-diskursa-mesto-mass-medialnogo-diskursa-v-sovremennoj.html> (Дата обращения 18.01.2024).
10. Сосунова Г.А. Фразеологический предлог *afin de* в таможенном дискурсе (на примере текстов франкоязычной таможенной прессы)» // Russian Journal of Linguistics. М., 2020.Т. 24. № 1. С. 158-175.

11. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. Москва : Гнозис, 2004 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова). 324 с.
12. Желтухина. М.Р. Политический и масс-медиаальный дискурсы: воздействие — восприятие – интерпретация //Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.:МАКС Пресс, 2003. Вып. 23. 124 с.
13. Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком. 2009. 256 с.
14. Белова Ю. А. Смысл газетного заголовка: трудности интерпретации// Вестник Башкирского университета, 2013. Т. 18. №3. С. 794-796
15. Сосунова Г.А. Заголовок как концепт текста французской таможенной прессы // Вестник МГОУ. Сер.: Лингвистика. М.: Изд-во МГОУ, 2016. № 3. С. 126–132.

Список источников

<https://www.globaltimes.cn/page/202401/1305581.shtml>
<https://www.globaltimes.cn/page/202401/1305803.shtml>
<https://www.globaltimes.cn/page/202401/1305810.shtml>
<https://www.globaltimes.cn/page/202401/1305808.shtml>
<https://www.globaltimes.cn/page/202401/1305587.shtml>
<https://www.globaltimes.cn/page/202401/1305814.shtml>
<https://www.globaltimes.cn/page/202401/1305792.shtml>
<https://www.globaltimes.cn/page/202401/1305734.shtml>
<https://www.globaltimes.cn/page/202401/1304997.shtml>
<https://www.globaltimes.cn/page/202311/1301103.shtml>
<https://www.globaltimes.cn/page/202401/1305800.shtml>

УДК 811.11-112

**Лохов С.Н., Комарова Л.Л. Эмотиконы и знаки препинания:
сочетание графем и последовательность их расположения в тексте**

Лохов Сергей Николаевич

старший преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания
Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
sn-2811@yandex.ru

Комарова Людмила Леонидовна

студент, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия
spsc51@yandex.ru

**Emoticons and punctuation marks: the combination of graphemes and the
sequence of their location in the text**

Lokhov Sergey Nikolayevich

senior lecturer, Department of Russian Language and General Linguistics
Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Komarova Ludmila Leonidovna

student, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Аннотация. Работа посвящена исследованию правил функционирования эмотиконов в тексте. Актуальность обусловлена необходимостью заполнить лакуны при изучении грамматической системы русского языка и определена потребностью представить логически и системно обоснованные правила употребления эмотиконов в тексте в сочетании с буквенными графемами и разделительными знаками препинания. Теоретическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты вносят вклад в решение актуальных проблем языкознания, которые связаны с изучением функциональных, коммуникативных, прагматических и стилистических аспектов современной речи. Изучен генезис эмотиконов (текстовые – рисованные – анимированные) и выявлены причины трансформации их внешнего облика. Зафиксировано расширение сферы употребления эмотиконов. Впервые описаны правила употребления эмотиконов в сочетании с запятой. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в ходе преподавания теории коммуникации, пунктуации, социолингвистики, графики и т.д.

Ключевые слова: эмотиконы; знаки препинания; запятая; пунктуация; графика.

Abstract. The work is devoted to the study of the rules of functioning of emoticons in the text. The relevance of the research is due to the need to fill in the gaps in the study of the grammatical system of the Russian language and is determined by the need to present logically and systemically sound rules for the use of emoticons in the text in combination with alphabetic graphemes and punctuation marks. The theoretical significance of the work lies in the fact that the obtained results contribute to solving topical problems of linguistics, which are associated with the study of functional, communicative, pragmatic and stylistic

aspects of modern speech. The genesis of emoticons (text – drawn – animated) has been studied and the reasons for the transformation of their appearance have been revealed. The expansion of the sphere of use of emoticons has been recorded. For the first time, the rules of using emoticons in combination with a comma are described. The practical significance of the research lies in the fact that the results obtained can be used in the teaching of communication theory, punctuation, sociolinguistics, graphics, etc.

Keywords: emoticons; punctuation marks; comma; punctuation; graphics.

В современной письменной практике в связи с общей «цифровизацией» общества, а также с отдельными психологически обусловленными причинами всё чаще встречаются символы, которые помогают пишущим выразить свои эмоции. Если ранее для этой цели использовались знаки препинания (вопросительный и восклицательный знаки, многоточие, кавычки как сигнал переносного или ироничного употребления слова и т.д.), то сейчас носителю языка не всегда достаточно только пунктуационных графем для полноценного выражения своих эмоций на письме, поэтому он активно начинает применять другие типы небуквенных знаков, в частности, **ЭМОТИКОНЫ** (англ. *emoticon* ← *emotion icon* – ‘иконка с эмоцией’) – «символ, состоящий из последовательности знаков письма (букв, цифр, знаков пунктуации и т.д.), обозначающий какое-либо понятие или эмоциональное отношение в письменной речи» [1, с. 128].

Эмотиконы существуют в границах предложения и поэтому непосредственно сопутствуют как словам, так и знакам препинания. Если первоначально эмотиконы использовались для коммуникации в сети Интернет или посредством sms-сообщений, то сейчас они значительно расширили сферу употребления и фиксируются в городском письме (вывески, баннеры, щитовая реклама), в интернет-СМИ и даже в некоторых печатных изданиях.

При этом эмотиконы представляют собой малоизученную область русской графики, а отсутствие общепринятых правил по совместному употреблению эмотиконов с другими графемами приводит к хаотичной расстановке знаков и широкой вариативности использования единиц. Таким образом, актуальность исследования определяется назревшей необходимостью представить логически и системно обоснованные правила употребления эмотиконов в тексте в сочетании с буквенными графемами и знаками препинания.

В ходе работы установлено, что в письменной практике 1-й четверти XXI века встречаются три типа эмотиконов, отражающие генезис формальной стороны небуквенного знака (см., например, [2, с. 15]):

1) *текстовые эмодзи* – комбинация пунктуационных знаков и других небуквенных графем, а также букв алфавита, как правило, латинского: :-) (радость, улыбка), :((грусть), :-E (злоба) и др.;

2) *рисованные эмодзи* (эмодзи) – рисунки, дающие информацию об эмоции и не требующие последовательного набора пунктуационных и иных знаков: ☺ (радость, улыбка), ☹ (грусть) и др.;

3) *анимированные эмодзи* – изображения, представляющие собой сложные коды, при правильном написании которых пользователь запускает анимацию: например, моргание прямо смотрящих глаз (= радость, улыбка), код анимации [img]https://reklama-no.ru/smiles/upset.gif[/img].

Установлено, что трансформация внешнего облика эмодзи неотрывно связана с общей психологией человека как личности, а также с технологическим развитием общества.

Во-первых, в связи с тенденцией к экономии речевых усилий текстовые эмодзи видоизменились и стали употребляться в сокращённом виде (редуцированные эмодзи): :-) =>) (улыбка), :(=> ((грусть) и др.

Во-вторых, инвентарь текстовых эмодзи пополнялся, поэтому большое количество разнообразных комбинаций знаков естественно привело человечество к упрощённому варианту передачи эмоций при помощи рисованных эмодзи. Данному процессу немало способствовала «цифровизация» современного письма, а именно выдвигание на первый план электронных форм коммуникации.

По этой причине на первое место вышли рисованные эмодзи, которые являются иконическими знаками и не требуют от пишущего запоминания определённых комбинаций разного типа знаков (в отличие от текстовых эмодзи) или специальных технических навыков (в отличие от анимированных эмодзи).

Эмодзи – единица, только начинающая проникать в письменную форму существования русского литературного языка, следовательно, сочетание его со знаками препинания не регламентируется правилами правописания. Так, «Правила русской орфографии и пунктуации» под редакцией В. В. Лопатина описывают условия употребления лишь таких небуквенных знаков, как дефис, косая черта, апостроф и ударение, и содержат требования к сочетанию знаков препинания и последовательности их расположения в тексте [3, с. 97–100, 276–280]. В «Справочнике издателя и автора» А. Э. Мильчина и Л. К. Чельцовой критерии графического оформления текста с эмодзи также не указаны.

Однако в связи с расширением сферы применения эмодиконов всё более актуальным становится вопрос о принципах их сочетания с пунктуационными знаками.

В работе М. Р. Нашхоевой «Взаимодействие пунктуационных знаков и эмодиконов в текстах форумов» представлен такой подход к решению обозначенной проблемы: «Постановка смайликов часто совпадает с постановкой пунктуационных знаков, так как они маркируют относительно законченные по смыслу фрагменты»; «смайлы могут занимать позицию до или после знака препинания или пунктуационного комплекса, а также вместо него» [4, с. 324].

Другие исследователи предлагают конкретные рекомендации по оформлению сочетания эмодикона и знака препинания. Так, в «Ководстве» (проект Артемия Лебедева) указаны следующие критерии: «Смайлик отбивается от слова пробелом. Если после смайлика идёт знак препинания, он пробелом не отбивается. Точка после смайлика обычно не ставится. Смайллик может быть совмещен с обычной закрывающей скобкой (при условии, что она где-то открылась :-))» [5].

М. Ильяхов также является сторонником отделения эмодикона пробелом от предшествующего знака, однако категоричен в отношении комбинации точки и эмодикона: «после смайлика в конце предложения точка не ставится» [6]. Кроме того, в статье описана встреча графемы с другими конечными знаками препинания: «если нужен вопросительный или восклицательный знак – ставим смайлик после» [6].

Итак, веб-дизайнеры и редакторы предлагают следующие рекомендации по употреблению эмодиконов в тексте: 1) отделяются пробелом от предшествующего знака; 2) заменяют точку в конце предложения; 3) не исключают из предложения вопросительный или восклицательный знаки.

Научных исследований, в которых вопрос о правилах пунктуационного оформления текста с эмодиконами рассматривается подробно, нами не зафиксировано. Единственная работа, описывающая тенденции и закономерности по графическому оформлению встречи эмодикона и знака препинания, – это статья Михаила Боде «Смайлики в тылу пунктуации», размещённая на сайте онлайн-проекта «ГЗОМ»:

1) эмодикон отбивается пробелом от любого знака, поскольку является пиктографической единицей; кроме того, «будучи сочетанием типографских знаков, по большей части знаков препинания, смайлик, поставленный вплотную к точке или, например, восклицательному знаку, волей-неволей ассимилирует его» [7];

2) эмотикон заменяет точку, так как его наличие противоречит повествовательной интонации;

3) эмотикон ставится через пробел после многоточия, вопросительного и восклицательного знаков, так как относится ко всей фразе с её базовыми интонационными характеристиками.

Предложенные М. Боде рекомендации по употреблению пунктуационных знаков с текстовыми эмотиконами могут быть применены к рисованным (и при необходимости – к анимированным), поскольку текстовые и рисованные эмотиконы – это своеобразные графические синонимы: если ранее пишущий набирал на клавиатуре комбинацию знаков :-)) для выражения эмоции радости, то сейчас он видит требуемый символ в ряду рисованных знаков, предложенных графическим редактором телефона, а компьютерная программа Microsoft Word автоматически заменяет комбинацию :-)) на соответствующий эмотикон 😊.

Упорядочив и осмыслив предложенные Михаилом Боде рекомендации, можно утверждать, что носители языка, использующие эмотиконы, должны соблюдать следующие правила:

1) эмотикон заменяет точку и отделяется пробелом от последнего слова предложения;

2) эмотикон следует за восклицательным знаком, вопросительным знаком или многоточием и отделяется от них пробелом.

В ходе написания в 2021 г. ВКР Л.Л. Комарова проанализировала материалы форумов «Как я сообщила мужу о беременности», «Свадьба от А до Я» и «Эмоциональное насилие», из 1500 сообщений которых 959 записей (64 %) содержат не только эмотиконы, но и комбинации эмотиконов и знаков препинания. Выявлены следующие закономерности по употреблению пользователями форумов эмотиконов в финали предложения:

а) заменяют точку (84 %) и отделяются пробелом от последнего слова фразы (63 %);

б) следуют за многоточием и отделяются от него пробелом (86 %);

в) следуют за восклицательным знаком и отделяются от него пробелом (73 %);

г) следуют за вопросительным знаком и отделяются от него пробелом (70 %).

Зафиксированные результаты, отражающие реальность использования носителями языка эмотиконов, подтвердили актуальность и правомерность описанных рекомендаций по оформлению сочетания эмотиконов и разделительных конечных знаков препинания.

Письменная практика 1-й четверти XXI века демонстрирует не только расширение сферы функционирования эмотиконов, но и изменение их места в синтаксической единице, а именно проникновение из финали в интерпозицию предложения. Анализ текстов форумов позволил зафиксировать 37 сообщений, в которых эмотиконы употреблены в том месте предикативной единицы, где стоит или должен стоять такой разделительный знак середины предложения, как **запятая**.

В примерах наблюдаются разные способы употребления эмотиконов:

а) в 57 % случаев эмотиконы заменяют запятую (8 рисованных и 13 текстовых эмотиконов);

б) в 43 % сообщений зафиксировано сочетание эмотикона и запятой, причём в 13 примерах (81 %) эмотикон предшествует знаку препинания.

Употребление эмотиконов в сочетании с разделительными знаками середины предложения (в частности, запятой) или вместо них не описано в современной лингвистической литературе, то есть не регламентируется правилами и нормами. В связи с этим с учётом закономерностей и правил функционирования графической и пунктуационной системы русского языка впервые предлагаем следующие рекомендации по употреблению эмотиконов в сочетании с запятой:

а) **эмотикон отделяется пробелом от предшествующего слова**, поскольку не может употребляться безотрывно от буквенных графем;

б) **эмотикон не поглощает запятую**, так как выступает в предложении только в роли показателя дополнительного содержания сообщения и не может брать на себя функции знака препинания либо влиять на запятую с её основной задачей разделения частей предложения (ср.: «Суть в том, что мы не можем однозначно интерпретировать смайлик ни как знак препинания, ни как показатель эмоций – нормы не существует. Что имел ввиду автор (с какой интонацией он произносил про себя эту фразу), мы точно не знаем, и каждый волен интерпретировать это по-своему» [8]);

в) **место эмотикона перед запятой**: эмотикон – это финальный компонент части высказывания, закрепляющий эмоциональное отношение автора к передаваемой информации, поэтому запятая, отделяя или связывая части предложения, употребляется после эмотикона как после последнего компонента целостной содержательной части со всеми её эмоциональными характеристиками;

г) **эмотикон не отделяется пробелом от запятой**, поскольку русская пунктуация запрещает отрывать разделительные знаки середины предложения от предшествующего знака вне зависимости от типа графемы – буквенная (*Было*

жарко, но ветрено) или небуквенная – цифра (*У него номер 5, а у неё номер 3*), символ (*У него 25 %, а у неё 27 %*), пиктограмма (*У него 100 \$, а у неё 100 £*) либо эмотикон (*Я вам очень рад ☺, а вы мне почему-то нет ☹*).

Таким образом, при сочетании эмотикона и одиночной запятой мы рекомендуем ориентироваться на следующие правила:

- 1) эмотикон отделяется пробелом от предшествующего слова;
- 2) запятая ставится после эмотикона и не отделяется от него пробелом.

Эмотиконы стали неотъемлемой частью коммуникации и активно функционируют в Интернете, в сфере рекламы, телевидения и СМИ. Предложенные рекомендации по сочетанию эмотиконов со знаками препинания (в том числе запятой) – это попытка логически и системно упорядочить новые тенденции в современной практике письма, что определяет научную новизну, практическую и теоретическую значимость исследования.

Более точное представление о принципах сочетания эмотиконов и знаков препинания и последовательности их расположения в тексте можно получить при детальном анализе, во-первых, комбинаций эмотиконов и выделительных знаков препинания (скобки, кавычки, двойная запятая, двойное тире) или других разделительных знаков середины предложения (двоеточие, одиночное тире, точка с запятой), а во-вторых, большего количества эмпирического материала как форумов разнообразной тематической направленности, так и городского письма, электронных СМИ и т.д., поэтому проблема, которой посвящено данное исследование, остаётся актуальной для современной науки.

Список литературы

1. Максимов А. А. Эмотиконы как способ выражения эмоций / А. А. Максимов, Н. М. Голубева // Проблемы и перспективы развития образования в России. – Новосибирск, 2015. – С. 126–130.
2. Белоусов К. И. Влияние пола и самооценки пользователей социальной сети на использование эмотиконов и эмодзи в процессе речевой коммуникации / К. И. Белоусов, И. А. Обухова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Пермь, 2019. – Т. 11, вып. 3. – С. 5–18.
3. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. – М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. – 432 с.
4. Нашхоева М. Р. Взаимодействие пунктуационных знаков и эмотиконов в текстах форумов / М. Р. Нашхоева // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2011. – С. 321–327.

5. Лебедев А. Знаки препинания в нестандартных ситуациях: смайлики [Электронный ресурс] / А. Лебедев. – 2019. – Режим доступа: <https://www.artlebedev.ru/kovodstvo/sections/143/#17> (дата обращения: 22.02.2024).
6. Ильяхов М. Как правильно сочетать смайлики и знаки препинания в конце предложения [Электронный ресурс] / М. Ильяхов. – 2012. – Режим доступа: <https://bureau.ru/soviet/20120310/> (дата обращения: 22.02.2024).
7. Боде М. Смайлики в тылу пунктуации [Электронный ресурс] / М. Боде. – 2020. – Режим доступа: <https://gzom.ru/kak-nado/smajliki-v-tylu-punktuatsii/> (дата обращения: 22.02.2024).
8. Кронгауз М. А. Самоучитель Олбанского [Электронный ресурс] / М. А. Кронгауз. – М.: Изд-во АСТ, 2013. – 412 с. – Режим доступа: <https://culture.wikireading.ru/amp36150> (дата обращения: 22.02.2024).

УДК 821.161.1

Плаксицкая Н.А., Ломакина С.А. Функционально-содержательные типы диалогов и наличие диалогических ситуаций в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Плаксицкая Наталья Александровна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской филологии и лингвистики, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»
РФ, г. Елец, nplak@yandex.ru

Ломакина Светлана Александровна

кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры русской филологии и лингвистики, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина»
РФ, г. Елец, samal66@yandex.ru

Functional and meaningful types of dialogues and the presence of dialogic situations in M.A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita"

Plaksitskaya Natalia Alexandrovna

PhD in Philology, Docent, Associate professor at the Department of Russian Philology and Journalism, Yelets State University named after I. A. Bunin

Lomakina Svetlana Alexandrovna

PhD in Philology, Docent, Senior lecturer at the Department of Russian Philology and Journalism, Yelets State University named after I. A. Bunin

Аннотация. В статье анализируется разнообразие диалогических коммуникаций в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Авторами рассматриваются типы диалогов в данном тексте, исходя из следующих критериев классификации: по характеру протекания диалога, по видам модальности, по вкладу каждого члена коммуникации и по установлению семантической связи в ходе общения. Отмечается, что функционально-содержательный тип диалога в романе «Мастер и Маргарита» определяется как языковыми, так и внеязыковыми факторами. Делается попытка показать, что диалог у Булгакова является художественным способом демонстрации и анализа, как возникающих сюжетных ситуаций, так и экспансивного состояния персонажа.

Ключевые слова: М.А. Булгаков, «Мастер и Маргарита», диалогическая коммуникация, имплицитность диалогов, функционально-содержательные типы диалога, диалогическая ситуация, речевая коммуникация.

Abstract. The article analyzes the variety of dialogic communications in M.A. Bulgakov's novel "The Master and Margarita". The authors consider the types of dialogues in this text based on the following classification criteria: by the nature of the dialogue, by types of modality, by the contribution of each member of communication and by establishing a semantic connection during communication. It is noted that the functional and meaningful type of dialogue in the novel "The Master and Margarita" is determined by both linguistic and non-linguistic factors. An attempt is being made to show that Bulgakov's dialogue is an

artistic way of demonstrating and analyzing both emerging plot situations and the expansive state of the character.

Keywords: M.A. Bulgakov, "The Master and Margarita", dialogic communication, implicitness of dialogues, functional and meaningful types of dialogue, dialogic situation, speech communication

Диалог является естественной формой речевого взаимодействия людей. Исходя из функций диалогического общения, можно определить несколько функционально-содержательных типов диалога, которые обусловлены существенными языковыми и внеязыковыми факторами, например, темой, условиями (способом и обстановкой) разворачивания общения, эмоциональным вектором и функциональной составляющей реплик, способом реагирования на них собеседника, то есть тип диалога определяется из его структуры.

В существующих классификациях диалогов выделяются три основных типа: *логико-интеллектуальный, волевой (модальный) и эмоционально-аффективный* [3, с. 61]. Каждая категория имеет свои подвиды и разновидности, однако замечено, что в чистом виде эти разновидности редко проявляют себя.

Для *логико-интеллектуального* типа обязательна установка на общение, в ходе которого получается какая-либо информация. Эта категория диалогического контакта осуществляется в форме диалога-сообщения (получение в ходе коммуникации новой информации), беседы (участники помимо новой информации приобретают и дополнительные сведения о личности собеседника) или в форме расспроса (желание собеседника получить нужную информацию в ходе диалогического контакта реализуется в результате задавания ряда вопросов). Однако если в диалоге необходимо проявить отношение одного участника речевого контакта к другому, то тогда развивается диалог-унисон или диалог-спор. Диалог-унисон объединяет собеседников общими воспоминаниями, впечатлениями или суждениями, у участников схожая точка зрения, поэтому встречается недоговоренность реплик первого говорящего с последующим их подхватыванием вторым участником, для чего активно используются риторические вопросы и повторы. Диалог-спор – это словесное состязание, в ходе которого каждый участник приводит аргументы в пользу своей позиции.

Диалог можно определить как *волевой (или модальный)*, если имеется желание одного собеседника воздействовать на другого, побудить его к определенному действию. Данная категория реализуется в двух формах: диалоге с выражением приказа (один участник пытается контролировать и руководить действиями другого) и диалоге с выражением просьбы (один участник, обращаясь в вежливой форме к

другому, побуждает выполнить его нужды и желания, а тот, к которому обращаются, самостоятельно принимает решение об удовлетворении просьбы).

Для эмоционально-аффективного диалога основным является наличие эмоций, хотя следует отметить, что эмоции присутствуют в любом речевом взаимодействии субъектов в той или иной степени, но для этого типа обязательно наличие вербального выражения чувств. В данной категории выделяют две разновидности: ссора и объяснение. Диалог-ссора рождается из-за сознательного конфликтного настроения одного из участников коммуникации, но может быть и следствием агрессии оппонента. Если ссора – следствие целенаправленного действия, то ее зачинщик будет контролировать свою речь, скрупулезно ее выстраивать, использовать распространенные реплики, но если ссора возникает непреднамеренно, вследствие реакции собеседников на полученную информацию или речевое поведение друг друга, то реплики обоих участников такого взаимодействия будут отрывисты и эмоциональны. Развернутые реплики монологического плана для такой разновидности диалога несвойственны. Нужно заметить, что в ссору может перерасти любой функциональный тип диалога. В диалоге-объяснении проявляется желание собеседников определить, какие чувства испытывает один из участников диалога, либо стремление одного из участников речевого взаимодействия открыть свои чувства и увидеть реакцию партнера. Структуры диалогов этой разновидности разнообразны и «зависят от того, какие эмоциональные отношения связывают собеседников, какие чувства испытывает каждый из них в момент общения» [1].

В романе М.А. Булгакова «Мастере и Маргарите» представлено много диалогов и диалогических ситуаций, рассмотрим их типы, исходя из структуры.

Среди диалогической коммуникации логико-интеллектуального типа в романе часто встречающаяся разновидность – диалог-сообщение, который основывается на стремлении говорящего донести информацию до собеседника, а последнего, в свою очередь, – уточнить и расширить полученные сведения. В качестве примера рассмотрим диалогическую ситуацию между поэтом Бездомным и посетителями «Дома Грибоедова», в ходе разворачивания которой Иван пытается донести до сведения последних информацию о появлении странного господина на Патриарших [4, с. 59]. Начальная реплика Ивана, обращенная к гостям ресторана, повествовательная, она призвана привлечь внимание:

«Поэт поднял свечу над головой и громко сказал:

– Здорово, други! – после чего заглянул под ближайший столик и воскликнул тоскливо: – Нет, его здесь нет!» [2, с. 63].

Следующей репликой Иван уведомляет посетителей ресторана о появлении в Москве на Патриарших необычного лица, которое «может натворить неопикуемых бед» [2, с. 63]: «– Дважды хотели задержать, в скатертном и здесь, на Бронной, да я махнул через забор и, видите, щеку изорвал! – тут Иван Николаевич поднял свечу и вскричал: – Братья по литературе! (Осипший голос его окреп и стал горячей.) Слушайте меня все! Он появился! Ловите же его немедленно, иначе он натворит неопикуемых бед!» [2, с. 63].

Ответные реплики реципиентов информации – это вопросы, направленные Бездомному, с целью понять, кто появился:

«– Что? Что? Что он сказал? Кто появился? – понеслись голоса со всех сторон.

– Консультант! – ответил Иван, – и этот консультант сейчас убил на Патриарших Мишу Берлиоза.

Здесь из внутреннего зала повалил на веранду народ, вокруг Иванова огня сдвинулась толпа.

– Виноват, виноват, скажите точнее, – слышался над ухом Ивана тихий и вежливый голос, – скажите, как это убил? Кто убил?

– Иностраннй консультант, профессор и шпион! – озираясь, отозвался Иван.

– А как его фамилия? – тихо спросили на ухо.

– То-то фамилия! – в тоске крикнул Иван, – кабы я знал фамилию! Не разглядел я фамилию на визитной карточке... Помню только первую букву «Ве», на «Ве» фамилия! Какая же это фамилия на «Ве»? – схватившись рукою за лоб, сам у себя спросил Иван и вдруг забормотал: – Ве, ве, ве! Ва... Во... Вашнер? Вагнер? Вайнер? Вегнер? Винтер? – волосы на голове Ивана стали ездить от напряжения.

– Вульф? – жалостно выкрикнула какая-то женщина. Иван рассердился» [2, с. 63-64].

Вопросы участников диалога однонаправленны и однотипны, их цель – объединить разрозненные реплики Бездомного в предметно-логическую схему, чтобы составить целостное высказывание. Но все попытки обозначить суть сообщения Ивана безрезультатны, информация услышана, но не осознана слушателями. Причина в том, что сообщение пролетарского поэта выстраивается на фактах, известных только ему, но неведомых для остальных членов речевого контакта. Также психологическое состояние Ивана не дает ему в данной ситуации логически размышлять, четко формулировать мысль и конкретно отвечать на адресованные к нему наводящие вопросы. Таким образом, речевая ситуация в связи с непониманием собеседниками друг друга не может разрешиться положительно, и ее

итог – возмущение слушающих сообщением Бездомного, их недоверие и объявление поэта сумасшедшим: «Готово дело! Белая горячка» [2, с. 63].

В качестве примера диалога-сообщения можно привести разговор врача лечебницы Стравинского и поэта Рюхина по поводу психического состояния Ивана Бездомного. Начальная точка в диалоге – вопросы доктора, которые нацелены понять причину госпитализации известного пролетарского поэта в его клинику: «Увидев вошедшего, Рюхин побледнел, кашлянул и робко сказал:

– Здравствуйте, доктор.

Доктор поклонился Рюхину, но, кланяясь, смотрел не на него, а на Ивана Николаевича.

Тот сидел совершенно неподвижно, со злым лицом, сдвинув брови, и даже не шевельнулся при входе врача.

– Вот, доктор, – почему-то таинственным шепотом заговорил Рюхин, пугливо оглядываясь на Ивана Николаевича, – известный поэт Иван Бездомный... вот, видите ли... мы опасаемся, не белая ли горячка...

– Сильно пил? – сквозь зубы спросил доктор.

– Нет, выпивал, но не так, чтобы уж...

– Тараканов, крыс, чертиков или шмыгающих собак не ловил?

– Нет, – вздрогнув, ответил Рюхин, – я его вчера видел и сегодня утром. Он был совершенно здоров...

– А почему в кальсонах? С постели взяли?

– Он, доктор, в ресторан пришел в таком виде...

– Ага, ага, – очень удовлетворенно сказал доктор, – а почему ссадины? Дрался с кем-нибудь?

– Он с забора упал, а потом в ресторане ударил одного... И еще кое-кого...

– Так, так, так, – сказал доктор и, повернувшись к Ивану, добавил: – Здравствуйте!» [2, с. 66-67]. Здесь диалог оказывается завершенным: врач получает нужную информацию. Его результативность обусловлена способностью собеседника-информатора предоставить исчерпывающие ответы на поставленные вопросы опрашивающего его участника.

Разновидность логико-интеллектуального типа диалог-беседа встречается в романе М.А. Булгакова редко. Пример диалога-беседы – это разговор Мастера с поэтом Бездомным в клинике Стравинского. Перед нами классическая форма его развертывания. Залог результативности данного вида речевой коммуникации в тексте – взаимное желание собеседников (Мастера и Ивана) к взаимодействию, в ходе

которого они знакомятся с личностями друг друга. Начало диалога – вопросительная конструкция, помогающая Мастеру выяснить, настроен ли его собеседник для беседы: «Пришедший подмигнул Ивану, спрятал в карман связку ключей, шепотом осведомился: «Можно присесть?» – и, получив утвердительный кивок, поместился в кресле» [2, с. 129].

Участники разговора обмениваются вопросами и из ответов на них получают сведения друг о друге:

«– Профессия?

– Поэт, – почему-то неохотно признался Иван.

Пришедший огорчился.

– Ох, как мне не везет! – воскликнул он, но тут же спохватился, извинился и спросил: – А как ваша фамилия?

– Бездомный.

– Эх, эх... – сказал гость, морщась.

– А вам, что же, мои стихи не нравятся? – с любопытством спросил Иван.

– Ужасно не нравятся.

– А вы какие читали?

– Никаких я ваших стихов не читал! – нервно воскликнул посетитель.

– А как же вы говорите?

– Ну, что ж тут такого, – ответил гость, – как будто я других не читал? Впрочем... разве что чудо? Хорошо, я готов принять на веру. Хороши ваши стихи, скажите сами?

– Чудовищны! – вдруг смело и откровенно произнес Иван.

– Не пишите больше! – попросил пришедший умоляюще.

– Обещаю и клянусь! – торжественно произнес Иван» [2, с. 130-131].

Следует отметить, что в данном диалоге более заинтересованным является один участник (Мастер), это не типично для данной формы, так как для такого диалогического взаимодействия обычно речевой активностью отличаются оба субъекта коммуникации:

«Гость сочувственно положил руку на плечо бедного поэта и сказал так:

– Несчастный поэт! Но вы сами, голубчик, во всем виноваты. Нельзя было держать себя с ним столь развязно и даже нагло. Вот вы и поплатились. И надо еще сказать спасибо, что все это обошлось вам сравнительно дешево.

– Да кто же он, наконец, такой? – в возбуждении потрясая кулаками, спросил Иван.

Гость взгляделся в Ивана и ответил вопросом:

– А вы не впадете в беспокойство? Мы все здесь люди ненадежные... Вызова врача, уколов и прочей возни не будет?

– Нет, нет! – воскликнул Иван, – скажите, кто он такой?

– Ну хорошо, – ответил гость и веско и отдельно сказал: – Вчера на Патриарших прудах вы встретились с сатаной.

Иван не впал в беспокойство, как и обещал, но был все-таки сильнейшим образом ошарашен.

– Не может этого быть! Его не существует.

– Помилуйте! Уж кому-кому, но не вам это говорить. Вы были одним, по-видимому, из первых, кто от него пострадал. Сидите, как сами понимаете, в психиатрической лечебнице, а все толкуете о том, что его нет. Право, это странно!

Сбитый с толку Иван замолчал.

– Лишь только вы начали его описывать, – продолжал гость, – я уже стал догадываться, с кем вы вчера имели удовольствие беседовать. И, право, я удивляюсь Берлиозу! Ну вы, конечно, человек девственный, – тут гость опять извинился, – но тот, сколько я о нем слышал, все-таки хоть что-то читал! Первые же речи этого профессора рассеяли всякие мои сомнения. Его нельзя не узнать, мой друг! Впрочем, вы... вы меня опять-таки извините, ведь, я не ошибаюсь, вы человек невежественный?

– Бесспорно, – согласился неузнаваемый Иван» [2, с. 131-132].

Реплики Мастера похожи на «длительные монологические высказывания, позволяющие прийти к заключению о сложности его жизни и выяснить определенные личностные качества бывшего историка. Завершение диалога традиционно: формула вежливости» [5]: «Спасибо за беседу. До свиданья!» [2, с. 133].

Следующая популярная форма в «Мастере и Маргарите» – диалог, построенный в виде расспроса, цель которого – получение неизвестной информации, которой обладает собеседник, например, диалог Ивана Бездомного с доктором Стравинским, который выстраивается из чередующихся друг с другом вопросов и ответов:

«– Здравствуйте!

– Здорово, вредитель! – злобно и громко ответил Иван.

<...>

– Сколько вам лет?

– Подите вы все от меня к чертям, в самом деле! – грубо закричал Иван и отвернулся.

– Почему же вы сердитесь? Разве я сказал вам что-нибудь неприятное?

– Мне двадцать три года, – возбужденно заговорил Иван, – и я подам жалобу на вас всех. А на тебя в особенности, гнида! – отнесся он отдельно к Рюхину.

– А на что же вы хотите пожаловаться?

– На то, что меня, здорового человека, схватили и силой приволокли в сумасшедший дом! – в гневе ответил Иван» [2, с. 67].

В развитии диалога выясняется причина изоляции поэта в клинике. Вопросы Стравинского направлены на получение информации, которой обладает Иван Николаевич и которая неизвестна, но необходима ему. Бездомный возбужден, и доктор пытается погасить агрессию Ивана, поэтому его речь спокойная, выдержанная, им выбран любезный тон.

К данной же разновидности можно отнести допрос Иешуа Га-Ноцри Понтием Пилатом, разговор прокуратора и Афрания в ершалаимской части романа.

Самая распространенная в романе форма диалога – это спор, он введен автором уже в первой главе. Здесь спор возникает между необычным господином, редактором Михаилом Берлиозом и пролетарским поэтом Бездомным. Толчком для начала дискуссии становится реплика неизвестного, прерывающая разговор между литераторами: «– Извините меня, пожалуйста, – заговорил подошедший с иностранным акцентом, но не коверкая слов, – что я, не будучи знаком, позволяю себе... но предмет вашей ученой беседы настолько интересен, что...

Тут он вежливо снял берет, и друзьям ничего не оставалось, как приподняться и раскланяться.

<...>

– Разрешите мне присесть? – вежливо попросил иностранец, и приятели как-то невольно раздвинулись; иностранец ловко уселся между ними и тотчас вступил в разговор» [2, с. 12]. Данная вопросительная конструкция помогает настроить контакт, и незнакомец присоединяется к диалогу Берлиоза и Бездомного, с этой же целью он активно использует вежливые формы («извините, пожалуйста», «разрешите»), вербальные и невербальные компоненты: интонацию («вежливо попросил») и жесты («он вежливо снял берет»).

В разговоре незнакомый господин обнаруживает свою позицию не открыто, а в деликатной форме, задавая оппонентам вопросы, которые к ней подводят:

«– Если я не ослышался, вы изволили говорить, что Иисуса не было на свете? – спросил иностранец, обращая к Берлиозу свой левый зеленый глаз.

– Нет, вы не ослышались, – учтиво ответил Берлиоз, – именно это я и говорил.

– Ах, как интересно! – воскликнул иностранец.

«А какого черта ему надо?» – подумал Бездомный и нахмурился.

– А вы соглашались с вашим собеседником? – осведомился неизвестный, повернувшись вправо к Бездомному.

– На все сто! – подтвердил тот, любя выражаться вычурно и фигурально.

– Изумительно! – воскликнул непрощеный собеседник и, почему-то воровски оглянувшись и приглушив свой низкий голос, сказал: – Простите мою навязчивость, но я так понял, что вы, помимо всего прочего, еще и не верите в бога? – он сделал испуганные глаза и прибавил: – Клянусь, я никому не скажу.

– Да, мы не верим в бога, – чуть улыбнувшись испугу интуриста, ответил Берлиоз. – Но об этом можно говорить совершенно свободно.

Иностранец откинулся на спинку скамейки и спросил, даже привизгнув от любопытства:

– Вы – атеисты?!» [2, с. 12]

Данная диалогическая ситуация, складывающаяся между членами Массолита и неизвестным, проявляет и суть спора, и диаметрально противоположные точки зрения фигурантов речевой коммуникации:

«– Но, позвольте вас спросить, – после тревожного раздумья спросил заграничный гость, – как же быть с доказательствами бытия божия, коих, как известно, существует ровно пять?

– Увы! – с сожалением ответил Берлиоз, – ни одно из этих доказательств ничего не стоит, и человечество давно сдало их в архив. Ведь согласитесь, что в области разума никакого доказательства существования бога быть не может.

– Bravo! – вскричал иностранец, – bravo! Вы полностью повторили мысль беспокойного старика Иммануила по этому поводу. Но вот курьез: он начисто разрушил все пять доказательств, а затем, как бы в насмешку над самим собою, соорудил собственное шестое доказательство!» [2, с. 13]

Накал рассматриваемой коммуникативной ситуации поддерживается разнообразием и напряжением речевых действий: мрачно «спросил поэт», «неожиданно обратился к Бездомному», «Берлиоз с великим вниманием слушал»; «закричал он», «skonфузившись, шепнул», «подтвердил неизвестный, сверкая глазом», «заморгав, осведомился Бездомный», «поспешил сердито ответить». Накаленную атмосферу разворачивающегося диалога передают мимика и жесты его участников: «спросил, даже привизгнув от любопытства», «чуть улыбнувшись, ответил», «вскричал», «воровски оглянувшись и приглушив свой низкий голос» и др.

Встречаются в тексте романа и волевые диалоги (приказ и просьба). Диалог-приказ, как разновидность модально-волевого типа коммуникации, в романе «Мастер и Маргарита» не очень популярен, он характерен в большей степени для диалогического общения мессира и его свиты. Этот тип проявляет авторитарно-директивный стиль взаимоотношений между членами «клетчатой» компании, отражая существующую иерархию: реплика Воланда, содержащая в себе приказ, никогда не встречает возражений и уже последующая реплика-ответ представителя свиты выражает согласие и подчинение собеседника.

А вот диалог-просьба в отличие от диалога-приказа распространен в романе, так как все персонажи хотя бы раз просят друг друга о чем-либо: Маргарита просит Наташу, Мастера и Воланда; Бездомный – Берлиоза, иностранца и т.д. К данному типу диалога обращаются в том случае, если кому-то из героев надо сподвигнуть другого к действию, например, поэт Бездомный на Патриарших обращается к незнакомцу: «Иван почувствовал, что теряется. Задыхаясь, он обратился к регенту:

– Эй, гражданин, помогите задержать преступника! Вы обязаны это сделать!

Регент чрезвычайно оживился, вскочил и заорал:

– Который преступник? Где он? Иностранец? – Глазки регента радостно заиграли: – Этот? Ежели он преступник, то первым делом следует кричать: «Караул!». А то он уйдет. А ну, давайте вместе! Разом! – и тут регент разинул пасть» [2, с. 50]. Начальная реплика, эксплицитным содержанием которой является побуждение к активности, не поддерживается партнером, поэтому Иван пытается привести аргументы, способные убедить оппонента выполнить его просьбу. В итоге диалога собеседник не принимает позицию и аргументацию поэта, не спешит выполнить просьбу: «– А, так ты с ним заодно? – впадая в гнев, прокричал Иван, – ты что же это, глумишься надо мной? Пусти!

Иван кинулся вправо, и регент – тоже вправо! Иван – влево, и тот мерзавец туда же.

– Ты нарочно под ногами путаешься? – зверя, закричал Иван, – я тебя самого предам в руки милиции!

Иван сделал попытку ухватить негодяя за рукав, но промахнулся и ровно ничего не поймал. Регент как сквозь землю провалился» [2, с. 50].

Для данной диалогической ситуации характерна следующая особенность: не все участники обладают сведениями о случившемся, Бездомный совершенно не представляет, с кем он имеет дело, поэтому поведение Клетчатого вызывает раздражение поэта и перерастает в ссору между ними.

Эмоционально-оценочный тон речевой коммуникации задается экспрессивной лексикой («мерзавец», «симпатичнейший», «дорогой наш друг», «сволочь» и др.) и обилием фразеологических оборотов («глумишься надо мной», «под ногами путаешься», «черт знает что» и др.). С этой же целью привлекаются глаголы действия: «вздрогнул», «открыл рот», «остановился в изумлении», «замахал руками», «стал наступать», «воровски подмигнул», «лихо выписал».

Данный тип речевого контакта происходит между Азazelло и Маргаритой, первая фраза которого включает в себе просьбу-предложение. Ответы Маргариты помогают читателю узнать, в чем она заключается. Азazelло удается добиться согласия на встречу с Воландом от женщины только после обещания дать информацию о судьбе Мастера:

«– Вот скука-то, – проворчал рыжий и заговорил громче: – Простите, ведь я сказал вам, что ни из какого я не из учреждения! Сядьте, пожалуйста.

Маргарита беспрекословно повиновалась, но все-таки, садясь, спросила еще раз:

– Кто вы такой?

– Ну хорошо, зовут меня Азazelло, но ведь все равно вам это ничего не говорит.

– А вы мне не скажете, откуда вы узнали про листки и про мои мысли?

– Не скажу, – сухо ответил Азazelло.

– Но вы что-нибудь знаете о нем? – моляще шепнула Маргарита.

– Ну, скажем, знаю.

– Молю: скажите только одно, он жив? Не мучьте.

– Ну, жив, жив, – неохотно отозвался Азazelло.

– Боже!

– Пожалуйста, без волнений и вскрикиваний, – нахмурясь, сказал Азazelло» [2, с. 219].

Как видим, в речи возлюбленной Мастера доминируют вопросительные конструкции, использование которых обусловлено стремлением выявить намерения незнакомца. Азazelло в разговоре с Маргаритой использует повествовательные синтаксические формы, так как ему в основном приходится отвечать на поставленные женщиной вопросы. Однако сам странный собеседник вопросов практически не задает, так как его цель – не получить информацию, он о Маргарите знает все, а уговорить ее встретиться с Воландом:

«– Ничего не понимаю, какое дело?

Рыжий оглянулся и сказал таинственно:

– Меня прислали, чтобы вас сегодня вечером пригласить в гости.

– Что вы бредите, какие гости?

– К одному очень знатному иностранцу, – значительно сказал рыжий, прищурив глаз» [2, с. 219].

Диалог-просьба между Маргаритой и Азazelло происходит в очень высоком эмоциональном тоне, и градус его постепенно повышается. В каждой фразе женщины ощущается напряженность, волнение и недоверие к собеседнику. Такая экспансивность объясняется ее психологическим состоянием: она любит Мастера и очень волнуется за его судьбу: «– Еду! – с силой воскликнула Маргарита и ухватила Азazelло за руку, – еду, куда угодно! <...>

Маргарита крепче зажала в руке коробку и продолжала:

– Нет, погодите... Я знаю, на что иду. Но иду на все из-за него, потому что ни на что в мире больше надежды у меня нет. Но я хочу вам сказать, что, если вы меня погубите, вам будет стыдно! Да, стыдно! Я погибаю из-за любви! – и, стукнув себя в грудь, Маргарита глянула на солнце» [2, с. 221-222]. Имплицитная энергия данной диалогической ситуации создается благодаря активному включению глаголов, выражающих речевое действие: «объяснил рыжий», «развязно ответил», «невольнo спросила», «проворчал рыжий», «заговорил громче», «сквозь зубы ответила», «вдруг воскликнула», «голос ее стал глух», «сухо сказала», «значительно сказал рыжий», «в смятении воскликнула», «сказал сурово», «обидевшись, воскликнул рыжий», «сказал таинственно», «вкрадчиво спросила», «неохотно отозвался», «бормотала», «сказала задумчиво», «заговорил иронически», «покорно замолчала», «шепнул многозначительно», «почти зашипел», «вдруг заорал», «с силой воскликнула», «в злобе зашипел» и другие.

Общение с Маргаритой дается Азazelло непросто, так как демону, во-первых, необходимо расположить ее к себе, а во-вторых, заверить в доброжелательности, что оказывается сложным делом: «Трудный народ эти женщины! Он засунул руки в карманы и далеко вперед вытянул ноги, – зачем, например, меня послали по этому делу? Пусть бы ездил Бегемот, он обаятельный...» [2, с. 219].

Среди эмоционально-аффективных типов диалога, актуальных для романа «Мастер и Маргарита», следует назвать ссору – эта форма коммуникации, возникающая вследствие специального введения заранее спланированной реплики с негативным маркированием, актуализирующим отрицательную речевую энергию одного из собеседников, с целью обнаружения скрытой информации или в результате неудовлетворенности поведением партнера. Например, в диалоге Воланда с Левиим

Матвеем, где мессир преследует цель поддеть оппонента, используя как вербальные, так и невербальные приемы коммуникации: «– Я не буду с тобой спорить, старый софист, – ответил Левий Матвей.

– Ты и не можешь со мной спорить, по той причине, о которой я уже упомянул, – ты глуп, – ответил Воланд и спросил: – Ну, говори кратко, не утомляя меня, зачем появился?

– Он прислал меня.

– Что же он велел передать тебе, раб?

– Я не раб, – все более озлобляясь, ответил Левий Матвей, – я его ученик.

– Мы говорим с тобой на разных языках, как всегда, – отозвался Воланд, – но вещи, о которых мы говорим, от этого не меняются. Итак...

– Он прочитал сочинение мастера, – заговорил Левий Матвей, – и просит тебя, чтобы ты взял с собою мастера и наградил его покоем. Неужели это трудно тебе сделать, дух зла?

– Мне ничего не трудно сделать, – ответил Воланд, – и тебе это хорошо известно. – Он помолчал и добавил: – А что же вы не берете его к себе, в свет?

– Он не заслужил света, он заслужил покой, – печальным голосом проговорил Левий» [2, с. 350].

Бросается в глаза, что участники диалога тщательно следят за своей речью: фразы не фрагментарны, четко построены и грамотно сформулированы, в речи отсутствует повышение тона и эмоциональные возгласы. Левий Матвей возмущен поведением оппонента, но старается быть сдержанным, что видно из построения реплик, которые остаются ясными и выверенными, Воланд активно использует оскорбительную лексику («ты глуп», «раб»), намеренно пытаясь спровоцировать собеседника на конфликт. Развернувшийся диалог-ссора проявляет обоюдную агрессию участников диалогического контакта.

Примером ссоры является диалог, произошедший между Маргаритой и Мастером после вызволения последнего из психиатрической лечебницы: «– Опомнись! Зачем тебе ломать свою жизнь с больным и нищим? Вернись к себе! Жалею тебя, потому это и говорю» [2, с. 355].

Данная фраза, произнесенная Мастером, инициирует ссору, так как Маргарита реагирует на нее резко отрицательно. В ее ответах и репликах присутствуют эмоциональные восклицания. Введение данных невербальных элементов является целью подчеркнуть эмоциональный градус ситуации: «– Ах, ты, ты, – качая растрепанной головой, шептала Маргарита, – ах, ты, маловерный, несчастный

человек. Я из-за тебя всю ночь вчера тряслась нагая, я потеряла свою природу и заменила ее новой, несколько месяцев я сидела в темной каморке и думала только про одно – про грозу над Ершалаимом, я выплакала все глаза, а теперь, когда обрушилось счастье, ты меня гонишь? Ну что ж, я уйду, я уйду, но знай, что ты жестокий человек! Они опустошили тебе душу!» [2, с. 355].

Конфликт урегулирован согласием Мастера с доводами Маргариты, которая эмоционально более сильный оппонент: «Тогда мастер вытер глаза, поднял с колен Маргариту, встал и сам и твердо сказал:

– Довольно! Ты меня пристыдила. Я никогда больше не допущу малодушия и не вернусь к этому вопросу, будь покойна. Я знаю, что мы оба жертвы своей душевной болезни, которую, быть может, я передал тебе... Ну что же, вместе и понесем ее.

Маргарита приблизила губы к уху мастера и прошептала:

– Клянусь тебе своею жизнью, клянусь угаданным тобою сыном звездочета, все будет хорошо.

– Ну, и ладно, ладно, – отозвался мастер и, засмеявшись, добавил: – Конечно, когда люди совершенно ограблены, как мы с тобой, они ищут спасения у потусторонней силы! Ну, что ж, согласен искать там.

– Ну вот, ну вот, теперь ты прежний, ты смеешься, – отвечала Маргарита, – и ну тебя к черту с твоими учеными словами. Потустороннее или не потустороннее – не все ли это равно? Я хочу есть» [2, с. 356].

В данном диалоге активно используются стилистические приемы, односоставные номинативные предложения, обособленные предложения и параллельные конструкции.

Как мы убедились, диалогический акт стоит в центре каждого эпизода «Мастера и Маргариты». В романе представлено множество разновидностей диалога, их структура обусловлена определенными параметрами (обстановкой, в которой рождается диалог, характерами персонажей-участников, темой разговора), эти же критерии определяют функционально-содержательный тип диалога. Обращает на себя внимание, что диалоги реализуют не только повествовательную функцию, но и выражают действие. Булгаковские герои активно вводят в диалогическую ситуацию прямую речь, мимику, жесты. В.Я. Лакшин отмечает, что «действие в романе динамично, а диалоги – характерны» [6, с. 46]. Другими словами, речь персонажей определяет сюжетный конфликт. Таким образом, не авторское повествование, а диалогическое общение героев и диалогические ситуации двигают ход событий вперед.

Список литературы

1. Барков А. Н. Парадоксы в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» // Литературное обозрение. – 1991. – № 5. URL: <https://web.archive.org/web/20130928060811/http://m-bulgakov.narod.ru/bulgakov-91.htm> (дата обращения 21.12.2023)
2. Булгаков М. А. Собрание соч. в 5 томах. Мастер и Маргарита. Письма / М. А. Булгаков. - Москва: Художественная литература, 1992. - Т. 5. - 736 с. ISBN: 5-280-00761-7
3. Бырдина Г.В. Динамическая структура русской диалогической речи: учеб. пособие / Г.В. Бырдина. – Тверь: ТГУ, 1992. – 82 с. ISBN 5-230-08392-1 : Б. ц.
4. Вулис А. З. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» / А.З. Вулис. – Москва: Художественная литература, 1991. – 224 с. ISBN: 5-280-01453-2
5. Гаспаров Б.М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Б.М. Гаспаров. – Москва, 1989. – 234 с. URL: <https://shakko.wordpress.com/2016/05/01/б-м-гаспаров-из-наблюдений-над-мотивн/> (дата обращения 21.12.2023)
6. Лакшин В. Я. Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» / В.Я. Лакшин // Пути журнальные. – М.: Советский писатель, 1990. – 433 с. ISBN: 5-265-01500-0

УДК 81.25

**Шабакеева В.Р., Хайруллина Д.Д. Особенности перевода окказионализмов
(на примере серии книг о Гарри Поттере Дж.К. Роулинг)**

Шабакеева Вероника Рамилевна

студент кафедры филологии, Набережночелнинский институт (филиал)
Казанский Федеральный Университет, РФ, г. Набережные Челны
veronica_work01@mail.ru

Хайруллина Динара Дилшатовна

кандидат филологических наук, доцент, Набережночелнинский институт (филиал)
Казанский Федеральный Университет, РФ, г. Набережные Челны
dinara0406@mail.ru

**Features of the translation of occasionalisms (on the example of the Harry
Potter series by J.K. Rowling)**

Shabakaeva Veronika Ramilevna

Student of Philology Department, Naberezhnye Chelny Institute (Branch)
Kazan Federal University, Russia, Naberezhnye Chelny

Khairullina Dinara Dilshatovna

Cand. Sci. (Philology), associate professor, Naberezhnye Chelny Institute (Branch)
Kazan Federal University, Russia, Naberezhnye Chelny

Аннотация. Данная статья представляет собой сравнительно-сопоставительный анализ английских окказионализмов, используемых в романе о Гарри Поттере, и их перевода на русский язык. Актуальность исследования обусловлена самой природой изучаемого явления: в силу своей индивидуально-авторской принадлежности окказионализмы не имеют и не могут иметь закрепленных соответствий в другом языке, что требует от переводчика глубоких знаний и умения применять различные техники перевода в зависимости от контекста. Путем сравнения текста оригинала и переводов на русский язык от издательств «Махаон» и «РОСМЭН» были определены основные способы передачи авторских неологизмов и частотность их употребления. Выявлено, что наиболее распространенными приемами перевода индивидуально-авторских новообразований являются транскрипция, транслитерация и калькирование.

Ключевые слова: неологизм, окказионализм, транскрипция, транслитерация, калькирование, описательный перевод.

Abstract. The article presents a comparative analysis of English occasionalisms used in the novel about Harry Potter and their translation into Russian. The relevance of the study is determined by the nature of the linguistic phenomenon itself: occasionalisms do not and cannot have fixed equivalents in another language due to their individual authorship, it is essential for the translator to have deep knowledge and the ability to use various translation techniques depending on the context. By comparing the original text and translations into Russian by Makhaon and ROSMAN publishing houses, the main ways of transmitting the author's neologisms and the frequency of their use were identified. It was found that the

most common methods for translating author's neologisms are transcription, transliteration and loan translation.

Keywords: neologism, occasionalism, transcription, transliteration, loan translation, descriptive translation.

Лексическая структура каждого языка находится в постоянном развитии и является самым динамичным его компонентом. Появление новых слов – прямое свидетельство жизнеспособности языка, его стремления выразить все богатство человеческих знаний и прогресса цивилизации.

Окказионализмы (авторские или индивидуально-авторские новообразования) являются разновидностью неологизмов, созданных определенным писателем, поэтом или публицистом для выражения выдуманных ими образов и предметов [2, с. 181]. Писателю приходится быть чрезвычайно изобретательным, изображая картину нереального, вторичного мира. Он создает новые слова, опираясь на свои знания, а также на грамматику и лексику родного языка. Для этого используется целая система фактических и формальных лингвистических средств, совокупность которых и создает языковую картину, уникальную для ее автора.

Перевод индивидуально-авторской лексики является достаточно сложной и кропотливой работой, ведь отсутствие готовых эквивалентов в языке перевода усложняет передачу окказионализмов. В.С. Виноградов говорит об авторском словотворчестве следующее: «Оно многообразно и определяется не только характером и широтой использования лексических и грамматических ресурсов языка, не только своеобычностью тропов автора и манерой его письма, но и особенностями авторских неологизмов» [1, с.122].

Романы Джоан Роулинг привлекают внимание лингвистов своей неординарностью в разных аспектах, являясь интересной областью для исследований [3, 4]. В рамках данной статьи проанализировано 103 авторских неологизма с переводческой точки зрения. Основу исследования составили четыре части романа Дж.К. Роулинг о Гарри Поттере [8, 9, 10, 11] и их переводы на русский язык от издательств «Махаон» [6] и «РОСМЭН» [7].

Ученые выделяют следующие методы перевода окказионализмов на другой язык:

1. Транскрибирование – воспроизведение звуковой формы исходной лексической единицы, ее фонемного состава с помощью букв языка перевода.

2. Транслитерация – воспроизведение графической формы исходной лексической единицы.

3. Калькирование – замена составных частей исходной лексической единицы оригинала (морфем в слове или слов в устойчивых словосочетаниях) их лексическими соответствиями в языке перевода.

4. Описательный перевод – метод, который употребляется, когда ни одно из словарных соответствий слова не подходит к данному контексту;

5. Приближенный перевод – поиск ближайшего по значению соответствия для исходной лексической единицы, не имеющей соответствий в языке перевода.

6. Создание собственного неологизма [5].

В результате анализа способов перевода окказионализмов, используемых в романе о Гарри Поттере, с английского на русский язык было выяснено, что наиболее распространенными приемами перевода являются транскрипция и транслитерация. Наибольшая доля лексем, переведенных данными методами, приходится на имена собственные, созданные автором. Это связано с намерением переводчиков передать истинное звучание подобных имен, воссоздать точное значение подлинного текста, что играет немаловажную роль в сохранении задуманного автором мира.

Интересным для изучения представляется имя *Hedwig*, которое получила сова главного героя Гарри Поттера. Есть вероятность, что в имени полярной совы присутствует игра слов. Птица обладает пышным оперением, а на фонетическом уровне зооним *Hedwig* похож на слово *headwig* – «парик». Переводчик издательства «Махаон» Мария Спивак переводит имя птицы как *Хедвиг*, используя примитивную транслитерацию, в то время как команда переводчиков издательства «РОСМЭН» дают сове имя *Букля* от нарицательного существительного *букля* (лат. *buccula*) – «прядка, завиток».

Muggles – так назвала Дж. Роулинг людей, родившихся не в семьях волшебников и не имеющих магических способностей. Издательство «Махаон» использует метод транскрипции и переводит данный окказионализм как *магл*, что непонятно и не совсем точно с семантической точки зрения: *tug* переводится как «простак, недалёкий человек». «РОСМЭН» использует более удачный вариант – *простец*.

Калькирование, заимствование путем буквального перевода, используется с целью передать образ персонажа и его личную характеристику. На наш взгляд, наиболее ярким примером данного приема является прозвище одного из второстепенных персонажей *Wormtail*. Этот герой является анимагом (может превращаться в крысу) и славится тем, что предал своих друзей. Имя, состоящее из двух корней: *worm* – «червяк, глист» и *tail* – «хвост», является точным описанием

героя и подобным образом отражает его значимость в романе. Мария Спивак, применив метод калькирования, выбрала имя *Червехвост*. Калькирование является подходящим способом передачи на русский язык следующих окказиональных антропонимов: *He-Who-Must-Not-Be-Named* – *Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут* (издательство «Махаон»), *Тот-кого-нельзя-называть* (издательство «РОСМЭН»); *You-Know-Who* – *Ты-знаешь-кто* (издательства «Махаон» и «РОСМЭН»); *Bloody Baron* – *Кровавый Барон* (издательства «Махаон» и «РОСМЭН»), *Dark Lord* – *Темный Лорд* (издательства «Махаон» и «РОСМЭН») и др.

Приближенный перевод или метод уподобления удачно использован при передаче на русский язык имени привидения плачущей девочки *Moaning Myrtle* – *Плакса Миртл* (издательство «РОСМЭН»), что вызывает правильные ассоциации у читателя.

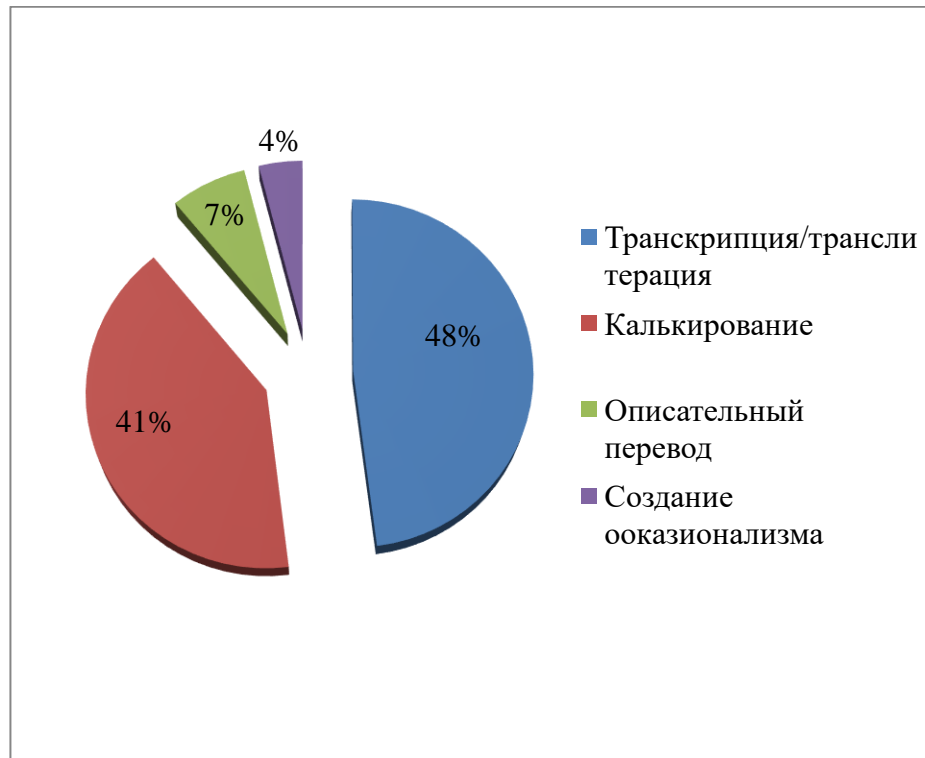
При переводе серии книг о Гарри Поттере специалисты обоих издательств обращаются к еще одному методу перевода – созданию собственного окказионализма. Данный прием выполняет очень важную функцию – сохранение словесной окказиональности при переводе на русский язык. Однако он не всегда полностью раскрывает значение оригинального текста, что затрудняет понимание сюжета. На русский язык авторский неологизм *squib*, обозначающий в романе человека, рожденного в семье волшебника, но не обладающего магическими способностями, был переведен способом создания новой языковой единицы – *швах* издательством «Махаон» от немецкого *schwach* – «плохой, слабый». Подобная формулировка весьма логична, однако, остается непонятной для большинства аудитории.

На примере слова *mudblood* – оскорбительного прозвища для волшебника с человеческой кровью, мы можем убедиться в том, что правильный выбор стратегии перевода влияет на верное восприятие картины. Создание нового слова «мугродье» Марией Спивак не передает основное значение слова. Специалисты издательства «РОСМЭН» подошли к этому вопросу с другой стороны и с помощью калькирования перевели *mudblood* как «грязнокровка».

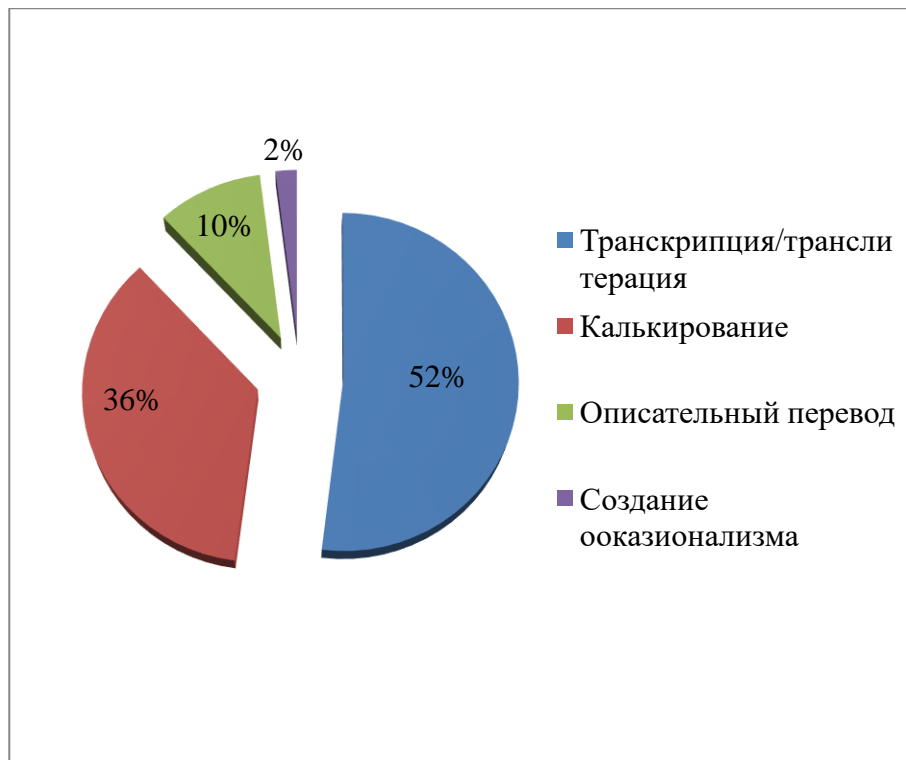
Описательный перевод – это метод перевода, при котором переводчик стремится передать смысл и содержание оригинального текста, не привязываясь к буквальному переводу слов и выражений. Переводчики «РОСМЭН» использовали описательный перевод и тем самым передали точное название учебника *Broken Balls: When Fortunes Turn Foul* как «Магический кристалл треснул. Когда отворачивается удача». В этом случае переводчик знает, что речь идет об учебнике

по Прорицанию, в соответствии с чем переводит словосочетание *Broken Balls* как «Магический кристалл». Данный прием вполне логично использован и при переводе *Accidental Magic Reversal Squad* – «отдел по устранению последствий случайно наложенных заклятий» (издательство РОСМЭН»), поскольку подобные учреждения существуют только на страницах произведений Дж. К. Роулинг и их названия не имеют аналогов в других языках.

Рисунок 1. Соотношение способов перевода окказионализмов Дж.К. Роулинг на русский язык (Издательство «Махаон»)

Рисунок 2. Соотношение способов перевода окказионализмов Дж.К. Роулинг на русский язык (Издательство «РОСМЭН»)

Сравнительно-сопоставительный анализ переводов авторских неологизмов в серии книг о Гарри Поттере Дж.К. Роулинг позволил сделать следующие выводы:

1) в процессе передачи окказионализмов на русский язык переводчики пользуются различными переводческими решениями, которые так или иначе влияют на адекватность перевода и требуют использования различных трансформаций;

2) наиболее употребительными способами перевода индивидуально-авторских новообразований, используемыми издательствами «Махаон» и «РОСМЭН», являются транскрипция / транслитерация (48% и 52% соответственно) и калькирование (41% и 36%) (рис. 1 и 2);

3) варианты перевода окказионализмов, встречающихся в романе о Гарри Поттере, книжного издательства «РОСМЭН», на наш взгляд, более удачны. Это обуславливается наименьшим использованием русифицированных элементов, стилистическим и лексическим соответствием.

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что перевод авторских новообразований требует от переводчика глубоких знаний и умения применять различные техники перевода в зависимости от контекста. Полученные результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении неологизмов и окказиональной лексики в художественных текстах, а также их переводов на другие языки.

Список литературы

1. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
2. Гаджиева А.Р. Авторские неологизмы в современной художественной литературе // Научные междисциплинарные исследования: сборник статей XVI Международной научно-практической конференции. Саратов, 2021. – с 179-182.
3. Грушина М.В. Особенности словообразования и перевода авторских неологизмов в современном английском языке на материале книги Дж. Роулинг «Фантастические твари и места их обитания» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. – Вып. 8. – С. 2568-2572.
4. Ивлева А.Ю., Пузаков А.В. Общекультурная обусловленность передачи окказиональных слов в произведениях Дж.К. Роулинг при переводе на русский язык: философский аспект // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2018. – Т. 18. – № 1. – С. 76-89.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

Список источников

6. Серия книг «Гарри Поттер (перевод Марии Спивак) [Электронный ресурс]. – URL: <https://fb2.top/series/49134> (дата обращения: 15.01.2024).
7. Серия книг «Гарри Поттер (перевод РОСМЭН) [Электронный ресурс]. – URL: <https://fb2.top/series/5318> (дата обращения: 22.01.2024).
8. Rowling J. K. Harry Potter and the Chamber of Secrets. L.: Bloomsberry Publishing Plc, 1998. 257 p.
9. Rowling J. K. Harry Potter and the Goblet of Fire. L.: Bloomsbury Publishing Plc, 2000. 636 p.
10. Rowling J. K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. L.: Bloomsberry Publishing Plc, 1997. 332 p.
11. Rowling J. K. Harry Potter and the Prisoner of Askaban. L.: Bloomsbury Publishing Plc, 1999. 317 p.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81.322.4

Тархова А.Б. Особенности оформления текста при редактировании машинного перевода

Тархова Анна Борисовна

старший преподаватель кафедры теории и практики перевода, факультета
Лингвистики Самарского университета государственного управления
«Международного Института Рынка», г. Самара
abt1313@yandex.ru

Specific features of translation formatting when performing pent jobs

Tarkhova Anna Borisovna

Senior Lecturer, Chair of Translation Theory and Practice, Faculty of Linguistics, Samara
University of Public Administration "International Market Institute", Samara, Russia

Аннотация. Актуальность использования машинного перевода сегодня, безусловно, высока. Спрос на переводы больших объемов текста, развитие нейросетей и расширяющийся отечественный рынок, в совокупности с большим объемом экспорта и активным международным политическим, экономическим и научным сотрудничеством требуют современных и гибких решений. В статье рассматриваются вопросы выполнения, редактирования и форматирования текста после машинного перевода. Даются рекомендации по оформлению перевода с точки зрения синтаксиса, лексики, пунктуации. Рассматриваются частные сложности, такие как вопросы передачи дат, специальных символов, сложности.

Ключевые слова: МТ, машинный перевод, форматирование текста, правила, сложности с культурно-специфической лексикой.

Abstract. Today, the importance of using machine translation is undoubtedly high. The demand for translation of large amounts of text, the development of neural networks and the expanding domestic market, together with a large volume of exports and active international political, economic and scientific cooperation require modern and flexible solutions. The article deals with the issues of text execution, editing and formatting after machine translation. Recommendations are given on the formatting of the translation in terms of syntax, vocabulary, and punctuation. Complexities of capitalization, transfer of proper names, symbols, and culture-specific vocabulary are also considered.

Keywords: MT, machine translation, text formatting, rules, culture-specific vocabulary problems.

Использование машинного перевода сегодня стало очень востребованной переводческой услугой. Благодаря развитию и обучению нейросетей в классификации переводческих профессий появились редакторы машинного перевода. Процесс редактирования выполненного машиной перевода называется РЕМТ или постредактирование машинного перевода. В процессе РЕМТ переводчик

анализирует исходный текст, вносит необходимые правки и предлагает один или два варианта готового текста. Постредактирование текста отличается от редактирования тем, что в первом случае исходным текстом является перевод, выполненный машиной, а во втором – человеком. [1]. В работах преподавателей факультета лингвистики Самарского университета государственного управления «Международного Института Рынка» Л.В. Молчковой, С.Е. Шабалкиной, Н.А. Шевыриной, О.Ю. Коломийцевой часто затрагиваются различные грамматические [2;3] и лексические аспекты перевода [4;5;6]. А общие теоретические вопросы машинного перевода и практики его преподавания рассматривают наши коллеги из других университетов. В качестве примера можно привести труды Н.В. Нечаевой и С. Ю. Световой [7], а так же процитированного выше Н.А. Худякова [1].

Виды проектов

Тексты, предлагаемые на постредактуру, могут быть самыми разными: новостями, газетами, личными сообщениями или комментариями в социальных сетях, фрагментами из новостных программ, медицинскими публикациями, финансовыми и деловыми документами или относиться к спорту, путешествиям, торговле и т. д.

Некоторые проекты могут требовать одного перевода, в то время как для других понадобится два. В случае необходимости двух переводов, обязательными будут два перевода на основе одного и того же исходного текста и для всех фрагментов задания.

Если проект требует двух переводов, то оба перевода должны сохранять исходное намерение, используя разные слова, структуры и выражения (нельзя просто заменить слово синонимом, это должны быть действительно два разных способа выражения одного и того же).

Перевод 1 должен быть наиболее распространенным. Перевод 2 не должен состоять просто в изменении порядка слов или артиклей, использовании цифр вместо букв или сокращений и т. д. Вы должны выразить то же самое намерение исходного предложения иным образом, чем перевод 1.

Формат текста должен быть согласованным для исходного и целевого языков, если только целевой язык не имеет заранее определенного синтаксиса. **Пример:** перевод 1: Я – Ральф; перевод 2: Меня зовут Ральф.

Синонимы/различные значения/полисемия

В целевом языке слово может менять часть речи и/или иметь различные значения. При редактировании перевода используйте наиболее распространённое значение. **Пример:** *Rat* следует переводить: *Грызун/Вредитель*. Оба эти перевода соответствуют менее распространённому значению «предатель» вместо более распространённого значения «животное». В случае неоднозначности следует выбрать наиболее распространённый перевод или прибегнуть к генерализации. **Пример:** «*America's Got Talent*» (перевод с помощью устоявшегося эквивалента) «*Америка ищет таланты*», (с помощью генерализации) «*телешоу*». Не следует переводить это название как «*В США есть таланты*». При переводе необходимо опираться на контекст, использовать поиск в интернете, специализированные словари и системы контекстного поиска (например, Context Reverso).

Переводной текст не имеет смысла, отсутствует контекст/несвязанные предложения/неполные фрагменты

Если исходное значение слова/словосочетания/предложения понятно (несмотря на незначительные грамматические/орфографические/ стилистические ошибки), следует предложить свой вариант перевода (лучше буквальный) и оставить вопрос в специальной форме, либо дать обратную связь клиенту. Анализ, выполняемый редактором МТ, в данном случае включает в себя поиск максимального количества информации в поисковых системах для уточнения контекста. Если фрагмент, по мнению редактора, не полный, не стоит пытаться догадаться, чем именно заканчивается фраза, нужно максимально эквивалентно поправить предложенный фрагмент и задать вопрос. Если представленный фрагмент остался на языке оригинала (отличном от перевода), необходимости выполнять перевод такого отрывка нет, но обязательно нужно оставить вопрос в форме обратной связи с заказчиком. Есть вероятность, что текст оставлен на языке, отличном от оригинала намеренно (с целью создания особого колорита, в тексте присутствуют названия растений/животных на латыни и т.д.), однако так же это может быть следствием технической ошибки.

Ошибки в исходном тексте

Помимо неперевоенных фрагментов, исходный текст может содержать орфографические или грамматические ошибки, сокращения, свойственные устной речи. При редактировании необходимо сохранить содержание, но исправить перевод

таким образом, чтобы он не содержал языковых или грамматических ошибок. Также необходимо уточнять значения сокращений **Пример:** *how r u'* следует переводить: *Как дела?*

Рекомендации по стилю

В формате РЕМТ рекомендации по стилю включают такие аспекты, как уровень формальности, использование формул вежливости и разговорного языка. Если исходное предложение не предусматривает уровень формальности, его следует переводить в неформальном стиле.

Формулы вежливости/форма обращения/гендер

Вежливый/формальный язык можно использовать только в случаях, когда он более подходит для данного исходного предложения в конкретном контексте и предусмотрен жанрово-стилистическими характеристиками переводного текста. Например, в текстах инструкций необходимо опускать формулы вежливости. **Пример:** при переводе фразы *Please, be extra careful when handling nano SIM-card* следует опускать слово «*please*»: *Будьте внимательны при эксплуатации нано сим-карты.*

Если в исходном языке содержится местоимение, указывающее на гендер, число, необходимо использовать соответствующие формулировки в целевом языке. При выборе гендера необходимо ориентироваться на контекст и употребление местоимений, если пол выяснить не удастся, выражение необходимо обезличить. **Пример:** *I should twice think about it* следует переводить: *Мне следует дважды об этом подумать/Я подумаю об этом дважды*, а не *Я должен/должна дважды об этом подумать.*

Разговорные выражения/слэнг/политически некорректные выражения/обсценная лексика

Если исходное предложение содержит ругательства, политически некорректные выражения, обсценную лексику, нужно руководствоваться тоном оригинала, ориентируясь на техническое задание и жанрово-стилистическую принадлежность. Например, при РЕМТ субтитров к фильмам машинный перевод часто включает грубые выражения, вплоть до мата. При редактировании, согласно законодательству РФ, необходимо «смягчать» выражения до литературной нормы. **Пример:** *Fuck!* следует переводить: *Черт!/ Проклятье!*

Коммерческие названия

Названия компаний и продуктов не должны переводиться, если только компания или продукт не используют другое название на целевом языке; капитализация не должна изменяться по сравнению с принятой для компании капитализацией, даже если принятая для компании капитализация нарушает обычные правила капитализации целевого языка. **Пример:** *Skype* остается *Skype*, а *eBay* остается *eBay*, но «*Diet Coke*» будет переводиться как «*Coca-Cola Light*» для тех стран, где безалкогольный напиток продается под этим названием.

Числа/даты/время/единицы измерения

Форма числа, даты, названия валют должны соответствовать правилам переводящего языка. В случае записи числа цифрами, необходимо сохранять аналогичный формат. **Пример:** *123* оставить *123*, а *two plus two equals four* следует переводить: *два плюс два равно четыре*. При передаче тысяч необходимо убирать знаки препинания и пробел. **Пример:** *123,000* следует переводить: *123000*.

Формат день/месяц/год должен соответствовать нормам переводящего языка.

Пример: *02/15/2015* следует переводить: *15/02/2015*.

Время следует конвертировать согласно нормам, принятым в языке перевода.

Пример: *4am PST* следует переводить: *14.00 GMT+3 MCK*.

Названия валют следует переводить полностью, либо использовать соответствующие аббревиатуры. **Пример:** *125 долларов США за ужин* следует переводить: *125 долларов США / 125 долларов США*.

При редактировании машинного перевода необходимо делать конвертацию в соответствующую языку метрическую систему **Пример:** *6 inches* следует переводить: *15,24 см*, а *75 Fahrenheit* следует переводить: *25 градусов Цельсия*.

Пунктуация/специальные символы

При редактировании машинного перевода, важно придерживаться норм пунктуации переводящего языка. Сохраняются специальные символы: значки валют (\$), упоминания и хэштеги (@, #). Несвойственные языку перевода знаки пунктуации меняются на соответствующие правилам пунктуации знаки целевого языка. В междометия добавляются дефисы. **Пример:** *Hey!!! What are you doing there..? Agrh!* следует переводить: *Эй! Что ты там делаешь?! Ай-ай-ай!*

В данной статье мы рассмотрели наиболее часто встречающиеся сложности при редактировании машинного перевода, а именно: частные случаи перевода дат, названий валют, коммерческих названий. Кроме того, мы уделили внимание стилистическим аспектам, вопросам перевода обесцененной лексики и формул вежливости. Коснулись пунктуации и специальных символов, а так же привели примеры решения задач с полисемией и выхода из ситуаций, когда текст совершенно не имеет смысла. Однако затронуты были далеко не все аспекты и вопросы данного вида переводческой деятельности. Основные рекомендации для редактора машинного перевода: ориентироваться на техническое задание клиента, правила и нормы переводящего языка и консультироваться с заказчиком по вопросам, которые выходят за рамки его компетенции.

Список литературы

1. Худяков, Н. А. Постредактирование машинного перевода: теоретические аспекты / Н. А. Худяков // Филологический аспект. – 2019. – № 1(45). – С. 232-239.
2. Коломийцева, О. Ю. Способы реализации категории полимодальности в англоязычном Инстаграм-дискурсе / О. Ю. Коломийцева, А. Н. Москалева // Вестник Международного института рынка. – 2021. – № 2. – С. 115-125.
3. Шабалкина, С. Е. Текстобразующая функция прилагательных RED, BLUE, WHITE в семантическом пространстве текстов англоязычной прозы / С. Е. Шабалкина, Н. А. Шевырина // Вестник Международного института рынка. – 2022. – № 1. – С. 129-136.
4. Григорьева, Д. В. Лексико-семантические поля в рекламных слоганах Coca-Cola и Pepsi / Д. В. Григорьева, Л. В. Молчкова // Вестник Международного института рынка. – 2022. – № 1. – С. 113-117
5. Молчкова, Л. В. Тематическое поле наименований молодежных субкультур: структура, семантика, перевод / Л. В. Молчкова, С. Е. Шабалкина, Н. А. Шевырина // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 4(35). – С. 164-173.
6. Шабалкина, С. Е. Синтаксические функции имен действия / С. Е. Шабалкина, Н. А. Шевырина // Вестник Международного института рынка. – 2021. – № 2. – С. 148-153.
7. Нечаева Наталья Викторовна, Светова Светлана Юрьевна Постредактирование машинного перевода как актуальное направление подготовки переводчиков в вузах // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2018. – №25. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postredaktirovanie-mashinnogo-perevoda-kak-aktualnoe-napravlenie-podgotovki-perevodchikov-v-vuzah> (дата обращения: 17.04.2023).

УДК 81.25

Терентьева Д.М. Языковая личность в аспекте концепции когнитивных стилей

Терентьева Дарья Михайловна

преподаватель-исследователь кафедры лингвистики и иностранных языков
ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»
РФ, г. Калуга
terentyevadaria@yandex.ru

Linguistic personality in terms of the concept of cognitive styles

Terentyeva Daria Mikhailovna

teacher-researcher at the Department of linguistics and foreign languages
Tsiolkovsky Kaluga State University, Russian Federation, Kaluga

Аннотация. В статье анализируется языковая личность с точки зрения концепции когнитивных стилей. Исследуются особенности продуцирования текста носителей когнитивного стиля 'когнитивная простота / сложность' на родном (русском) языке как результат реагирования на исходный англоязычный текст на базе собственного эксперимента, участниками которого являются студенты КГУ им. К.Э. Циолковского, приблизительно однородные по социумно-возрастным параметрам. Анализ производится на основе многоуровневой теории языковой личности; приведены результаты, полученные на субстанциональном уровне. Целью исследования является установление особенностей вербального поведения в зависимости от когнитивного стиля. Выявленные языковые черты позволяют построить типологию когнитивно сложной и когнитивно простой языковой личности.

Ключевые слова: когнитивный стиль, языковая личность, языковая черта, когнитивно сложный, когнитивно простой, англоязычный текст.

Abstract. The article analyses the linguistic personality in terms of the concept of cognitive styles. The peculiarities of text production of the bearers of cognitive style 'cognitive simplicity / complexity' are explored. The analysis is carried out on the basis of a multi-level theory of linguistic personality; the results of a substantive level are presented. The purpose of the study is to establish the characteristics of verbal behavior depending on the cognitive style. The identified linguistic features let to construct a typology of cognitively complex and cognitively simple linguistic personality.

Keywords: cognitive style, linguistic personality, linguistic feature, cognitively complex, cognitively simple.

В настоящее время в лингвистике активно развивается лингвокогнитивное стилевое направление, целью которого является изучение речевого поведения личности в зависимости от ее когнитивного стиля [1, с. 42]. Под когнитивным стилем понимаются «индивидуально-своеобразные способы переработки информации» [2, с. 16], особенности восприятия, оценки, структурирования и прогнозирования, определяющие специфику интеллектуального поведения человека. Ключевым

аспектом когнитивно-стилевого подхода является безоценочное представление интеллектуальных характеристик человека: исследуется привычный подход к решению задач, а не уровень интеллектуального развития.

Настоящее исследование посвящено изучению особенностей построения текста личностью в зависимости от её когнитивного стиля. Центральным понятием исследования является языковая личность, под которой, вслед за С.А. Сухих, понимается «сложная многоуровневая система», включающая три уровня: экспонентный (языковая компетенция), субстанциональный (способы развития темы, тезаурус) и интенциональный (коммуникативная компетенция) [3, с. 109]. В данной концепции на каждом уровне языковой личности описаны специфические языковые черты – «устойчивые и повторяющиеся особенности вербального поведения» [там же], благодаря которым возможно построение типологии языковой личности. Особенности построения создаваемого текста, использование определенных языковых единиц находят выражение в языковых чертах языковой личности, которые обусловлены реализацией наиболее предпочитаемых и привычных способов выражения мысли, т. е. когнитивным стилем [4].

В ходе исследования был проведен эксперимент, направленный на выявление особенностей построения вторичного текста в результате реагирования на исходный (первичный) текст на английском языке когнитивно сложными и когнитивно простыми личностями. В исследовании приняло участие 200 студентов КГУ им. К.Э. Циолковского 3-4 курсов возраста 19-22 лет, обучающихся на направлениях подготовки института Лингвистики и мировых языков. Распределение респондентов по полюсам когнитивного стиля 'когнитивная простота / сложность' осуществлялось с помощью репертуарного теста Дж. Келли. В результате диагностики установлено: 84 испытуемых являются когнитивно сложными, 97 – когнитивно простыми и 19 – носителями смешанного стиля. После этого респондентам был предложен для прочтения отрывок из произведения классической художественной литературы (Ч. Диккенс «David Copperfield» [8, р. 76]) на английском языке (первичный текст), на основе которого требовалось составить собственный (вторичный) текст.

Объектом настоящего исследования является когнитивно сложная и когнитивно простая языковая личность, предметом – специфические особенности передачи содержания исходного текста, т. е. языковые черты. Материалом послужили полученные в результате эксперимента работы – письменные тексты, относящиеся к реактивному дискурсу. Под реактивным дискурсом понимается деятельность, направленная на передачу содержания предложенного англоязычного текста

посредством построения собственного текста на родном (русском) языке в явной опоре на исходный текст; при этом от респондентов не требовалось производить аргументацию, выражать свою точку зрения, делать выводы. Методы исследования: метод репертуарного теста Дж. Келли, описательный метод, количественный и сопоставительный анализ, эксперимент. В работе используется номотетический подход, направленный на выявление общих, регулярных и универсальных речемыслительных механизмов [5] когнитивно сложных и когнитивно простых личностей.

В настоящей статье рассмотрены результаты анализа языковой личности на субстанциональном уровне, на котором С.А. Сухих выделяет следующие языковые черты: 'конкретность', 'абстрактность', 'аналитичность', 'синтетичность'. Следует отметить, что данная концепция разрабатывалась на материале текстов аргументативного дискурса, однако в настоящем исследовании рассматривается реактивный дискурс: создание собственного текста на родном языке после прочтения исходного текста на иностранном языке. В отличие от изучения языковой личности на материале диалогов, исследование на материале сопоставления первичного и вторичного текстов подразумевает выявление определенных межъязыковых преобразований, осуществленных в процессе создания собственного текста на основе предложенного исходного текста [6]. В связи с исследованием иного типа дискурса, экспериментальным путем были выявлены языковые черты 'ассоциативность' и 'противоположность', которые были добавлены в концепцию. Далее рассмотрены конкретные проявления языковых черт в текстах респондентов.

1. Языковая черта 'конкретность' выражается в употреблении единиц с более узкой сферой референции в процессе создания текста. В настоящем исследовании данную языковую черту в большей степени проявили когнитивно сложные личности. Выявлены следующие примеры проявления:

1.1. конкретизирующая синекдоха (замена целого частью): передача слова **arm** как **ладони, локти**, что является составной частью целого **рука**; передача слова **mouth** как **губы**, что является составной частью целого **рот**;

1.2. конкретизация предмета при повторной номинации: "Did she make 'em, now?" [8, p. 76] – местоимение **them ('em)**, обозначающее упомянутую ранее выпечку ("I offered him **a cake**" [там же]), конкретизировано в текстах респондентов: **пирог, кекс, торт, пирожное, лепешка, сочник**;

1.3. конкретизация значения действия: предикат состояния *had* (“*she never had a sweetheart*” [там же]) конкретизирован в предложенных текстах: *она не встречается / не дружит / не знакомится с парнями.*

2. Языковая черта ‘абстрактность’ проявляется в употреблении единиц с более широкой сферой референции и в большей степени присуща когнитивно простым респондентам:

2.1. генерализирующая синекдоха (замена части целым): передача слова *mouth* как *лицо, гримаса, физиономия*, что является целым по отношению к части *рот*;

2.2. генерализация значения предмета:

“*Do she though?*” said *Mr. Barkis* [там же] – “*Неужели она?*” – сказал *извозчик / кучер / мужчина...*

имя собственное (*мистер Баркис*) заменено на лексические единицы с более общим значением: *извозчик, кучер, мужчина.*

3. Языковая черта ‘аналитичность’ выражается в детализации исходной ситуации; данную языковую черту в большей степени проявляют когнитивно сложные личности:

3.1. добавление модального предиката: “*he made up his mouth as if to whistle*” [там же] – *он скривил губы, будто собирался / хотел свистнуть;*

3.2. добавление частиц: “*but sat looking at the horse’s ears*” [там же] – *а лишь сидел и смотрел на лошадиные уши;*

3.3. добавление числового квантора: “*he wanted something else to eat*” [там же] – *он хотел еще один пирожок / еще парочку пирожных.*

4. Языковая черта ‘синтетичность’ выражается в опущении некоторых элементов смысла, присутствующих в оригинальном тексте. Данная языковая черта присуща когнитивно простым личностям:

4.1. опущение сирконстанты образа действия: “*and had pointedly alluded to that*” [там же] – *и делал на это намек;*

4.2. опущение повторяющихся предикатов: “*he made up his mouth as if to whistle, but he didn’t whistle*” [там же] – *он скривил лицо как будто для свиста;*

4.3. опущение целых ситуаций: “*and sat so for a considerable time. By-and-by, he said*” [там же] – *и просидел так некоторое время.*

5. Языковая черта ‘ассоциативность’ проявляется в применении приема логического развития в процессе преобразования смысловых элементов исходного текста. Данная языковая черта выявлена на материале реактивного дискурса и

уточняет концепцию С.А. Сухих. Название «ассоциативность» обусловлено понятием «ассоциации», при котором один элемент в процессе мышления оказывается связанным с образом другого элемента. Данная языковая черта присуща когнитивно сложным респондентам. В основе анализа лежит система типов логического развития Я.И. Рецкера [7, с. 52]:

5.1. замена процесса следствием:

“no person **walks** with her?” [8, р. 76] – она **одна** все время? / она постоянно **одна**?

Процесс (человек, который с ней гуляет) заменен на следствие (она все время **одна**);

5.2. замена следствия причиной: “and had pointedly **alluded to that description of refreshment**” [там же] – ...и просто **ошибся с названием блюда**;

5.3. замена процесса признаком: “and **sat** so for a considerable time” [там же] – и довольно долго **находился в одном и том же положении / оставался в том же положении**: процесс (сидение) заменен на признак (неподвижность).

6. Языковая черта ‘противоположность’ выражается в применении приема антонимического перевода. Данная языковая черта выявлена экспериментальным путем на материалах реактивного дискурса и в большей степени присуща когнитивно сложным личностям. Проявление языковой черты ‘противоположность’ состоит в заменах отрицательных конструкций на утвердительные и наоборот:

“he made up his mouth as if to whistle, but he **didn’t whistle**” [там же] – он сложил губы, словно хотел присвистнуть, но **раздумал свистеть**.

Таким образом, выявленные экспериментальным путем языковые черты позволяют построить типологию когнитивно простых и когнитивно сложных языковых личностей на субстанциональном уровне. Цель исследования достигнута: установлены особенности вербального поведения при построении собственного текста носителей когнитивного стиля ‘когнитивная простота / сложность’. Когнитивно простая личность характеризуется языковыми чертами ‘абстрактность’ и ‘синтетичность’, а когнитивно сложная – ‘конкретность’, ‘аналитичность’, ‘ассоциативность’ и ‘противоположность’. Важно отметить проявление дополнительных языковых черт (‘ассоциативность’ и ‘противоположность’), которые проявились в реактивном дискурсе и не были описаны ранее в аргументативном дискурсе.

Список литературы

1. Мкртычян С.В. Стилистическая проблематика в современной лингвистике // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2022. №2 (73). С. 37-45.
2. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб.: Питер, 2004. – 384 с.
3. Сухих С. А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: дис. ... докт. филол. наук. – Краснодар: Кубанск. гос. ун-т, 1998. – 257 с.
4. Степанова И.А. О языковых чертах вторичной вербализации текста: когнитивно-стилевой параметр // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. Т. 31. Вып. 5, 2021. С. 1005-1009.
5. Сухих С.А. Лингвopsихологические параметры языковой личности // Проблемы лингвистической семантики и прагматики языковых единиц разных уровней: доклады Международной научной конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Ольги Павловны Ермаковой / отв. ред. А.Н. Ерёмин. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2023. С. 341-347.
6. Павленко А.И., Васильев Л.Г. Применение семантико-структурного подхода в исследовании языковой личности переводчика // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2022. №2 (73). С. 185-191.
7. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Р. Валент, 2007. – 244 с.
8. Dickens Charles. David Copperfield. Wordsworth Edition Limited, 2000. – 750 p.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ

УДК 81'373.211

ББК 81.031.6

**Кокова Л.Д., Кокова Б.Д. Кабардино-черкесские фамилии на Великом
шелковом пути**

Кокова Лейла Джамалдиновна

кандидат филологических наук, доцент, заведующая лабораторией ономастики и социально-политических исследований Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, г. Нальчик
kokovaleila@yandex.ru

Кокова Бэла Джамалдиновна

Профессор кафедры фортепиано и методики
Северокавказского государственного института искусств, г. Нальчик
belakokova@yandex.ru

Kabardino-Circassian surnames on the Great Silk Road

Kokova Leila Jamaldinovna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory of Onomastics and Socio-Political Studies of Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik

Kokova Bela Jamaldinovna

Professor of the Piano and Methodology Department of the North Caucasian State Institute of Arts, Nalchik

Аннотация. Обзору одного из уникальных разделов антропонимики – фамилий, образованных от географических названий, посвящено данное исследование. Уникальность этого пласта антропонимов, в частности кабардино-черкесских, определяется тем, что первые носители этих фамилий посещали страны, которые либо уже не существуют, либо сменили свое название. Часть фамилий сохранила древние названия государств и цивилизаций и тем самым позволяет глубже проникнуть в их историю. В частности, речь идет о фамилии Маргушевы, которая не является традиционной для кабардино-черкесского антропонимикона

Ключевые слова: Оним, апеллятив, прозвище, фамилия, топоним, антропоним, страна, путешествия

Abstract. This study is devoted to the review of one of the unique sections of anthroponymy – surnames formed from geographical names. The uniqueness of this layer of anthroponyms, in particular kabardino-circassian, is determined by the fact that the first bearers of these surnames visited countries that either no longer exist or changed their name. Some of the surnames have preserved the ancient names of states and civilizations and thus allow us to delve deeper into their history

Key word: Onym, appellative, nickname, surname, toponym, anthroponym, class, country, travel

*«Топонимика - есть язык земли, а
земля есть книга, где история
человечества записывается в
географической номенклатуре»*

Н.И.Надеждин

Статья посвящена одному из самых интересных разделов кабардино-черкесской антропонимики - фамилиям, образованным от географических названий.

Объектом исследования является часть фамилий, не имеющая толкования в кабардино-черкесском языке, но при этом прямо указывающая на иное их происхождение.

Результаты исследования имеют прикладное значение, заключающееся в пополнении топонимических и антропонимических словарей.

Изучение этой группы антропонимов продолжается и перечень таких фамилий будет пополняться.

Сам факт образования некоторых наших фамилий по словам, указывающим на отдаленные во времени и пространстве именованию, не является чем-то невероятным.

При этом следует особо оговорить, что параллель в названии страны и фамилии (имени) не следует понимать так, что носитель фамилии или имени когда-то пришел из этой страны. Хотя такие факты тоже имели место. Любое понравившееся слово (особенно звучное, короткое, нетрудное для произнесения), может стать именем, а затем - и фамилией.

Каждая из однозвучных параллелей заслуживает отдельного исследования. И нет уверенности в том, что все фамильные имена раскроют свои тайны. И все же некоторые из таких параллелей привлекательны.

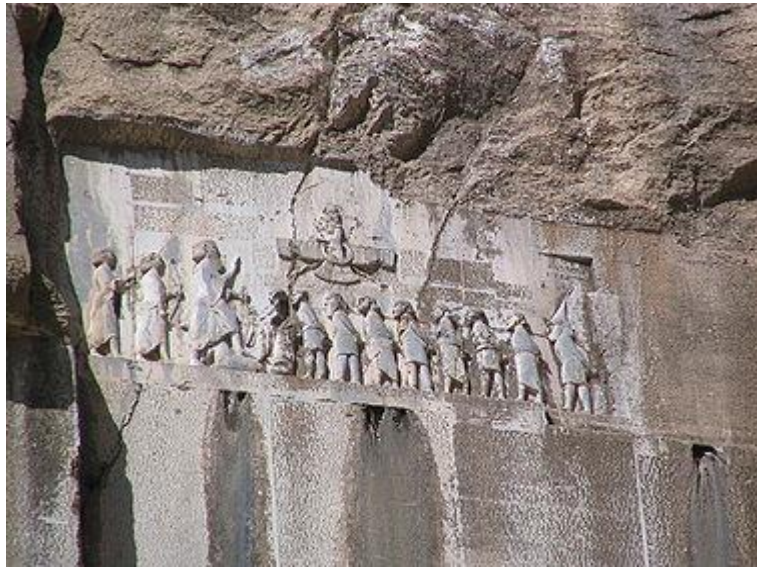
Рассмотрим некоторые фамилии.

Не представляется случайным созвучие современной кабардинской фамилии **Маргъуц (Маргуш)** в десяти селениях КБР с названием страны Маргуш между Индией и Ираном на Великом Шелковом Пути.

О стране Маргуш повествует Авеста - др.-иранское религиозное собрание книг 1-го тысячелетия до н.э.

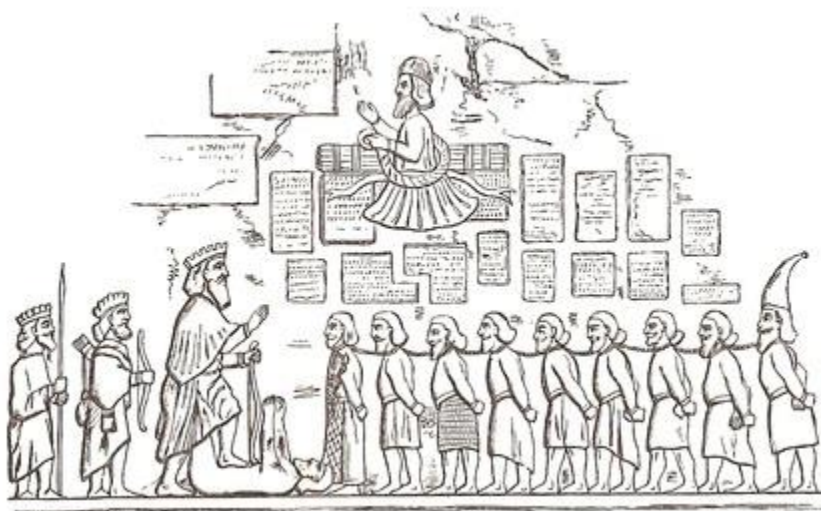
Известный иранист и кавказовед Василий Иванович Абаев принимал участие в прочтении текста на барельефе: «Говорит Дарий-царь: Пока я был в Вавилоне,

следующие страны от меня отложились: Персия, Элам, Мидия, Ассирия, Египет, Парфия, Маргиана, Саттагидия, Сака...» [1, с.1-4].

Бехистунская надпись

Это фрагмент надписи, высеченной по распоряжению Дария I на скале Бехистун на западе современного Ирана. У подножия скалы проходила оживлённая дорога, соединявшая крупные города Вавилон и Экбатану, и узнать о деяниях царя, которому благоволил зороастрийский бог Ахурамазда, мог каждый из множества путников. Не заметить её нельзя: высота надписи составляет 15 м, ширина — 25 м, а выбита она на высоте 105 м. На барельефе изображены сам Дарий, поверженный маг Гаумата, благословляющий правителя Ахурамазда, побеждённые мятежники со связанными за спиной руками и двое верных царю воинов. В 2006 году Бехистунская надпись получила статус объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Некоторые из этих названий стран, звучавших задолго до нашей эры, до сих пор отзываются в ономастических системах современных стран.

Наличие у названия **Маргуш** родственных вариантов **Маргиана** и **Мерв** мешает выделению в слове **Маргуш** кабардинского слова гъущІ «железо». К тому же в кабардинской фамилии Маргъущ нет слова гъущІ «железо».

Если в кабардинской фамилии выделить элемент гъущ, то это будет значить не «железо», а корень слова **гъущ-ын** «сохнуть». Эти и другие причины позволяют видеть в фамилии **Маргъущ (Маргуш)** отголосок названия средневекового города **Маргуш**.

Считается установленным, что в авестийских летописях VIII-VI веков до нашей эры упоминалось это название, пользовавшееся такими эпитетами как «мать городов Херосана», «город, на котором держится Вселенная». Именно в этом городе жили и творили Омар Хайям, Ас-Самани и другие деятели Средневековья.

Известный топонимист Э.М.Мурзаев в «Словаре народных географических терминов» пишет: «Маргиана - древняя страна, орошаемая водами этой реки. «Древнее название реки, переданное греками в форме **марг**, ещё долго сохранились в мусульманское время, и только впоследствии, вероятно, под влиянием народной этимологии в первом слого появилось гласный звук **у** (Мургаб «птичья река»). От названия реки было также образовано название местности Маргуш в древнеперсидских надписях, Маргиана у греков [2, с. 362].

«Форма марг встречается во многих топонимических образованиях и означает «поляна, луг» (тадж., перс., афган., иран.). В живом таджикском языке форма марг забыта, но хорошо сохранилась в сложных словах и топонимах: Маргзор, Мургаб, Маргидар, Маргузар, Маргилан. «Сюда же река Мургаб в Туркмении. Маргиана – древняя страна, орошаемая водами этой реки" [2, с. 362]. «Древнее название реки, переданное греками в форме марг, еще долго сохранялось в мусульманское время, и только впоследствии, вероятно, под влиянием народной этимологии в первом слого появилось гласный у (Мургаб – «птичья река»). От названия реки было также образовано название местности Маргуш в древнеперсидских надписях, Маргиана у греков» [2, с. 3].

Несмотря на то, что письменные памятники Маргианы (Маргуша) ещё не найдены, ученые надеются на новые открытия в песках современных Каракумов. Об этих надеждах говорит название конференции, которую провели в 2006 году специалисты из России, США, Индии и Японии «Древняя Маргиана - новый центр мировой цивилизации».

А наша фамилия **Маргъуц** (Маргуш) к этой цивилизации имеет отношение, пусть далекое, но несомненное. Такова проникающая сила слова, ставшего наименованием.

Нам уже приходилось писать о том, что название удаленной страны или города у нас становится фамилией: каб. **Мысрокуэ** (Мисроко) - буквально значит **сын** (человека по имени) **Мысыр**.

А **Мысыр** - это Египет. Или **Къер** (Каиров) - по столице Египта **Каир**.

Кабардинскую фамилию **Мыд** (Мидовы) трудно оторвать от исторического названия области Мид-Йя в Северо-Западном Иране. Подобные названия порой опираются на исторические сведения о том, откуда пришли родоначальники. Так, **Крымовы** в селениях Малка и Камлюко сохранили память о своих родоначальниках из полуострова Крым. В этом случае образовались даже производные формы от фамилии Крым: Крымшокаловы, Крымкуковы. [3, с.22-23].

Несомненна связь между названиями Мыщхъыдж (ручьи близ горы Нартан) и Мешхед - город в Иране. Последний в персидском значит «надгробие» [4, с.266].

Известны и другие случаи переноса названий стран Востока, целых цивилизаций в кабардино-черкесскую антропонимию, топонимию и даже микропонимию.

Фамилия **Шам** (Шамовы) распространена в селениях Нартан, Яникой, в городах Баксан, Нарткала. В книге проф. Кокова Дж.Н. «Из адыгской (черкесской) ономастики» эта фамилия снабжена указанием: «из араб. «Сирия», «Дамаск» [5, с.217]. А в самом арабском языке Эш-Шам имеет более конкретное значение - «левый» (по отношению к Мекке), если стоять перед ней).

Если привести другие фамилии от апеллятива **шам**, то они не имеют отношения к географии, но представляются достаточно интересными.

Н.А.Баскаков приводит форму Шамин, которая впервые встречается в Гербовнике 1741 года. Происхождение фамилии, по мнению ученого, представляется спорным и представлено двумя версиями. Возможно, в основе лежит русское прозвище Шама – Шамоня, «тот, кто говорит с шамканьем, шамкает» [6, с.138]. К форме Шама присоединяется суффикс –ин. Так образуется фамилия Шамин.

Согласно исследованиям М.Фасмера, в основе этой фамилии лежит апеллятив **шам** «сор, дрянь» [7, с.401]. Но эта версия менее правомерна.

А наиболее вероятной представляется вышеупомянутая версия о восточном происхождении фамилии Шамин. Согласно ей, по мнению Баскакова, эта фамилия «... восходит к основе šam «Дамаск» и šamī «происходящий из Дамаска», или, что

менее вероятно, к турец. *şama* «светильник, святильня» < араб *šam'a* и, наконец, к *šama - šama* «мощь, сила, которая необходима для исполнения чего-либо; оценка по глазомеру» > «тот, кто оценивает по глазомеру» ... с присоединением суффикса –ин > Шамин» [6, с. 138].

В Словаре русских фамилий В.А.Никонова нет фамилии Шамо́в. Встречается только форма Шамшу́рин. «вероятная этимология из шамшура – «женская теплая шапочка, чепчик» [8, 164].

М.Фасмер трактует апеллятив **шам** как «сор, дрянь», вологодское (Даль), олонекское и кадниковское **шамье** «остатки сгнивших растений», шамить – «сорить деньгами, мотать» (Даль) [7, с.401].

Заключение

Это лишь часть кабардино-черкесских фамилий, свидетельствующих о древней истории адыгских антропонимов и о далеких путешествиях их носителей, в том числе и по Великому шелковому пути. Исследование, безусловно, будет продолжено и кабардино-черкесский антропонимикон пополнится новыми онимами, в том числе и не имеющими толкования в адыгских языках.

Список литературы

1. Kent R. Old Persian. New Haven, 1950 (перевод с древнеперсидского).
2. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. Москва, «Мысль», 1984.-653 с.
3. Коков Дж.Н., Кокова Л.Дж. Кабардино-черкесские фамилии, Нальчик, «Эльбрус», 1993.-208 с.
4. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М. «Мысль», 1966.-509 с.
5. Коков Дж.Н. «Из адыгской (черкесской) ономастики». Нальчик, «Эльбрус». 1983.- 304 с.
6. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. Москва. Наука. 1979.-279 с.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т IV. М., Прогресс, 1973. - 853 с.
8. Никонов В.А. Словарь русских фамилий. Москва Школа – Пресс, 1993.-224 с.
9. Сарияниди В. И. Древности страны Маргуш / АН ТССР. - Ашхабад : Ылым, 1990. – 313 с.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 830(091)

Малащенко В.В. Нарративная стратегия в романе К. Вольф «Медея: голоса»

Малащенко Владимир Владимирович

канд. филол. наук, доцент образовательно-научного кластера (ОНК) «Институт образования и гуманитарных наук», Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, РФ, г. Калининград
vladmalkbg@yandex.ru

Erzählstrategie im Roman von K. Wolf "Medea: Stimmen"

Malashchenko Vladimir Vladimirovich

Cand. Sci. (Philology.), Associate Professor of the Educational and Scientific Cluster (ESC) "Institute of Education and Humanities", Immanuel Kant Baltic Federal University
Russia, Kaliningrad

Аннотация. На материале романа К. Вольф «Медея: голоса» исследуется нарративная организация произведения и уникальная связь повествовательного и драматургического материала. В статье прослежена история прецедентных текстов, приведен анализ взглядов исследователей на жанровую парадигму романа и определена жанровая природа произведения как неомифологического романа-реконструкции. Основные результаты: выделяются и описываются характерные особенности нарративной стратегии, определяются и исследуются основные типы нарраторов-главных героев: Медеи – как эксплицитного первичного диегетического нарратора и Ясона – как эксплицитного вторичного диегетического нарратора. Доказывается, что паратекстуальные элементы – эпиграфы к главам, расширяют нарративную стратегию романа введением восьми дополнительных «голосов» античных и современных зарубежных авторов, выступающих либо на стороне Медеи, либо – Ясона. В заключение раскрывается идея о том, что К. Вольф кодирует и маркирует разрушение устойчивых идеологем и мифологем, деконструируя и заново интерпретируя архетипическую конструкцию мифологического сюжета о Медее, снимая с героини все обвинения.

Ключевые слова: К. Вольф, Медея, нарративная стратегия, жанр, неомифологизм, роман-реконструкция.

Abstract. Based on the material of the novel "Medea: Voices" by K. Wolf, the narrative organization of the work and the unique connection between narrative and dramatic material are explored. The article traces the history of precedent texts, provides an analysis of researchers' views on the genre paradigm of the novel, and defines the genre nature of the work as a neo-mythological reconstruction novel. Main results: the characteristic features of the narrative strategy are identified and described, the main types of narrators-protagonists are identified and studied: Medea – as an explicit primary diegetic narrator and Jason – as an explicit secondary diegetic narrator. It is proved that paratextual elements – epigraphs to chapters, expand the narrative strategy of the novel by introducing eight additional "voices" of ancient and modern foreign authors, speaking either on the side of Medea or Jason. In conclusion, the idea is revealed that K. Wolf encodes and marks the

destruction of stable ideologemes and mythologemes, deconstructing and reinterpreting the archetypal structure of the mythological plot of Medea, removing all accusations from the heroine.

Keywords: K. Wolf, Medea, narrative strategy, genre, neomythologism, reconstruction novel.

В отечественном литературоведении исследованию женской немецкоязычной прозы посвящен ряд работ И. Млечиной, Т. Чумаковой, К. Верхозиной, О. Подъяпольской, О. Савиных и других авторов. А.Э. Воротникова в диссертации «Гиноцентрические романы Германии и Австрии 1970-1980-х гг.» вводит в научный оборот заимствованный из гендерных работ новый термин *гиноцентризм*, который «трактруется как идейно-эстетический принцип воссоздания и осмысления бытийной диалектики, реализующийся через обращение к доминантному в художественно-концептуальной системе произведения образу женщины» [3, с. 4].

Роман Кристи Вольф (1929-2011) «Медея: голоса», вышедший в 1996 году, продолжает неомифологическую тематику, заданную писательницей в романе «Кассандра» (1983), жанр последнего А. Воротникова определяет как «гиноцентрический роман-мифорецепция» [3, с. 30]. Критики до сих пор не пришли к однозначному определению жанровой природы романа «Медея». Т. Чумакова определяет его как роман-трагедию, «роман – миф – драма» [9, с. 62], А. Воротникова видит в нем черты антиутопии [4, с. 152], О. Подъяпольская – роман-демифологизацию [7, с. 258], П. Ивлиева – «гиноцентрический роман» [5, с. 186], О. Савиных – акцентирует интермедийные и кинематографические черты [8], В. Андреева – «неомифологический роман» [2, с. 4]. На наш взгляд, жанровая природа романа «Медея» К. Вольф представляет собой неомифологический роман-реконструкцию.

Заглавие романа «Медея» отсылает реципиента к конкретному мифу и вызывает у него целый ряд стереотипных ассоциаций. Обратившись к основному сюжету мифа, К. Вольф декодирует и переосмысливает хрестоматийно-канонические события.

Длинный шлейф *обвинительного приговора* тянется за образом Медеи из древнегреческой мифологии. Медея – дочь царя Колхиды Ээта и океаниды Идии (или хтонической богини Гекаты, богини мрака и колдовства). В мифе об аргонавтах она представлена как злая волшебница, убийца своего младшего брата Апсирта, которая впоследствии убивает своих сыновей от Ясона – Мермера и Ферета, желая отомстить мужу за супружескую измену, так как Ясон из корыстных побуждений решает жениться на коринфской принцессе Главке (Креусе). Перед убийством своих сыновей

Медея убивает Главку и ее отца Креонта, царя города Коринф. По другому варианту мифа Апсирт был убит Ясоном, а детей Медеи убивают жители Коринфа, которые мстят Медее за смерть Главки.

Негативный образ Медеи, убийцы собственных детей, создает Эврипид во второй, окончательной редакции трагедии «Медея» (431 г. до н.э.). Греческий трагик делает акцент на человеческих чувствах героини – ревности, страданиях, гордости и ненависти Медеи к Ясону, поскольку она глубоко переживает предательство своего мужа и хочет, чтобы страдание и боль испытал также и он. В эксоде трагедии в диалоге с Ясоном Медея говорит об этом прямо:

«МЕДЕЯ ...Кронид – отец
Все знает, что я вынесла и что
Я сделала. Тебе же не придется,
Нам опозорив ложе, усладить
Себе, Ясон, существованье, *чтобы*
Смеялись над Медеей. Ни твоя
Царевна, ни отец, ее вручавший,
Изгнать меня, как видишь, не могли.
Ты можешь звать меня как хочешь: львицей
Иль Скиллою Тирренской; *твоего*
Коснулась сердца я и знаю – больно...»

.....

Ясон О дети, вы злодейкой рождены.

Медея И вас стубил недуг отцовский, дети.

ЯСОН Моя рука не убивала их.

МЕДЕЯ Но грех убил и новый брак, невинных.

ЯСОН Из ревности малюток заколоть...

МЕДЕЯ Ты думаешь, для женщин это мало?» [12, с. 118].

По авторитетному мнению С. Аверинцева в Древней Греции женщина, не подчиняющаяся мужчине, «может выступить лишь как персонаж трагедии, наделенной чертами преступницы (Клитемнестра у Эсхила) или иноземки-ведьмы (Медея у Еврипида)» [1, с. 281].

Луций Сенека в своей трагедии «Медея» (62 г.) во многом «отталкивается» от трагедии Эврипида в изображении Медеи. Но она выведена у Сенеки как мстительная злая колдунья, охваченная всепоглощающим желанием мести к Ясону. Образ чародейки и безумной жрицы Медеи, которая осуществляет свою месть Ясону и

убивает их общих детей, отравляя также его невесту – Главку, возникает и в стихотворении Валерия Брюсова «Медея» (1903,1904 гг.):

«На позлащенной колеснице
Она свергает столу с плеч
И над детьми, безумной жрицей,
Возносит изощренный меч» [10, с. 95].

Криста Вольф в своем романе прерывает длинную череду обвинений и выносит героине оправдательный приговор. Также как в романе «Кассандра», в романе «Медея: голоса» женщина выступает главной темой произведения, она является онтологически-аксиологическим центром художественного мира и центром гравитации всего романного целого, аккумулируя в себе все его смыслы и подчиняя себе всю тематику.

По точному наблюдению А. Воротниковой «женский внутренний мир не автономен, он призма, сквозь которую высвечивается неблагоприятное мироощущение» [3, с. 14]. Нельзя не согласиться с очевидным мнением О. Савиных, что Медея у Кристи Вольф изображена как «жертва клеветы, она не совершала преступлений. Единственная ее вина – способность сохранять цельность, умение быть верной своей натуре» [8, с. 84].

Реабилитация Медеи охватывает главные уровни структуры произведения – идейно-тематический, сюжетно-композиционный, нарративный. По форме начало романа напоминает драматический текст, поскольку открывается традиционным списком действующих лиц с выделением главных, второстепенных персонажей и краткими сведениями о них. Здесь прочитывается явная стилизация, сознательная отсылка читателя к прецедентным текстам Эврипида и Сенеки. Дальнейший текст это совпадение отторгает, поскольку главный элемент драмы – действие, не является таковым у К. Вольф. В романе представлены не герои в действии, а их рецепция, рефлексия и рассуждения по поводу происходивших или наступающих событий. Например, Медея в начале первой главы, пытаясь привести свои мысли в порядок, обращается к богам и своей матери: «Помогите же, помогите мне выбраться из этого колодца, прочь от этого лязга в моей голове, почему я слышу бряцание оружия, неужто они все еще бьются, мама, кто, с кем, мои колхидцы, <...> или просто там, где я, оружие бряцает всегда и с каждым разом все громче?» [11]. Ясон во второй главе, рассуждая о своем положении в Коринфе, приходит к очевидности вины Медеи во всех своих бедах: «Эта баба меня погубит. Как будто я всегда этого не знал» [11].

Паратекст, подзаголовок романа «Голоса», определяет композиционную и нарративную структуру произведения. На композиционном уровне роман состоит из

небольшого вступления («Голоса») и 11 глав-фрагментов, названных именем одного из шести главных героев и выстроенных по драматическому принципу как сценические эпизоды.

На нарративном уровне коммуникативное пространство романа представлено шестью эксплицитными диегетическими нарраторами: Медеи (1, 4, 8, 11 главы), Ясона (2, 9 главы), Агамеды (3 глава), Акама (5 глава), Главки (6 глава), Леукона (7, 10 главы). Главными из шести нарраторов выступают первичный диегетический нарратор – Медея, и вторичный диегетический нарратор – Ясон.

Каждый голос-глава структурирована как солилоквий, а, временами, как поток сознания этих шести главных героев. Вольф обращается к внутреннему миру героев, фрагментарно организовывая ретроспективный событийный ряд, выстраивающийся в сознании реципиента в сюжетную последовательность. Подобная нарративная стратегия позволяет К. Вольф дать максимально полную картину событий и психологических состояний как главных героев, так и других ключевых персонажей романа. В мифе, как в последствии и в его наследнике, эпосе, нарративная стратегия предполагает ауториальную ситуацию, то есть осуществляется от 3-го лица. К. Вольф в романе кардинально меняет стратегию, устраняясь из повествуемого мира как всеведущий автор, и структурируя Я-повествование от 1-го лица, что ломает линейную последовательность развития событий в жизни героев и максимально усложняет читательскую рецепцию. Очевидная сложность состоит также в том, что «время действия в романе сжато до момента речи и одновременно вытянуто во внутреннем монологе» [9, с. 60]. А это значит, что именно реципиент теперь вынужден сложить общую картину происходящего в романе в единое целое.

Нарративную организацию романа расширяет и закрепляет паратекстуальность и полифония романного единства, которая реализована Вольф в форме эпиграфов к отдельным главам, а также ко всему роману в целом высказываниями различных авторов. Шесть эпиграфов к главам представляют античных авторов (Сенека (2), Еврипид (2), Платон, Катон) и пять – авторов XX века (Ингеборг Бахман, Рене Жирар (2), Дитмар Кампер, Адриана Каварера). И, таким образом, к шести основным «беспристрастным» голосам главных героев добавляются восемь «голосов» из двух временных пластов, выступающих, по сути, «за» и «против» обвинения Медеи. Эпиграфы в сжатой форме фрагмента определяют также основную тему романа – противостояние и борьбу двух моделей мира и социального устройства, фемининного и маскулинного (варварская Колхида и культурный Коринф), два конфликта романа – Медея и Ясон, человек в противостоянии с властью (Медея и

Колхида с Коринфом), а также семантику каждой из глав. Например, эпитафия из Катона в 5-й главе «отдает» свой голос за Ясона: «Как только женщины будут поставлены вровень с нами, они станут выше нас» [11]. Адриана Каварера в эпитафии к 11-й главе, «голосует» за Медею: «В известном смысле эта планета напоминает «Арго»: посланная с второстепенной миссией, она влачится бесцельно, подверженная конечным превращениям времени» [11].

Ключом к пониманию семантики романа в целом является первый эпитафия ко всему роману – высказывание немецкого литературоведа и социолога Элизабет Ленк, декодирующее главную интерпретационную практику – принцип ахронии. Конвергенция разнесенных во времени веков, соположенность эпох выводят тематику, проблематику и конфликты романа К. Вольф на новый уровень, уровень современности с ее проблемами свободы личности, тоталитаризма, положения женщины, эмиграции и других. Неомифологический роман-реконструкция «Медея» в представлении авторской интенции кодирует и маркирует разрушение устойчивых идеологем и мифологем, деконструируя и заново интерпретируя архетипическую конструкцию мифологического сюжета о Мее. Именно нарративная стратегия в романе, построенная на саморефлексии героев и, что самое главное, саморепрезентации главной героини дает возможность автору снять с Медеи все обвинения – в убийстве своего брата Апсирта, убийстве своих сыновей, убийстве Главки. Дает возможность показать целостность и гармоничность личности Медеи как любящей дочери, верной жены, заботливой матери, целительницы, врачевательницы. Как очень точно отмечает И. Млечина, «поиск целостного человека, пожалуй, именно в этой точке перекрещиваются основные линии поэтики Вольф» [6, с. 286].

Финал романа открыт, он заканчивается трагической нотой, голосом-вопросом Медеи, выходящим за рамки текста и мифологического хронотопа в хронотоп современной жизни: «Куда мне теперь? Можно ли помыслить такой мир, такое время, где я пришлась бы к месту? Некого спросить. Это и есть ответ» [11].

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Любовь // Аверинцев С.С. Собр. сочинений. София - Логос. Словарь. К., 2006. С. 279–285.
2. Андреева В. А. Нарративное конструирование гендера в неомифологическом дискурсе // Исследования языка и современное гуманитарное знание. СПб., 2023. Т. 5, № 1, С. 4–12.
3. Воротникова А.Э. Гиноцентрические романы Германии и Австрии 1970-1980-х гг. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2008. 37 с.

4. Воротникова А.Э. Разрушение женской утопии (на материале романов «Линька» В. Штефан, «Кассандра» и «Медея» К. Вольф) // Балтийский филологический курьер. Калининград, 2007. №6. С. 250–259.
5. Ивлиева П.Д. Три портрета в контексте гиноцентрического романа (И. Бахман, И. Моргнер, К. Вольф) // Российский гуманитарный журнал. 2013. Т. 2. №2. С. 186–194.
6. Млечина И.В. Жизнь романа: о творчестве писателей ГДР, 1949-1980. М.: Сов. писатель, 1984. 367 с.
7. Подъяпольская О.Ю. Стратегия демифологизации в романе Кристи Вольф «Медея. Голоса» // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. №27. (382). Филологические науки. Вып. 98. С. 147–152.
8. Савиных О.И. Опыт интермедиального подхода к интерпретации сюжета о Мее в романе Кристи Вольф «Медея. Голоса» и киноверсии Пьера Паоло Пазолини // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 1 (41). С. 82–91.
9. Чумакова Т.Н. Роль драматических форм в мифологическом романе Кристи Вольф «Медея. Голоса» // Многообразие романских форм в прозе второй половины XX столетия. Волгоград, 2002. С. 55-64.

Список источников

10. Брюсов В.Я. Избранное: стихотворения. Лирические поэмы. М., 1983. 287 с.
11. Вольф К. Медея: голоса // [Электронный ресурс.] URL: https://royallib.com/read/volf_krista/medeya.html#0 (дата обращения: 25.01.2024).
12. Эврипид. Медея // Эврипид. Трагедии. т. I. М.: Искусство, 1980. С. 59-122.

УДК 82-32

Никанорова Е.И., Ястребова А.С. Анализ символического содержания образа кактуса в рассказе О. Генри «Кактус»

Никанорова Екатерина Игоревна

старший преподаватель кафедры европейских языков и методики их преподавания
Нижегородский Государственный Педагогический университет им. Козьмы Минина
РФ, г. Нижний Новгород
ek.nickanorova2018@yandex.ru

Ястребова Анастасия Сергеевна

студентка 5 курса кафедры европейских языков и методики их преподавания
Нижегородский Государственный Педагогический университет им. Козьмы Минина
РФ, г. Нижний Новгород
snegir1544@yandex.ru

Analysis of the symbolic content of the cactus image in O. Henry's short story "The Cactus"

Nickanorova Ekaterina Igorevna

Senior Lecturer at the Department of European Languages and Teaching Methods
Nizhny Novgorod State Pedagogical university n. a. Kozma Minin, Russia, Nizhny Novgorod

Yastrebova Anastasia Sergeevna

Student at the Department of European Languages and Teaching Methods
Nizhny Novgorod State Pedagogical university n. a. Kozma Minin, Russia, Nizhny Novgorod

Аннотация. Статья посвящена исследованию символа кактуса в одноименном произведении О.Генри «Кактус». Анализ образно-символического содержания текста позволяет выявить триаду образ-символ-мифологема, в рамках которой изучаемый объект раскрывается на протяжении всего произведения. В результате исследования авторы приходят к выводу, что в рассказе О.Генри кактус представляет собой не просто предмет или образ, но символ, раскрывающийся в мифологеме загадки, которая оказывается ключевым фактором развития сюжета. Одновременно с этим, автор посредством символики объединяет свое произведение с мифом и общемировой культурой.

Ключевые слова: символ, миф, мифологема, образ, литературоведение, литературный анализ.

Abstract. The article is devoted to the study of the cactus symbol in eponymous work of O. Henry "The Cactus". The analysis of the figurative and symbolic content of the text makes it possible to identify the image-symbol-mythologeme triad, within which the studied object is revealed throughout the work. As a result of the study, the authors conclude that in O. Henry's story, the cactus is not just an object or image, but a symbol that manifests itself in the mythologeme of the riddle, which turns out to be a key factor in the development of the plot. At the same time, the author unites his own work with myth and global culture through symbolism.

Keywords: symbol, myth, mythologeme, image, literary criticism, literary analysis.

Исследование самого феномена символического невозможно в отрыве от культуры и ее составляющих, в частности – художественных произведений, их контекстуальной и индивидуально-авторской специфики. Анализ образно-символического содержания текста развертывает перед читателем целую иерархию смыслов. И приближение к некоторому пониманию если не природы символического, то хотя бы к попытке наметить очертания символа – один из немногих способов раскрыть полноту бытия литературного произведения. В свою очередь, разгадка поэтики символа – ключ к пониманию не только конкретного автора и его работ, но к пониманию культуры; не только национальной, но и во многом общечеловеческой, поскольку, цитируя Ханса Георга Гадамера: «... литература является функцией духовного сохранения и традиции, и поэтому она в любое настоящее вносит скрытую в ней историю» [8, с. 153]. Таким образом, символ рождается на стыке противоположностей, и попытка поэтапно погрузиться в его суть есть ни что иное, как постижение замысла автора в контексте культуры в широком смысле этого слова.

Восприятие символа произведения в первую очередь начинается с образа или предмета, его репрезентирующего. Для анализа и интерпретации в данной работе был взят рассказ О. Henry «The Cactus». Главным сюжетообразующим элементом, а также фигурой, наполненной многослойным образно-символическим содержанием, становится кактус, представленный с самого начала непосредственно в названии произведения, что уже говорит о ключевой его роли в канве рассматриваемого текста. Детальный анализ «кактуса» разворачивает внепредметную триаду *образ-символ-мифологема*, где посредством конкретного предмета постепенно раскрываются глубинные составляющие концептуального образно-символического содержания. Ведь, как отмечает К.Г. Юнг: «Знак всегда меньше того, на что указывает, а символ всегда заключает в себе больше, чем предполагает его очевидное значение. <...> символ же представляется нам достаточным сам по себе, ибо он обещает гораздо больше, чем выражает непосредственно» [1, с. 163].

При первом взгляде на произведение, одним из наиболее очевидных и явных структур образно-символического содержания рассказа становится непосредственное сравнение главного героя и опредмеченного уже в названии, – кактуса: «... листья кактуса передают тем, кому они посланы, любовный привет» – так описывает растение автор. В то же время сам герой, жаждущий внимания своей возлюбленной, одновременно тянется к ней и манит ее к себе своим превосходством, надменностью и всезнайством, своей несравненной уверенностью в себе. Однако какими бы

распростертыми ни были объятья, главной параллелью и ключевой характеристикой обоих в этом сравнении является ни что иное, как шипы.

Данное сравнение становится первой ступенью расшифровки и постижения поистине главного героя художественного произведения О. Генри – кактуса. Оно представляет собой образ, отражающий личностный уровень внутритекстовых взаимоотношений, первую эго-центрированную ступень развертывания семантики образно-символической структуры произведения и становится первым на пути к постижению более глубокого смыслового содержания.

Следующим уровнем раскрытия образного плана «кактуса» становится образ с лингвокультурным компонентом значения, который являет собой специфику конкретного предмета, в данном случае – определенного (*the cactus*) вида кактуса, в определенной лингвокультурной среде испанского языка. Данный феномен в контексте данного произведения, а также потенциально в ситуации межкультурной коммуникации представляет собой специфическую лингвистическую загадку, которая вербализует определенный культурный контекст.

Дальнейшее погружение в понимание функционирования образа кактуса в тексте приводит к следующему слою образной семантики. Сюжетная линия рассказа построена на незнании героем произведения испанского языка и невозможности разгадать соответствующую загадку – понять посланный в виде этого самого кактуса ответ, кроющийся в его испанском названии, поначалу описанный «варварским или ботаническим»: «Днем Эллис послала ему этот странный кактус, к которому не было приложено ни малейшей записочки. Только ярлычок, на котором значилось варварское или ботаническое название цветка!». Надменность и бахвальство героя, так или иначе уже упомянутые при рассмотрении образа кактуса ранее и затрагивающие слой «личности», приводят к судьбоносному непониманию между героями и погружают читателя в следующий образ – образ с лингвокультурным компонентом значения. Незнание языка становится причиной незнания национальной культуры соответствующей страны.

Вне контекста, описываемый объект, тот самый «*the cactus*», представляет собой лишь растение с набором определённых, свойственных ему отличительных физических свойств. Однако в понимании носителей испанского языка определенной территориальной области и соответствующего культурного фона данный совершенно заурядный предмет становится *носителем* и репрезентатором совершенно конкретного символического образа и значения: «Вот почему южные американцы называют эту разновидность кактуса «*Ventomarme*», что означает по-испански:

«Приди и возьми меня!». Важно отметить, что это не просто лексика с национально-культурным компонентом, это уже элемент культуры, который оказывается выражен посредством языка – «Ventomarme» – «Приди и возьми меня». Таким образом, понимание черт национальной культуры оказывается возможно только при условии знания соответствующего языка, в чем и проявляется лингвокультурная специфика данного образа.

В свою очередь, культурно маркированный объект, как в случае с кактусом в рассказе О. Генри, может выступать символом в рамках конкретного акта коммуникации и контекста. Культурный смысл являет себя не просто в пространстве языка, но через него и посредством него, образуя культурную метафору, базирующуюся на некоем символе и вместе с тем его репрезентирующую. То есть, образ способен, в определенном контексте и при определенной интенции, экстраполироваться до символа. Тем самым, следующим на этапе постижения сути художественного произведения становится именно он – символ.

На символ в конкретном художественно-смысловом контексте мы смотрим через призму заданной ему образности, через которую он воплощается автором и через которую может быть познан воспринимающим субъектом; подобно замочной скважине, где через узкие и конкретные границы образной формы может раскрываться таящаяся за ними необъятная вселенная безграничных трактовок символической сути.

Безусловно, конкретное значение символа можно определить только исходя из контекста, в котором он возник. Некоторая более или менее универсальная смысловая категория находит свое выражение через специфический авторский образ, особый символизм автора [2].

Возвращаясь к трактовке и интерпретации символа в рассказе О. Генри явным становится то, что «... понятие символа совершенно относительно, т. е. данная выразительная форма есть символ всегда только в отношении чего-нибудь другого» [3, с. 82], где сам по себе кактус символом не является, вырванный из контекста это даже еще не образ, а лишь предмет. Свой особый символизм растение приобретает только будучи помещенным в канву конкретного литературного произведения, став частью его сюжетной линии, в данном же случае – ее стержнем. Это специфический символ, контекстуальный для конкретного лингвокультурного пространства, но не экстраполированный до уровня мировой архетипичной культуры в своей непосредственной форме. Символический смысл здесь явлен имплицитно и может быть воспринят только посредством целостного анализа структуры текста и сюжета.

Во многом обычный в своем фактическом содержании кактус становится, выходя за рамки описанного ранее лингвокультурного образного содержания, символом испытания в произведении О. Генри, прохождение которого обеспечивает, как это принято в архетипических сюжетах, переход на качественно иной уровень реальности/получение сокровища/проход дальше и тому подобное. В данном же конкретном тексте прохождение испытания (а именно – разгадка значения посланного девушкой кактуса) – есть ключ к получению ее руки и сердца; не зная ответа и не пробуя как бы то ни было узнать его, герой лишается возможности получить желаемое, он не проходит свое испытание. Это универсальный мотив, реализуемый различно в широкой вариации сказок общемировой культуры, наиболее часто представленный в форме загадки. «Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что», «Царевна Лягушка», «Дочь-семилетка» – примеры русских народных сказок, в которых ключевым фактором развития сюжета становится прохождение испытания загадкой. В рамках современной литературы, наследующей архетипические мотивы, может быть представлено произведение Дж.Р.Р. Толкина «Хоббит», имеющее в своем сюжете тот же символ, выраженный, однако с помощью другого образа – буквального отгадывания загадок, что, в отличие от рассказа О. Генри, уже является эксплицитным выражением рассматриваемого символа.

Мы видим, что подлинная символика есть уже выход за пределы чисто художественной стороны произведения, она содержит и несет в себе некоторую дальнейшую содержательную перспективу. В основе символа лежит нечто архаическое, архетипичное, тесно связанное с культурой, в основе которой заложен миф и процесс мифотворчества [4].

В свою очередь, та самая «дальнейшая содержательная перспектива» в данном сюжете есть ни что иное, как мифологема, – мифологема загадки, рассматриваемая в том числе в контексте анализа текста О.Генри, в индексе Стита Томпсона «Типы фольклорных сказок» [9], что наглядно демонстрирует универсальность и широту распространения данной мифологемы в рамках мирового фольклора и, как следствие, ее дальнейшее распространение и развитие в литературе, в том числе и в современной, в различных видах, формах и образах. В данном конкретном произведении мифологема загадки имплицитна по своей форме, ее наличие в сюжете становится понятно только в моменте кульминации.

Как отмечает А. Ф. Лосев, мифом пропитана вся человеческая жизнь, но мифичная не вещь сама по себе, а непосредственно способ ее изображения [3, с. 108-

119)]. Так и в произведении О. Генри кактус сам по себе не есть миф или мифологический предмет. В отрыве от контекста и способа его изображения ничего сверхъестественного данное растение не несёт. Однако именно в рамках ситуации и его роли в сюжете он наделяется специфическим образно-символическим содержанием и соответствующей глубиной. От взаимодействия с данным объектом напрямую зависит судьба героя рассказа – это ли не есть классический мифологический образ, так хорошо известный человечеству из сказок и легенд глубокой древности?

Как и в случае с символом, универсальность и свойственная мифологическим образам архетипичность мифологема оказывается реализована посредством выбранной автором индивидуальной образно-символической формы, связана с различного рода предметами и явлениями действительности. Таким образом, мифологема несет в себе важнейшую из функций – осуществляет связь между текстами, имеющими в своей основе единую глубинную сюжетно-логическую структуру, выступая маркером прецедентности текста и интертекстуальности в целом [5], посредством чего формируется метаязык – объединение конкретного произведения автора с общемировым культурным контекстом, вплетение его в канву истории посредством адресации его к мировой мифологической универсалии; и именно посредством метаязыков и создается единое пространство культуры [6, 7].

Таким образом, в результате погружения в суть художественного произведения заданная изначально триада *образ-символ-мифологема* может быть расширена до следующей цепочки понятий: *предмет-образ-символ-мифологема-культура*; в свою очередь, символический мир текста становится пространством встречи смыслов, и каждый творец в нем становится создателем своего собственного образно-символического мира, объективируя универсальное содержание через призму индивидуально-авторской формы. Символ же становится ключом к постижению многогранности не только отдельного произведения, но и всей человеческой культуры, погружаясь в которую, можно открыть для себя новые грани бытия.

В свою очередь, в рассказе О. Генри кактус также являет собой не просто предмет или образ, но символ, раскрывающийся в мифологеме загадки, которая оказывается сюжетообразующим стержнем всего произведения, хотя кактус, как предмет материальной действительности, не несет в себе такой идеи сам по себе. Автор, посредством символики, объединяет свое произведение с миром мифа и многовековой культуры, использовавшей на протяжении своего развития те же идеи. Но именно форма и образ, используемые в сюжете, и делают произведение О. Генри

особенным – кактус становится символом, благодаря которому на примере обычной вещи раскрывается вся полнота и многогранность произведения, в котором автор постепенно и поэтапно погружает читателя от наиболее явных и видимых к более сложным и комплексным идеям.

Список литературы

1. Юнг, Карл Густав. Нераскрытая самость : [сборник] / Карл Густав Юнг ; [перевод А. Чечиной]. – Москва : Издательство АСТ, 2021. – 256. – (Эксклюзивная классика).
2. Дерябина В. А., Дерябин Ю. И. Символ и образ в социокультурном измерении //Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2012. – №. 6. – С. 161-164.
3. Лосев, Алексей Федорович. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев. – Москва : Издательство АСТ, 2021. – 448. – (Эксклюзив: Русская классика).
4. Власевская И. А. Роль символа в анализе и интерпретации художественного текста //Вестник Северо-Восточного федерального университета им. МК Аммосова. – 2009. – Т. 6. – №. 2. – С. 64-69.
5. Варламова В. Н. Лингвистические особенности мифологемы в художественном тексте //Вопросы методики преподавания в вузе. – 2016. – №. 5 (19-2). – С. 20-27.
6. Большакова А. Ю. Теория архетипа и концептология //Культурологический журнал. – 2012. – №. 1. – С. 8.
7. Ключкина Л. А. Мифема и мифологема: практики использования понятия в современной отечественной философии культуры //Международный журнал исследований культуры. – 2018. – №. 4 (33). – С. 197-207.
8. Gadamer, Hans-Georg. Truth and Method, 2d ed. transl. by Joel Weinsheimer and Donald G. Marshall (London : Sheed & Ward, 1989), pp [1960].
9. S. Thompson. Motif-index of folk-literature : a classification of narrative elements in folktales, ballads, myths, fables, medieval romances, exempla, fabliaux, jest-books, and local legends. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/thompson/index.htm>

УДК 8.82

Свистунов А.С. Описание внешнего мира как средство психологической характеристики персонажей в композиции художественного произведения на примере рассказа Ширли Джексон "The Lottery"

Свистунов Александр Сергеевич

ст. преподаватель кафедры «Теория и практика перевода»
Севастопольский государственный университет, РФ, г. Севастополь
wanted_007_@mail.ru

Description of Exteriority in Fiction as a Means of Psychological Portrayal of Literary Characters in "The Lottery" by Shirley Jackson

Svistunov Alexander Sergeevich

senior lecturer Department of Theory and Practice of Translation
Sevastopol State University, Russia, Sevastopol

Аннотация. Исследование представляет собой краткий лингвостилистический анализ отдельных художественных аспектов рассказа "The Lottery" американской писательницы Ширли Джексон. В частности, рассматриваются понятие «предметного мира» в художественном тексте и способы его обрисовки для более основательного описания психологической характеристики персонажей и раскрытия проблематики произведения, которое по праву считается классикой англоязычного психологического хоррора середины XX века.

Ключевые слова: предметный мир, композиция, психологический портрет, эмоциональная обрисовка, земледельческие обряды

Abstract. The purpose of the paper is to provide a brief linguo-stylistic analysis of certain elements of fiction in the short story "The Lottery" by the American writer Shirley Jackson. Special attention is paid to the concept of "exteriority" in fiction and means of its description in literary writing, something that allows for a more elaborate psychological portrayal of characters and a clearer setting forth of issues inherent to the plot of this particular short story, a world-renowned classic of psychological horror of the mid-20th century.

Keywords: exteriority, literary composition, psychological portrayal, emotional depiction, harvest ritual

Наряду с портретной характеристикой как одной из составляющих литературной характеристики персонажа [1, www], описание внешнего художественного пространства играет значительную роль в романах и рассказах американской писательницы Ширли Джексон. Как и несобственно-прямая речь или речь персонажей, бытовые, пейзажные и интерьерные зарисовки выступают в произведениях как способ отображения психологического состояния героев.

Следует отметить, что писательница никогда не работала по шаблону и не шла по какому-то единому пути создания психологического портрета персонажей с

художественной точки зрения. К примеру, во многих своих рассказах Джексон сама выступает в роли рассказчика. Очевидно, это решение продиктовано тем, что повествование от первого лица несколько ограничивает возможности автора в плане психологической характеристики персонажей, затрудняя как введение описаний и авторских рассуждений, обеспечивающих объективную, стороннюю точку зрения на происходящее, так и использование несобственно-прямой речи, которая отражает психологическую точку зрения персонажа [2, с. 100]. Однако эти потери Джексон в своих рассказах в полной мере компенсирует приемом обрисовки предметного мира художественного текста.

Одним их произведений, где данные художественные средства в полной мере и максимально ярко отражают темы психологии толпы и человеческой жестокости, является рассказ “The Lottery” (1948), по праву считающийся вершиной творчества писательницы из Нью-Йорка и классикой психологического хоррора. Это леденящая душу история, оставившая неизгладимый след в неоготической литературе, повествует о весьма своеобразных устоях и традициях провинциальной жизни маленького американского городка.

Место действия рассказа выбрано не случайно и имеет первостепенное значение. Этот на первый взгляд ничем непримечательный и даже в чем-то симпатичный городок, жизнь которого протекает спокойно и размеренно, еще явит читателю свой истинный облик. В начале повествования ничто не предвещает беды, и нашему читательскому взору предстают картинки повседневной жизни типичных жителей типичной «американской глубинки». Местные ребяташки с нетерпением ждут лета и играют друг с другом: *...they tended to gather together quietly for a while before they broke into boisterous play, and their talk was still of the classroom and the teacher, of books and reprimands* [3, с. 211]. Взрослые – приятные и дружелюбные люди: *The women, wearing faded house dresses and sweaters, came shortly after their menfolk. They greeted one another and exchanged bits of gossip as they went to join their husbands* [3, с. 211]. На самом же деле, в описании городка скрывается ирония, подчеркивающая лицемерие, жестокость и врожденное зло человеческой природы. Уловить эти завуалированные намеки удастся не сразу, и в этом заключается художественная ценность и «сила» рассказа. Не подозреваем мы и том, какое именно значение несет в себе та самая лотерея. Первое упоминание о ней в тексте лишь дает понять, что это своего рода укоренившаяся традиция, привязанная к конкретной дате и времени года: *The morning of June 27th was clear and sunny, with the fresh warmth of a full-summer day; the flowers were blossoming profusely and the grass was richly green.*

The people of the village began to gather in the square, between the post office and the bank, around ten o'clock; in some towns there were so many people that the lottery took two days and had to be started on June 26th, but in this village, where there were only about three hundred people, the whole lottery took less than two hours, so it could begin at ten o'clock in the morning and still be through in time to allow the villagers to get home for noon dinner [3, с. 211]. По факту – это дикий бесчеловечный ритуал. Идея лотереи состоит в том, что «победителя» убивают, забрасывая камнями. При этом жители городка не кажутся нам сумасшедшими кровожадными убийцами. Лотерея – это местная традиция, которой они следуют вот уже много лет. И если не принимать во внимание истинную сущность ритуала, жизнь городка представляется нам идиллической. Но эта идиллия иллюзорна, ведь тихий и милый на первый взгляд городок оказывается местом бессмысленных жестоких убийств.

Лотерея – это ритуал, основанный на древней традиции, которую соблюдают и в других городках «одноэтажной Америки». Победителя лотереи выбирают случайным образом, по жребию, без веской тому причины или основания. Ключевое место в рассказе занимает персонаж жительницы по имени Тесси Хатчинсон, которая, по всей видимости, воспринимает эту дату как данность и даже забывает о ней: *"Clean forgot what day it was," she said to Mrs. Delacroix... "though my old man was out back stacking wood," Mrs. Hutchinson went on, "and then I looked out of the window and the kids was gone, and then I remembered it was the twenty-seventh and came a-running [3, с. 213]. Но когда карающий жребий падает на Тесси, и либо она сама, либо другой член её семьи должны быть принесены в жертву, женщина осознает весь ужас происходящего и начинает протестовать, пытаясь спасти свою жизнь: *People began to look around to see the Hutchinsons. Bill Hutchinson was standing quiet, staring down at the paper in his hand. Suddenly, Tessie Hutchinson shouted to Mr. Summers, "You didn't give him time enough to take any paper he wanted. I saw you. It wasn't fair... [3, с. 216]. В данном отрывке авторская ирония выворачивает наизнанку лживую и порочную сущность персонажа, обнажает лицемерие и трусость человеческой натуры. До начала лотереи Тесси не ставит под сомнение честность этой традиции. И только когда жертвой лотереи становится она сама, понимая, что гибель неизбежна, героиня теряет веру в справедливость бесчеловечного ритуала: *"It isn't fair, it isn't right," Mrs. Hutchinson screamed...* [3, с. 219]. Читатель же прекрасно понимает, что лотерея несправедлива и чудовищна по своей природе.**

Кроме того, Джексон подчеркивает склонность человека к насилию и жестокости. Никто из жителей городка не говорит о том, что эта ужасная традиция

бессмысленна. Они настолько привыкли к лотерее, что воспринимают её как данность: *The lottery was conducted—as were the square dances, the teen-age club, the Halloween program—by Mr. Summers, who had time and energy to devote to civic activities* [3, с. 212]. В сознании и жизни местного населения жуткий обряд отождествляется с праздничными событиями, которые по сути своей должны приносить людям радость и отвлекать от мирских дел: *The people had done it so many times that they only half listened to the directions; most of them were quiet, wetting their lips, not looking around...*[3, с. 215]. И когда кто-то из местных упоминает, что в других городках идут разговоры об окончательном отказе от проведения лотереи, ее участники просто поднимают на смех это абсурдное заявление: *“They do say,” Mr. Adams said to Old Man Warner, who stood next to him, “that over in the north village they `re talking of giving up lottery.” Old Man Warner snorted. “Pack of crazy fools,” he said. “Listening to the young folks, nothing `s good enough for them. Next thing you know, they `ll be wanting to go back to living in caves, nobody work anymore, live that way for a while. Used to be a saying about `lottery in June, corn be heavy soon’...”there `s always been a lottery,” he added petulantly* [3, с. 215]. Эти строки раскрывают перед нами конфликт поколений, поражающий своей парадоксальностью: старожил Уорнер заявляет, что молодежь скатывается к первобытному образу жизни (*they `ll be wanting to go back to living in caves*), при этом читатель понимает, что нежелание горожан отказаться от укоренившейся традиции выливается в абсурдное ритуальное убийство самого настоящего примитивно-языческого толка. С читательской точки зрения, ирония заключена в том, что традиция действительно бессмысленна. Здравомыслящий человек понимает, что лотерея никоим образом не повлияет на урожай, во что слепо верят горожане (*Used to be a saying about `lottery in June, corn be heavy soon`*). Аллюзия на языческие жертвоприношения, связанные со сбором урожая, наводит на мысль о том, что жители городка в силу собственного невежества, заостренности ума и крайней жестокости видят в лотерее ни что иное как спасительный и жизнеутверждающий обряд. Отказаться от него – значит отречься от своего прошлого и настоящего, утратить веру.

Особого внимания в тексте заслуживает отрывок, где приводится довольно подробное описание ящика для проведения лотереи. Здесь Джексон в своей оригинальной манере мастерски раскрывает психологизм персонажей посредством описания неотъемлемого элемента быта, с которым связаны роковые события истории: *The original paraphernalia for the lottery had been lost long ago, and the black box now resting on the stool had been put into use even before Old Man Warner, the oldest*

man in town, was born. Mr. Summers spoke frequently to the villagers about making a new box, but no one liked to upset even as much tradition as was represented by the black box. There was a story that the present box had been made with some pieces of the box that had preceded it, the one that had been constructed when the first people settled down to make a village here. Every year, after the lottery, Mr. Summers began talking again about a new box, but every year the subject was allowed to fade off without anything's being done. The black box grew shabbier each year; by now it was no longer completely black but splintered badly along one side to show the original wood color, and in some places faded or stained [3, с. 212]. Древний как сам старик Уорнер, этот потрепанный деревянный ящик настолько укоренился в сознании горожан как символ неугасаемой веры в «старые добрые традиции», что все новое им чуждо и ненужно. Копнув чуть глубже, мы понимаем, что за всем этим скрывается непреодолимый первобытный страх перемен в застопорившейся на месте жизни.

Встречаются в тексте и совершенно абсурдные сцены, в которых мы становимся свидетелями отсутствия каких-либо попыток переосмыслить жестокую бессмысленную традицию. Описание непосредственного способа проведения лотереи, ее атрибутов намекает на определенные «сдвиги» в восприятии действительности, но они носят сугубо практический характер. Конечная цель и средства ее достижения неизменны: *Mr. Martin and his oldest son, Baxter, held the black box securely on the stool until Mr. Summers had stirred the papers thoroughly with his band. Because so much of the ritual had been forgotten or discarded, Mr. Summers had been successful in having slips of paper substituted for the chips of wood that had been used for generations. Chips of wood, Mr. Summers had argued, had been all very well when the village was tiny, but now that the population was more than three hundred and likely to keep on growing, it was necessary to use something that would fit more easily into the black box* [3, с. 212]. Вместо того чтобы отказаться от кровавой традиции, жители упрямо и настойчиво сохраняют её всеми возможными способами (*but now that the population was more than three hundred and likely to keep on growing, it was necessary to use something that would fit more easily into the black box*).

Обрисовка внешнего художественного пространства произведения, в частности, описания бытовых ситуаций, интерьера, конкретных предметов и взаимодействия героев с этим пространством являются в творческом арсенале Ширли Джексон не менее эффективным способом раскрытия психологической характеристики персонажей, чем интертекстуальность, несобственно-прямая речь или речь персонажей как таковых. В своём бессмертном рассказе “The Lottery” классик

англоязычной литературы продемонстрировала, насколько губительно, жестоко и опасно для человека общество, главным критерием «цивилизованности» которого является слепая вера в силу рока, а не торжество человеческого разума.

Список литературы

1. Характеристика литературного героя // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/417541/>
2. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н.А. Николина. – М.: Издательский центр Академия, 2003. – 256 с.
3. Jackson S. The Lottery and Other Stories. Adventures of the Daemon Lover / S. Jackson. – Avon Books, 1969. – 225 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 81-119

Марченко Ю.М. Исследование межкультурной коммуникации в Соединенных Штатах Америки, Западной Европе и России

Марченко Юлия Михайловна

старший преподаватель кафедры «Теория и практика перевода и зарубежная филология», Севастопольский государственный университет, РФ, г. Севастополь
ciel_84@mail.ru

A study of intercultural communication in the United States of America, Western Europe and Russia

Marchenko Julia Mikhailovna

Senior Lecturer of Theory and Practice of Translation and Foreign Philology Department
Sevastopol State University, Russia, Sevastopol

Аннотация. Работа посвящена изучению возникновения и развития теории межкультурной коммуникации как отдельной области исследований в Соединенных Штатах Америки, Западной Европе и России. Глобализация и развитие современных информационных технологий сделали коммуникацию неотъемлемой и очень важной составляющей современной цивилизации. Одновременно эти факторы вместе с другими ускорили и увеличили контакты между представителями разных культур, что обусловило важность межкультурной коммуникации как объекта исследования многих дисциплин. Межкультурная коммуникация определяется как таковой вид коммуникации (вербальной и невербальной), при котором происходит взаимодействие разных культур и представителей этих культур (различных этнических индивидов, групп). Теория межкультурной коммуникации претерпела стремительное развитие в послевоенный период в США; в Европе интерес к этому направлению появился гораздо позже, в 1970 – 1980-х годах. Российские ученые также активно исследуют процессы общения между представителями разных национальностей, о чем свидетельствует значительное количество публикаций по теории и практике межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, этнические группы, культурная специфика, глобализация, культурные ценности.

Abstract. The work is devoted to the study of the emergence and development of the theory of intercultural communication as a separate field of research in the United States of America, Western Europe and Russia. Globalization and the development of modern information technologies have made communication an integral and very important component of modern civilization. At the same time, these factors, together with others, accelerated and increased contacts between representatives of different cultures, which determined the importance of intercultural communication as an object of study in many disciplines. Intercultural communication is defined as such a type of communication (verbal and non-verbal), in which interaction between different cultures and representatives of these cultures occurs (various ethnic individuals, groups). Intercultural communication theory underwent rapid development in the postwar period in the United States; In Europe, interest in this area appeared much later, in the 1970s and 1980s. Russian scientists are

also actively researching the processes of communication between representatives of different nationalities, as evidenced by a significant number of publications on the theory and practice of intercultural communication.

Keywords: intercultural communication, ethnic groups, cultural specifics, globalization, cultural values.

Появление межкультурной коммуникации как отдельного направления исследования обусловлено определенными историческими и общественными факторами. Изучение межкультурной коммуникации в США было начато благодаря американским политикам, бизнесменам и дипломатам, которым из собственных интересов нужно было понять причины межэтнических конфликтов и разрешить возникающие проблемы при межкультурном взаимодействии. Это произошло потому, что после Второй мировой войны сфера влияния американской политики, экономики и культуры начала распространяться на весь мир. Однако, несмотря на позиции лидера, которые занимала страна, американцы даже высших чинов были совсем не подготовлены к интеграции с представителями других национальностей, поскольку культурная специфика США относительно единства языка и поведения (направленная в свою очередь общей системой образования) не готовила жителей страны к взаимодействию с языковым и культурным разнообразием.

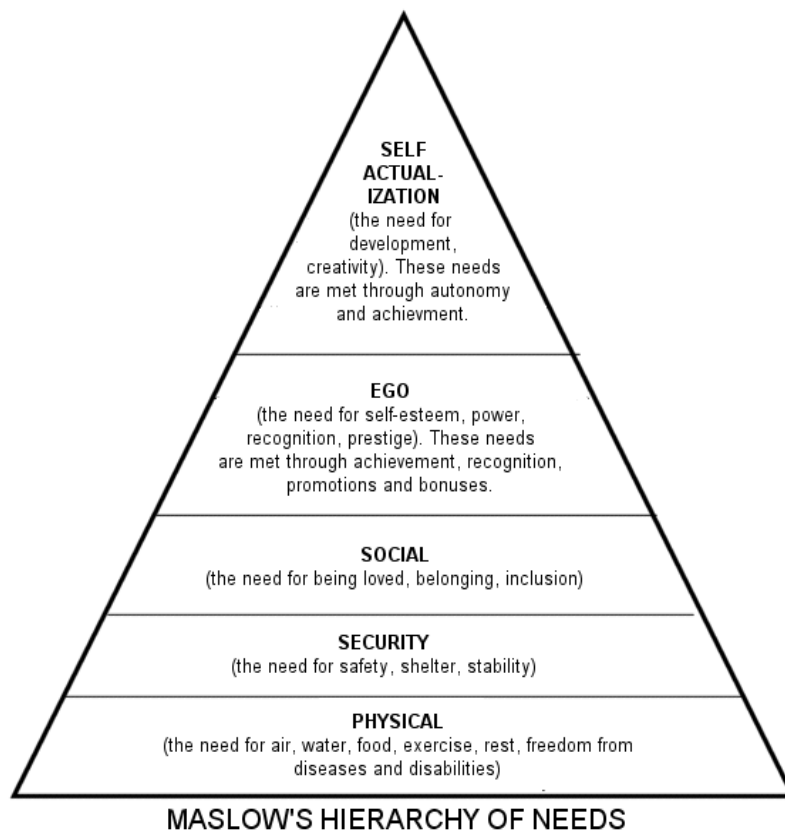
Во время коммуникации с представителями других стран американские чиновники и бизнесмены часто становились беспомощными. Такое общение нередко приводило к конфликтам и взаимной враждебности. Даже совершенное знание языка не решало проблем. В этой связи постепенно определялась необходимость изучения не только иностранного языка, но также соответствующей культуры, традиций, обычаев и т.п.

К тому же, в послевоенный период Америка разработала программу экономической помощи развивающимся странам. В рамках различных проектов, которые воплощались в широком спектре направлений (например, образование, здоровье, бизнес и компьютерные технологии, окружающая среда, программы для развития молодежи, аграрный сектор [6]), эксперты и активисты Корпуса Мира (Peace Corps) посещали разные страны, где они сталкивались с недоразумением, что часто приводило к провалу миссии. С самого начала практического воплощения программы руководители и исполнители поняли, что у них недостаточные знания для решения определенных проблем представителей других стран. Большое количество неудач активистов Корпуса Мира обнаружило потребность в специальных тренингах по практическим навыкам межкультурной коммуникации.

Для улучшения сложившейся ситуации в 1946 г. администрация США приняла важные поправки к Акту о службе за рубежом (Foreign Service Act) и основала

Институт дипломатической службы (Foreign Service Institute) для обучения чиновников дипломатической службе и ознакомления их с языком и культурой страны перед выездом за границу. Его возглавил выдающийся американский антрополог и лингвист Эдвард Холл (Edward Hall), разработавший концепцию изучения разных культур. Он предложил готовить специалистов, профессионально ориентирующихся в других культурах так же, как обучают переводчиков и преподавателей иностранных языков.

Институт стал центром сотрудничества ученых разных специальностей – лингвистов, антропологов, социологов, психологов и т.д. Их основной задачей была разработка тренингов для специалистов, отправляемых за границу. Теоретики межкультурной коммуникации базировали свои исследования в первую очередь на холистически-динамической теории мотивации выдающегося американского психолога Авраама Маслоу, разграничивающего человеческие потребности на самые низкие и высокие в соответствии с уровнем развития определенного человека [7, с. 55] (см. рисунок 1. «Пирамида потребностей Авраама Маслоу»).

Рисунок 1. Пирамида потребностей Авраама Маслоу

Преподавателями Института были преимущественно носители языка, которые вели свои занятия по четко определенной языковой программе и одновременно бессознательно обучали основам общения в собственной культуре. В свою очередь

перед студентами Института ставились исключительно практические цели: как подготовиться к более эффективному сотрудничеству с представителями других стран за рубежом и адаптироваться к их образу жизни.

Еще одной задачей специалистов Института было проводить исследования неудач в межкультурной коммуникации. Однако их попытки понять и объяснить поведение людей с разными культурными истоками были основаны больше на интуиции, собственных наблюдениях, прецедентах, чем на знаниях и опыте, поэтому первоначально такие исследования не имели плодотворных результатов.

Общим выводом ученых Института было следующее: каждая культура формирует свою систему ценностей, приоритетов и моделей поведения, поэтому описание, интерпретацию и оценку определенной культуры нужно делать только с точки зрения этой конкретной культуры. Это означает, что все культуры разные, нужно быть терпимыми к ним, поэтому описание, интерпретацию и оценку определенной культуры необходимо проводить с позиций культурного релятивизма. Такая позиция к описанию культуры вызвала много политических и моральных дебатов по поводу того, можно ли одни и те же критерии применять к разным культурам, поскольку, например, ценности одной культуры могут базироваться на угнетении меньшинства, а ценности другой основаны на терпимости и свободе.

Первый этап исследований Института закончился в 1956 году. В книге Эдварда Холла *The Silent Language* были опубликованы основные результаты исследований, которые позже стали программой дальнейшего развития теории межкультурной коммуникации. В своем труде Э. Холл не только доказал тесную связь между культурой и коммуникацией, но также необходимость исследования разных культурных поведенческих систем. Он провел аналогию с изучением грамматических категорий иностранных языков и пришел к выводу, что путем передачи практических знаний и навыков можно также глубоко изучить другие культуры [5]. В своей второй книге *The Hidden Dimension* Э. Холл обосновал важность межкультурного анализа, а также восприятие времени и пространства в разных культурах [4].

Интерпретация культуры и коммуникации, сделанная Э. Холлом, являлась темой многих дискуссий в США. Интенсивность дебатов привела к возникновению "Ежегодника по международной и межкультурной коммуникации" (*The International and Intercultural Communication Annual*) и "Международного журнала межкультурных отношений" (*International Journal of Intercultural Relations*). В этих журналах освещались проблемы коммуникации, культуры и языка. Тогда же наряду с понятием "межкультурный" появились понятия "кросс-культурный" и

"мультикультурный": все эти понятия в то время строго не разграничивались, но термин "межкультурный" оказался наиболее удачным.

Э. Холл пришел к выводу, что можно научиться коммуникации с представителями других стран благодаря изучению культуры тех народов. Это означало выделение межкультурной коммуникации не только как предмета научных исследований, но также как отдельную дисциплину. По мнению Э. Холла, целью межкультурной коммуникации как науки является достижение практических потребностей представителей разных культур, чтобы сделать их общение более успешным. Э. Холл был первым, кто считал коммуникацию видом деятельности, требующей анализа. Позже он разработал коммуникативную теорию взаимодействующих культурных моделей (theory of cultural patterns of interaction).

Публикации Э. Холла привлекли внимание многих представителей разных специальностей, продолживших развивать его учение [2 и др.]. Вскоре определилось несколько направлений исследований межкультурной коммуникации и было создано несколько школ по ее изучению.

Одно из направлений исследования межкультурной коммуникации возглавили Клайд Клакхон и Фред Стробек, предложившие свою методологию изучения культур разных народов. По мнению этих авторов, основные расхождения культур можно установить по отношению индивидуальных культур к таким концептам, как оценка человеческой природы (the human nature orientation), отношение человека к природе (the man-nature orientation), отношение к концепту времени (the time orientation) и оценка активности/пассивности (the activity orientation) [9].

В середине 60-х годов XX века проблемы межкультурной коммуникации стали центральным объектом исследований в университете Питсбурга, Пенсильвания (США). Опираясь на культурный аспект гипотезы Сепира-Уорфа, политолог Маршал Сингер написал книгу "Culture: A Perceptual Approach", в которой разработал понятия "восприятия" (perception) и "системы восприятия" (perceptual systems), считавшиеся связующим звеном и мнением. Ученый настаивал на том, что язык следует считать лишь одним из способов установления и поддержки восприятия среди членов культурной группы. Между тем группа психологов университета Иллинойс под руководством Гарри Триандиса изучала культурную ассимиляцию. Результаты этих исследований опубликованы в книге "The Analysis of Subjective Culture", посвященной сопоставимому анализу природы культур [10].

Основателями другого направления в рамках межкультурной коммуникации были Л. А. Самовар и Р. Э. Портер, интересовавшиеся проблемой вербального и

невербального общения. В своей книге *Intercultural Communication: A Reader* авторы исследовали проблему интерпретации невербальной коммуникации. Они считали, что невербальные символы, обладающие положительными характеристиками в одной культуре, могут быть негативно интерпретированы в других культурах [8].

Разработка теории межкультурной коммуникации в США в 60-70-х годах XX века была дополнена новыми направлениями и аспектами исследования. Одними из них являлись исследования адаптации (*adaptation*) и культурного шока (*culture shock*).

Равномерно идеи межкультурной коммуникации начали завлекать внимание и представителей сферы образования. Процесс становления межкультурной коммуникации как учебной дисциплины начался в 60-х годах XX века, когда этот предмет начали изучать в ряде американских университетов. Впоследствии содержание учебного курса по межкультурной коммуникации кардинально изменилось: в 70-х годах исключительно практический характер курса был дополнен теоретическими обобщениями. Таким образом, курс межкультурной коммуникации получил форму классического университетского курса, сочетающего в себе как теоретические положения, так и практические аспекты.

В целом, парадигматический аспект развития межкультурной коммуникации в США как отдельной научной дисциплины включает в себя:

-определение границ концептуальных положений и разработку теоретических основ в 1940 – 1950-х гг.;

-апробацию разработанных теоретических положений в процессе ведения тренингов, семинаров и курсов для участников процесса межкультурной коммуникации (дипломатов, бизнесменов, студентов международных программ, волонтеров Корпуса Мира и др.) в 1960 – 1970-х гг.;

-уточнение и доработку концепций межкультурной коммуникации на основании сфер ее применения в 1980 – 1990-х гг.;

-развитие межкультурной коммуникации как самостоятельной дисциплины, имеющей свой предмет исследования и методологическую базу с середины 1990-х до настоящего времени [3, с. 12 – 13].

Современное исследование межкультурной коммуникации в США разворачивается в двух направлениях: международная межкультурная коммуникация как взаимодействие разных культур и внутренняя межэтническая коммуникация как взаимодействие субкультур внутри одной культуры [1, с. 12].

Следует также отметить, что в США функционирует множество разнообразных ассоциаций и обществ, помогающих ученым объединять свои усилия для развития теории межкультурной коммуникации. Так, например, с 1950 успешно работает Международная ассоциация по вопросам коммуникации (International Communication Association – ICA), а с 1974 – Общество межкультурного обучения, образования и исследований (Society for Intercultural Education, Training and Research – SIETAR). С середины 70-х годов XX века печатаются ежегодные издания по международной коммуникации (International and Intercultural Communication Annuals, 1974), ежеквартальный журнал межкультурных связей (International Journal of Intercultural Relations, 1977). Все эти меры делают США бесспорным лидером в количестве исследований и теорий, посвященных изучению межкультурной коммуникации.

Что касается Европы, то европейские ученые заинтересовались темой межкультурной коммуникации значительно позже, чем их американские коллеги, и следует отметить, что они обратили внимание на исследование проблем межкультурной коммуникации по другим причинам.

Впервые о проблемах межкультурной коммуникации заговорили на научном симпозиуме "International and cross-cultural communication between developed and developing countries", проходившем в 1966 году в Берлине. Организаторы симпозиума пытались презентовать немецким ученым новое направление исследований, которое имело практическую ценность, и дать импульс новым исследованиям. Однако ученые не очень положительно отреагировали на предложенную тему, поэтому ожидания организаторов не оправдались.

Только через несколько лет европейские ученые все же заинтересовались результатами исследований межкультурной коммуникации: формирование Европейского Союза открыло границы многим государствам, и это привело к свободному передвижению людей, капитала и товаров. Европейские города начали быстро менять свои лица, поскольку наполнились представителями разных культур. На этом фоне постепенно начинает формироваться научный интерес к проблемам межкультурной коммуникации.

Первыми попытались исследовать межкультурную коммуникацию преподаватели иностранных языков. Несколько позже психологи также начали обсуждать проблемы межкультурной коммуникации, прежде всего обращая внимание на проблемы ценностной ориентации, этнокультурной идентичности, чувство «несхожести» в чужой среде.

Современные исследования межкультурной коммуникации в Германии начались в конце 1980-х годов, когда профессор К. Рот из Мюнхенского университета отметил, что до этого времени этнография не была задействована в исследованиях по межкультурной коммуникации и культурным контактам на предприятиях. С этого момента немецкие ученые исследуют проблемы аккультурации, миграции иностранных работников, отношения между иностранными и немецкими сотрудниками. Различные исследования выделяют разные аспекты: расхождения в восприятии, поведении и языке. Цель и объект исследования определяли методы исследования: ученые использовали герменевтику, когнитивную психологию, лингвистику, этносемантику и этнометодологию.

В 1970 – 1980-х годах XX века некоторые университеты Западной Европы начали активно изучать межкультурную коммуникацию и вроде США ввели в перечень академических курсов новый предмет. Используя опыт своих американских коллег по преподаванию межкультурной коммуникации, учебные программы были разработаны на основе фольклористики, этнологии и лингвистики.

Однако, сейчас изучение теории межкультурной коммуникации как академического курса внедрено только в нескольких европейских университетах (например, Newcastle University в Великобритании; Tilburg University в Нидерландах; University of Helsinki в Финляндии; Hochschule Heilbronn в Германии и т.п.). Более того, ориентация и содержание курсов разработаны согласно специализации кафедры, на которой преподается предмет: например, в Великобритании межкультурная коммуникация преподается в рамках прикладной лингвистики.

Современный процесс глобализации и европейской интеграции создал благоприятные условия для изучения межкультурной коммуникации, поскольку проблемы многокультурности стали важны для всех европейских стран без исключения. На основе этого активно развивается интерес к проблемам межкультурной коммуникации, возникает потребность в ее изучении. Демографическая ситуация в Европе позволяет предположить, что довольно быстро теория межкультурной коммуникации станет новым междисциплинарным направлением активных исследований, а также будет введена в качестве новой академической дисциплины в европейских университетах.

В Российской Федерации исследование теории межкультурной коммуникации было инициировано преподавателями иностранных языков, которые первыми поняли, что собственное знание иностранного языка недостаточно для того, чтобы эффективно общаться с представителями других культур. Сегодня очевидно, что

успешные контакты с представителями других культур невозможны без знания особенностей этих культур, а также без практических навыков межкультурного общения.

В ряде российских университетов (например, Московский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет, Пятигорский государственный лингвистический университет, Тульский государственный университет и др.) ввели новый предмет в образовательную программу для студентов – межкультурную коммуникацию. Цель этого предмета – помочь студентам успешно взаимодействовать с людьми разного этнического происхождения на ежедневном межличностном уровне.

В России новая дисциплина распространилась в конце 90-х годов XX века. Основные идеи были выдвинуты учеными институтов РАН и МГУ. В настоящее время межкультурная коммуникация как независимая наука и академическая дисциплина только проходят стадию формирования в РФ. Этот предмет обычно включают в расписание лингвистических факультетов, а содержание курса, прежде всего, освещает общие теоретические основы межкультурной коммуникации и культурные вопросы, особенные для носителей определенного языка. В 1998 году была основана отдельная серия вестника Московского государственного университета «Лингвистика и межкультурная коммуникация».

Среди современных исследователей теории межкультурной коммуникации следует назвать ученых, которые в своих фундаментальных трудах рассматривают проблемы межкультурного общения: Т. Н. Астафурова, С. К. Бондырева, Е. Я. Бурлина, Ж. А. Верховская, Л. Г. Викулова, А. Л. Головлева, Н. Л. Грейдина, Л. И. Гришаева, Т. Г. Грушевицкая, Д. Б. Гудков, С. Д. Гуриева, В. Г. Зинченко, Л. С. Зникина, В. Г. Зусман, В. В. Кабакчи, Н. В. Калина, И. Е. Клюканов, В. В. Кочетков, В. В. Красных, А. А. Леонтович, Л. К. Муллагалиева, Н. В. Наместникова, Т. Н. Персикова, И. В. Привалова, Ю. Рот, А. П. Садохин, Г. В. Терехова, С. Г. Тер-Минасова, В. И. Тхорик и Н. Ю. Фанян, Е. Г. Фалькова, В. П. Фурманова, М. А. Царева, Н. Л. Шамне, Т. В. Шульженко. Жизнедеятельность и отношения людей регулируются нормами, признанными в определенной культуре, регулируемыми практически все сферы человеческого мышления и поведения, а также влияющими на характер мировосприятия и межличностные отношения, ведь каждый человек реагирует на окружающий мир в соответствии с особенностями своей культуры. Поведение представителей других культур не является непредсказуемым, поскольку подвергается изучению и прогнозированию. Таким образом, возникает потребность в

проведении специальных, прежде всего лингвистических и культурологических исследований, направленных на формирование знаний и навыков межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации [Электронный ресурс]. – URL: Режим доступа: https://www.studmed.ru/gudkov-db-teoriya-i-praktika-mezhkulturnoy-kommunikacii_63988ee40c9.html(дата обращения: 15.10.2023)
2. Петренко А. Д. Актуальные проблемы языковой вариативности в аспекте мировой интеграции и глобализации / А. Д. Петренко, Д. М. Храбскова, Д. А. Петренко, Э. Ш. Исаев. – Симферополь, 2019. – 273 с.
3. Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации): Монография. / И. В. Привалова. – Москва: Гнозис, 2005. – 472 с.
4. Hall E. The Hidden Dimension [Электронный ресурс]. – URL: Режим доступа: https://www.academia.edu/43785083/The_Hidden_Dimension_Edward_Hall(дата обращения: 31.01.2024)
5. Hall E. The Silent Language / Edward Hall – New York: Anchor Books, a division of Random House, Inc., 1990. – 211 p.
6. Life is calling. How far will you go? Peace Corps Fact Sheet [Электронный ресурс]. – URL: Режим доступа: http://multimedia.peacecorps.gov/multimedia/pdf/about/pc_facts.pdf (дата обращения: 31.01.2022)
7. Maslow Abraham. Motivation and personality / Abraham Harold Maslow, Robert Frager. – San Francisco: Harper and Row, 1987. – 293 p.
8. Samovar L. Intercultural communication: a reader. 12th edition / Larry Samovar, Richard Porter. – Boston, MA, USA: Wadsworth Centage Learning, 2009. – 488 p. [Электронный ресурс]. – URL: Режим доступа: <https://search.worldcat.org/title/intercultural-communication-a-reader/oclc/34355538>(дата обращения: 15.10.2023)
9. Strodbeck F. L. Variations in value orientations [Электронный ресурс]. – URL: Режим доступа: <https://search.worldcat.org/title/variations-in-value-orientations/oclc/421735>(дата обращения: 20.01.2022)
10. Triandis H. C. The analysis of subjective culture / Harry Charalambos Triandis. – California, USA: Wiley-Interscience, 1972. – 383 p.

Международный научно-практический журнал
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
№ 02 (106), 2024

По вопросам и замечаниям к изданию,
а также предложениям к сотрудничеству обращаться
по электронной почте office@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов
Данный сборник распространяется по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Подписано в печать 10.03.2024
Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Усл.печ.л. 9,1. Тираж 500 экз.
Научно-издательский центр «Открытое знание»
www.scipress.ru